И. З. СУРИКОВ
и
ПОЭТЫ-СУРИКОВЦЫ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

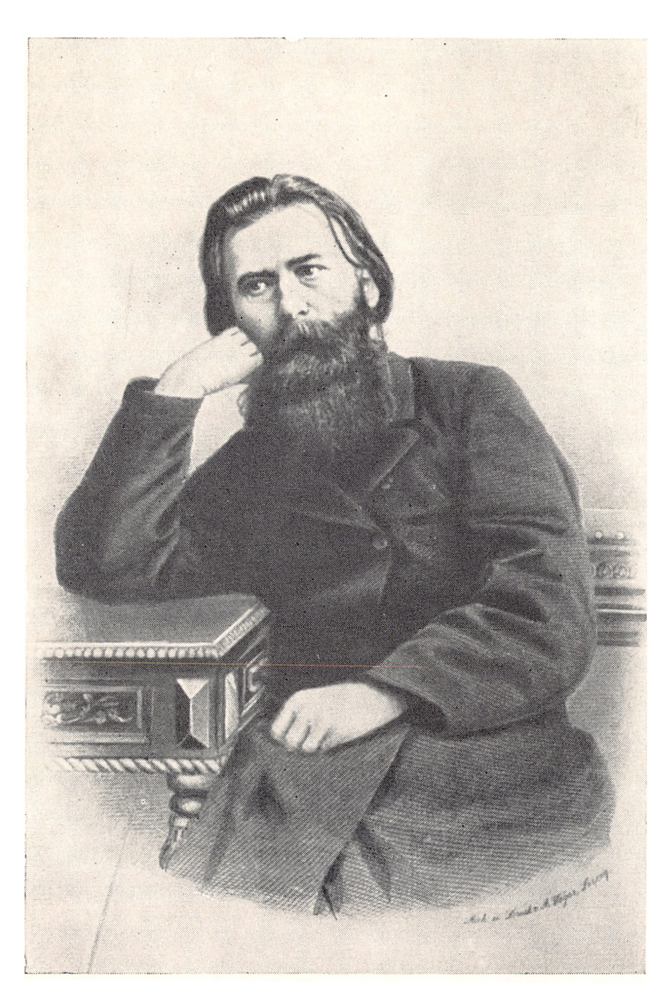
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

И. З. СУРИКОВ
и
ПОЭТЫ-СУРИКОВЦЫ

Вступительная статья,
биографические справки,
подготовка текста и примечания
Е. С. Калмановского

МОСКВА–ЛЕНИНГРАД • 1966

Иван Захарович Суриков (1841—1880) — даровитый поэт пореформенной эпохи, наиболее видный наследник традиций Кольцова и Никитина, автор широко известных песен и стихотворений: «Что шумишь, качаясь, тонкая рябина...», «Детство» («Вот моя деревня...»), «Зима», «Казнь Стеньки Разина» и др. В этом издании, почти исчерпывающе представляющем его стихотворное наследие, помещены также лучшие произведения поэтов, группировавшихся вокруг Сурикова, творчески близких ему (С. Дерунова, А. Разоренова, И. Родионова и др.), а также непосредственных преемников его литературного дела (С. Дрожжина и М. Леонова). Их стихи, впервые собранные в этой книге вместе, воскрешают одно из примечательных явлений поэзии последней трети XIX в. — творчество так называемых поэтов-самоучек, т. е. писателей, вышедших из крестьянской среды и выражавших в своих произведениях настроения народа, его мечты и думы, его горести и заботы.



И. З. Суриков

СУРИКОВ И ПОЭТЫ-СУРИКОВЦЫ

Иван Суриков, Александр Бакулин, Степан Григорьев, Савва Дерунов, Дмитрий Жаров, Матвей Козырев, Егор Назаров, Алексей Разоренов, Иван Родионов, Иван Тарусин, Спиридон Дрожжин, Максим Леонов... Вот ряд имен русских поэтов прошлого века (некоторые из них захватили и начало нынешнего), представляющих собой вместе с другими как бы особый участок, особый «отдел» родной литературы. Создания их часто несовершенны, преходящи, но само явление жизни и искусства, представленное названными поэтами и их товарищами по литературному делу, не может не привлечь к себе внимания нашего современника. И, пожалуй, не только историка, литературоведа, но и исторического романиста — настолько пути этих поэтов необычны, полны драматизма, красноречиво говорят о времени, о всем строе старой русской жизни.

Известная сложность, но и привлекательность задачи состоит в том именно, чтобы выяснить истинное своеобразие, историческую неповторимость трудов и дней поэтов, которым посвящена настоящая книга, и в то же время не стремиться внушать ложное представление о значении их произведений, не приписывать им несуществующие достоинства, не стараться «подверстать» их к другим явлениям истории литературы, более значительным, исторически более прогрессивным.

Суриков, его товарищи и преемники сами называли себя «поэтами-самоучками», «писателями-самоучками». Смысл определения, очевидно, не в том, что они самостоятельно, сами по себе научились

писать стихи, а в том, что они вообще были людьми, которым жизнь не приготовила ни школы, ни какой-либо другой возможности систематического освоения культуры. В тяжкой борьбе они вырывали у жестокой судьбы знания, простую грамоту, возможность читать книги, а затем и «сочинять». Так что в самом этом определении — «поэты-самоучки» — заключен известный вызов, упрек, противопоставление.

Русская история знает множество имен «поэтов-самоучек», работавших в разные эпохи. Вообще это явление специфически русское. М. Горький в статье «О писателях-самоучках» вспоминает: «Вильям Джемс, философ и человек редкой духовной красоты, спрашивал: — Правда ли, что в России есть поэты, вышедшие непосредственно из народа, сложившиеся вне влияния школы? Это явление непонятно мне. Как может возникнуть стремление писать стихи у человека столь низкой культурной среды, живущего под давлением таких невыносимых социальных и политических условий? Я понимаю в России анархиста, даже разбойника, но лирический поэт-крестьянин — это для меня загадка».[1] Сам Горький постоянно проявлял большой интерес к этому своеобразному явлению русской жизни; занимало оно и других писателей, например Льва Толстого.[2]

В настоящей книге представлено и рассматривается творчество «поэтов-самоучек» в пореформенное время, то есть примерно с середины 60-х годов прошлого века. То было время наиболее активной и массовой их деятельности. Разумеется, книга не может (да и нет в том нужды) представить читателю-современнику всех «самоучек» последней трети XIX — начала XX века. Но она претендует на то, чтобы охватить явление в его основных, наиболее характерных особенностях и тенденциях.

Активизация «самоучек» в пореформенное время была обусловлена социально-экономическими изменениями в русской жизни, ускорившимся процессом «обуржуазивания» ее, усилившимся стремлением крестьянства к свободе и самостоятельности. Достичь высот художественного творчества значило самоопределиться в жизни, так сказать, по большому счету, значило найти в ней совсем иное место, чем то, что полагалось по происхождению и условиям существования с детских лет. Не случайно ведь почти все «поэты-самоучки»

---

[1] М. Горький, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 24, М., 1953, с. 136.

[2] С. Т. Семенов, Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. — «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1, М., 1960, с. 416.

были людьми, родившимися в крестьянской семье и затем уехавшими в Москву или — реже — в Петербург для решительного единоборства с судьбой. Их жизненный путь — наглядная иллюстрация характерных явлений пореформенного времени, когда происходит решительное изменение в численности и социальном составе населения больших городов, приток в них большого числа крестьян.[1]

«...Суриков и Дрожжин — певцы деревни, разлагающейся под ударами новых условий, и певцы столицы, где в ежедневной борьбе теряют силы выходцы разлагающихся деревень» — так говорилось в одном из первых очерков о «поэтах-самоучках» пореформенной поры.[2] Слова эти в значительной степени справедливы и могут быть отнесены почти ко всем поэтам, интересующим нас.

Коллективные их особенности, общие их черты проявились более или менее ясно и четко к началу 70-х годов. К этому времени у первого и наиболее значительного из «самоучек», И. З. Сурикова, уже вышел сборник стихотворений, после нескольких лет публикации отдельных произведений в столичных журналах и газетах. Пример Сурикова был очень важен для будущих его соратников. Поэтому анализ его творчества, естественно, должен явиться первой главой в изучении «поэтов-самоучек».

1. ТВОРЧЕСТВО И. З. СУРИКОВА

Жизнь Сурикова — одна из самых горьких писательских судеб в русской литературе прошлого века. Тяжелый, монотонный труд в лавчонках на окраине Москвы, семейный гнет и раздоры, постоянное ощущение зависимости, страх нищеты, рано вспыхнувшая болезнь, загнавшая Сурикова на сороковом году жизни в могилу...

Занятый будничной борьбой за существование, Суриков жил в отрыве от многих важнейших идеологических, художественных завоеваний своей эпохи. Одновременно с ним работали Щедрин и Достоевский, Лев Толстой и Островский. Сурикову было не до таких знакомств — ни личных, ни творческих. Он, видимо, читал в 70-е годы некоторые их произведения, поскольку выписывал вместе с товарищами главнейшие русские журналы того времени. Но по-настоя-

---

[1] См.: А. С. Нифонтов, Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. — «Исторические записки», т. 54, М., 1955, с. 240—248 и др.

[2] «Поэты-крестьяне Суриков и Дрожжин. Составил В. Брус», СПб., 1899, с. 7.

щему выработать свое отношение к прочитанному ему было недосуг.[1]

Подталкиваемый ежедневными тяготами жизни, Суриков отчаянно, мученически боролся за свое место в ней. Многие стихи явились для него именно лишь одним из возможных средств самоутверждения, а не единственно необходимым способом выразить волнующие поэта чувства и мысли, пропагандировать определенные духовные, жизненные ценности. Нередко обстоятельства склоняли Сурикова к самому откровенному версификаторству. Обо всем этом никак нельзя забывать, отделяя реально значительное в наследии поэта от второстепенного, не главного, не принципиального.

Главное же состоит прежде всего в том, что Суриков — истинно народный поэт. Можно было бы (как это нередко и делается) сразу же представить читателю прямые параллели, скажем, между языком стихотворений Сурикова и произведений народной поэзии. Такие параллели легко отыскать, однако они еще не дают возможности понять, с чем на самом деле мы встретились: с подлинным выражением народной «души», проявлением народно-поэтического чувства, или со стилизацией.

Если отложить некоторые «былины» и «сказания», созданные Суриковым, то можно утверждать с уверенностью, что основной части его произведений несвойственна преднамеренная стилизация, нет в них принципиальной установки такого рода. Подражания встречаются (о них еще пойдет речь), но природа их иная, и они ни в какой мере не заслоняют истинных связей поэта с народной жизнью и народным мироощущением.

В своих воспоминаниях И. А. Белоусов пишет: «Следует отметить одну особенность: все писатели-самоучки начинали свою дея-

---

[1] К сожалению, у нас все еще недостаточно материала, чтобы иметь возможность более или менее обстоятельно очертить круг чтения Сурикова. Сами его стихи свидетельствуют о том, что он был знаком с творчеством многих поэтов — как предшественников, так и современников. В 1872 г. Суриков писал И. Г. Воронину: «Мы сообща, Григорьев, Козырев, Родионов и я, получаем «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Дело», «Всемирный труд». При прочтении журналов у нас затевается спор». В течение жизни Суриков собирал библиотеку. Однако в письмах поэта не содержится никаких откликов по поводу прочитанного. В его письме к И. Д. Родионову от 21 марта 1880 г. читаем: «Книги, стоящие денег, я тоже решился продать — на что мне они? Здоровье мне не дозволяет заниматься ими, да я их никогда и не читал почти — покупал да ставил на полочку» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина; в дальнейшем ссылки на этот архив даются сокращенно: ГБЛ).

тельность со стихов, а потом уже некоторые из них переходили на прозу.

Хотя стихотворная форма гораздо труднее прозаической, но она сильнее влияет на душу человека; да и толчок-то к писанию стихов поэты из народа получали от русских песен, которые они слыхали у себя в деревнях и знают с детских лет»[1].

Здесь особенно ценно соображение о «толчке к писанию стихов». Бесспорно, «поэты-самоучки», в частности Суриков, являлись своеобразными соучастниками народно-поэтического творчества. Их отношение к фольклору определяется не словами «связь», «влияние», налицо родство органическое, единство неразрывное.

Между фольклором и литературой нет явной границы, совершенно строгого и точного разделения. Суриков творил как бы в пограничной области. Став уже литератором, деятелем в области письменного слова, он вместе с тем был открыт в своем творчестве непосредственному, прямому воздействию стихии устной народной поэзии, воспринятой с детства. Но дело, конечно, не только и не столько в самих по себе детских впечатлениях, а в особой близости фольклорной традиции природе чувств и мыслей поэта. Его собственные создания, в свою очередь, легко подхватывались народом: уже его сотворцами, соавторами становились безымянные для нас люди — те, кто продолжал дальше шлифовать суриковские стихи, те, кто сокращал вторую и третью строфы «Рябины» или переиначивал первые строки «Казни Стеньки Разина».

Часто проводимое разделение произведений Сурикова на «песни» и «стихотворения» нельзя признать удачным. Автор предисловия к одному из сборников стихов Сурикова отмечал: «Как и Кольцов, он их (чужие стихи) *напевал,* и свои стихи потом часто проверял пением».[2] Неизвестно, на основании каких сведений сделан такой вывод, но он похож на правду. Стихотворение для Сурикова — это почти всегда песня, или в какой-то степени песня. Народно-песенный дух, ритм, черты сознания, свойственные фольклору, по-разному — иногда более прямо и наглядно, иногда более сложно и отдаленно — проявляются в различных творениях поэта. Это-то и интересно, это-то и важно, поскольку открывает коренное, существенное единство письменного творчества Сурикова с фольклором, а не поверхностную, внешнюю связь.

По самым принципиальным основам своим творчество Сурикова

---

[1] И. А. Белоусов, Литературная Москва, М., 1926, с. 75.

[2] А. М. Смирнов, Иван Захарович Суриков. — И. З. Суриков, Стихотворения, Пг., 1919, с. 7.

представляет собой как бы голос масс, голос народа, несущий на себе лишь очень неопределенный отпечаток личности поэта. «Песни Сурикова и были именно коллективными песнями, соответствующими ужасам 70-х и 80-х годов XIX века» — так писал один из поздних народников Г. Д. Деев-Хомяковский. [1] Такое определение — «коллективные песни» — справедливо и удачно.

Публикуя свои стихотворения в журналах, поэт нередко подписывал их: «Крестьянин Иван Суриков», подчеркивая тем самым, что говорит не «от себя», а представительствует от многомиллионной массы тружеников сел и деревень.

Вообще стихи Сурикова не дают привычного для современной ему поэзии ощущения индивидуальности автора. Здесь между отдельным произведением и автором как бы иные соотношения. Облик поэта дробен, невозможно и не нужно связывать многие его создания логическим единством.

Можно сравнить том его стихов, скажем, со сборником произведений такого третьестепенного и, кажется, вовсе забытого теперь поэта, как А. Михайлов (Шеллер). Но и в этом случае, даже не вдаваясь в серьезный анализ, читатель без труда почувствует в стихах Шеллера несомненное единство облика автора: в интонации, повторяющихся мотивах, автохарактеристиках, более или менее устойчивой лексической сфере и т. д. Суриков неопределеннее и безбрежнее. Его стихам, естественно, присуще господствующее настроение, преобладающая тональность, в конце концов ограниченный круг героев, повторяющиеся ритмы. Но — скажем еще раз — «индивидуальности» зримой, явственной не ощущаешь. У многих поэтов, современных Сурикову, как, впрочем, и у позднейших, нередко «индивидуальность» поверхностная, показная — она диктовалась конъюнктурой, модой, групповыми интересами, но, так сказать, хотя бы «установка на индивидуальность» являлась своего рода законом письменного творчества.

Суриковский фольклоризм проявляется в этой сфере опять-таки определенно и ясно. Его индивидуальность — народ, бедный люд города и деревни. До более сложной диалектики поэта и народа Суриков еще не дошел. В этом заключалась несомненная его слабость, но была и сила: она в большой искренности, правдивости всего его творчества. Позднейшие «суриковцы», в отличие от своего учителя, уже многое усвоили из литературной практики, в их тво-

---

[1] Г. Деев-Хомяковский, Певец бедноты и труда. — И. З. Суриков, Песни. Былины. Лирика. Письма к самородкам-писателям, М., 1927, с. 8.

рениях порой проявлялась искусная хитрость «умельца», она служила помехой глубоко искреннему и органическому выражению народных чувств и стремлений.

Что же касается способа раскрытия душевной жизни, свойственного поэту, то и он коренится в особой природе мышления, осознания действительности, характерной для фольклорной традиции. Суриков невнимателен к оттенкам, нюансам чувств, сложным эмоциональным единствам. Он — поэт обособленных, сильных и цельных душевных состояний (только тоска, только радость). Соответственно рисует он и переходные состояния. Вот один из примеров тому:

Если горе за сердце возьмет,
Навалится злодейка нужда,
Он кудрями лишь только тряхнет —
И кручины уж нет и следа.

(«Загорелась над степью заря. . .»)

Нельзя обнаружить у Сурикова и достаточно определившейся склонности к анализу психологии людских взаимоотношений, подвижных и изменчивых взаимосвязей. В этом плане показательно, например, стихотворение «В поле». Здесь два героя: «девушка-батрачка» и «парень на плече с косою». Их соединила любовь, они встречаются, утешают друг друга, однако представлена их история весьма условно. Есть что-то картинно-обрядовое во всем рассказе. В другом стихотворении — «Слеза косаря» — чувства героя-косаря и его любимой воплощаются в образной сфере легенды, мифа, передаются средствами фольклорной поэтики, а не психологически достоверного анализа, свойственного современной поэту литературе.

Как видно, по самим основам, по своему внутреннему строю суриковские стихи находятся не столько в сложной, диалектической, сколько в непосредственной, тесной связи с народным творчеством. Они прямо соответствуют настроениям, надеждам, вообще мировосприятию, а также эстетическим нормам тружеников-бедняков 60—70-х годов прошлого века.

По своему содержанию стихотворения Сурикова — это поэзия любви к трудящемуся человеку, к народу, поэзия сочувствия и сострадания. Основная ее тема — «бездольная жизнь» бедняка.

Разнообразие житейских драм и тягот широко представлено, названо, обозначено в стихах поэта. Здесь нищета, сиротство, смерть и похороны близких, деспотизм родителей, браки по принуждению, пьянство, тюрьма, безответная любовь, женское коварство.

Читатель не может не отметить большое число стихов поэта о смерти, похоронах, могилах. В стихах постоянны мотивы гибели, увядания, умирания и т. п. Вечно звучит в них быль, тоска, отчаяние:

Не кличь, не зови ты меня из могилы,
Не трать понапрасну слез горьких своих:
Не верю я в счастье, растратил я силы —
И мне не воскреснуть для песен былых.

(«В могиле»)

Смерть, вечность, тайна мирозданья, —
Какой хаос! — и сверх всего
Всплывает страшное сознанье
Бессилья духа своего.

(«Жизнь»)

Я в жизни несчастьями только богат,
И весь я нуждою исколот...
Мне тяжко... За то ли меня обвинят,
Что бьет меня горе, как молот?

(«Я рад бы веселые песни запеть...»)

Поэзию Сурикова по праву можно назвать крестьянской. Горькая доля настигает большинство его героев — как тех, что трудятся на земле, так и тех, что в городах бьются за кусок хлеба и простое уважение к себе. По душевной своей природе они — те же крестьяне. Однако в общем восприятии сельской и городской жизни самим Суриковым есть заметная разница.

Редкие умиротворенные интонации, немногие светлые эпизоды жизни, возникающие на страницах книг Сурикова вопреки основной тональности его поэзии, связаны только с жизнью деревни и родной природы. В сознании человека, попавшего в тенета городской нищеты и суеты, иногда всплывает как последняя надежда и упование образ другой жизни:

И рвалась я к родимому полю,
К моему дорогому селу, —

так шепчут губы «в предсмертном бреду» («Умирающая швейка»).

Суриков может показаться кому-нибудь на первый взгляд поэтом вовсе бесхитростным, как бы безоглядно влекущимся за очередным сюжетом. Однако это впечатление ошибочно. Он поэт, отли-

чающийся строгой правдивостью, и нигде поэтическое одушевление не позволяет ему нарочито сместить реальные черты.

Если просматривать одно за другим его «светлые» стихотворения, легко убедиться в том, что, пожалуй, ни разу не дал он повода посчитать благополучной вообще жизнь крестьянина, так сказать, его «нормальную» жизнь, его повседневность, полную трудов и забот.

С любовью и теплом вспоминает поэт картины детства — «Детство» («Вот моя деревня. . .»), «В ночном». Так же набрасывает он картины природы, рисует крестьян, на какой-то срок вырвавшихся из круга привычных треволнений и обид и оказавшихся лицом к лицу с природой или песней, — «Зима» («Белый снег пушистый. . .»), «В Украйне» и другие. Прекрасен, гармоничен его дед Клим («Дед Клим»), но он — сельский «чудак», человек, живущий отдельной жизнью («Дом покинул, в лес сосновый Забрался и там живет»; «И в деревню он не ходит, Надоела, вишь, ему. . .»).

Что же касается города, то он у Сурикова неизменно заслуживает лишь слова осуждения и неприязни:

Наконец-то я на воле! . .
Душный город далеко;
Мне отрадно в чистом поле,
Дышит грудь моя легко.

(«За городом»)

Город шумный, город пыльный,
Город, полный нищеты,
Точно склеп сырой, могильный,
Бодрых духом давишь ты!

Рад, что я тебя покинул,
Душный город, где я рос,
Где едва-едва не сгинул
В бездне горя, в море слез.

(«Вот и степь с своей красою. . .»)

Такой взгляд на современный поэту город исторически наивен, но для Сурикова и его последователей характерен.

Своеобразное восприятие города, городской жизни, быта его тружеников демократическими слоями населения породило к середине XIX века особый жанр народной поэзии — так называемый городской, или «мещанский», романс.

Суриков активно способствовал развитию этого жанра, с его болезненной унылостью ритма и слова, грустной напевностью, нервическим самоощущением певца-автора и его героев. Городской романс открывал повседневность, обычность, повсеместность людских драм, отвечал настроению, мировосприятию огромной массы бедняков, в новую пору русской жизни бившихся с судьбой в «душных городах». Поэтика городского романса распространилась затем и на изображение сельской жизни. Большое число стихотворений Сурикова представляет собой характерные образцы нового жанра. Таковы «У могилы матери», «Умирающая швейка», «Бедняк», «Тихо тощая лошадка...» и т. д.

В данном случае снова речь идет не об отдельных произведениях поэта, которые вошли в массовый песенный обиход и *стали* городскими романсами (то, что называется «фольклором литературного происхождения»), а о самом строе, духе суриковских стихотворений, о том, что они *были* произведениями такого жанра по своей поэтической природе. Скорбно-болезненный напев «мещанского» романса звучал во множестве представленных им картин, в рассказе о швейках, портных, сапожниках, бездомных бродягах и рабочих:

Вот я вижу огонь в мастерской,
Колесо и шумит и гудит,
У станка, наклонившись, стоит
Мастер, точно как смерть испитой,
Его грудь на резец уперлась,
И с лица пот стекает ручьем,
Стружки меди летят под резцом,
Грудь от сильной натуги вдалась.
Полночь, полночь, давно время спать,
Время, мастер, вздохнуть от труда.
Но нужда, о нужда, о нужда!
Ты в могиле даешь отдыхать.

(«Тоской моя грудь изболела...»)

Итак, произведения Сурикова представляют собой ценный материал для характеристики мироощущения русского крестьянина, сельского и городского бедняка пореформенной поры.

Нашло ли в творчестве «поэта-самоучки» свое выражение народное бунтарство, слышатся ли в нем ноты протеста и борьбы? Вообще, в каких отношениях находился Суриков и его стихи с наraставшим освободительным движением?

На эти очень важные вопросы все еще нельзя дать вполне кон-

кретного и обстоятельного ответа, если касаться самой биографии Сурикова.[1]

В сохранившихся письмах поэта нам удалось найти лишь один отклик на эпизод из освободительного движения 70-х годов — только один отклик, но весьма выразительный. Находится он в письме Сурикова Д. Н. Садовникову от 6 апреля 1878 года. Вот что пишет Суриков:

«А не в литературной Москве есть новое: случилось кровавое побоище, но об этом, я думаю, Вы уже читали в газетах. Газеты страшно лгут, передавая это печальное происшествие, — всему делу виною полиция... Я кое-что мог бы Вам сказать по этому делу, но в письме сделать это неудобно...

Видя угнетенье
Личности народа,
Поневоле спросишь:
Где же ты, свобода?..

Про тебя попы нам
И в церквах читали,
И в листах печатных
В руки передали.

Да в листах печатных
Так ты и осталась —
А из слова в дело
И не воплощалась...

Эту мысль можно бы продолжить, но это вышло бы слишком резко».[2]

Непосредственным толчком к столь горьким выводам автора письма, видимо, послужил разгон демонстрации студентов в Москве 3 апреля 1878 года. Это событие имело свою предысторию и про-

---

[1] Существуют легенды — впервые они были сравнительно недавно поведаны Г. Деевым-Хомяковским («Суриков — поэт бедноты». — «Коллективный труд», Углич, 1941, 6 апреля) и С. Фоминым («Заметки о жизни и творчестве И. З. Сурикова». — «Литературный Ярославль», кн. 8, 1956) — о связях Сурикова с борьбой первых рабочих организаций за освобождение; однако их полнейшая документальная неподтвержденность не позволяет придавать им какое-либо значение в нашем исследовании.

[2] Отдел рукописей Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом); в дальнейшем ссылки на этот архив даются сокращенно: ПД.

должение.[1] Оно вызвало глубокое возмущение многих современников, в том числе, как мы теперь знаем, и Сурикова.

Публикуемое письмо свидетельствует еще о том, что взгляд Сурикова на официальные «свободы» был весьма скептичен.

Его поэтическое творчество полностью приходится на время после отмены крепостного права. Но в своих стихах — и это очень важно для понимания позиции поэта — он почти не прибегает к столь популярному в 60—70-е годы противопоставлению старой и новой эпохи, старой и новой деревни. Правда, среди писем Сурикова сохранились два стихотворных отклика на реформу 1861 года: «Колыбельная песня» и «Пришла желанная свобода...» (впервые их опубликовал Н. А. Соловьев-Несмелов в издании 1884 года вместе с письмами поэта). В целом оба они одобряют происшедшую реформу, хотя в каждом случае по-разному. Однако цензура в свое время (около 1872 года) в печать их не пропустила. Мотивы запрещения нам неизвестны. По отношению к стихотворению «Пришла желанная свобода...» их легче себе представить: в нем могли раздражать рассуждения о трудности истинного раскрепощения народа, о том, что в «массы темного народа Еще свет мысли не проник И дремлет сил живых родник». Так или иначе, но в печать оба стихотворения не попали. Позднее же автор не включал их в два своих стихотворных сборника, возможно, уже по иной причине — не желая выражать даже такую меру надежды и веры в «великие реформы».

Поэзия Сурикова полна печали и горечи; однако уже из приведенных примеров ясно, что ей не следует приписывать в качестве основного настроения однообразную «терпеливую покорность», как это порой делалось в дореволюционной, да и послереволюционной, печати. Отметим еще в его стихах особый характер откликов, когда горе и печаль соседствуют с отчаянной разудалостью, горькой бесшабашностью, — их никак не уместить в рамки «терпеливой покорности» (для примера можно назвать «Шум и гам в кабаке...», «Беззаботный» и многие другие стихотворения, строки, детали). В своих произведениях на сюжеты из отечественной истории («Грозный царь»,[2] «Богатырская жена», «Василько», «Святослав и

---

[1] См.: «История Москвы», т. 4, М., 1954, с. 367—368.

[2] Стихотворение «Грозный царь (отрывок)», относящееся, видимо, к ранним произведениям Сурикова, рассказывает об Иване Грозном:

Он жаждет слышать плач детей,
Он жаждет слышать стоны вдов,
Глядеть на трупы их мужей,
Глядеть на трупы их отцов.

Цимисхий»[1]) Суриков обращается обычно к событиям драматическим, полным действия, энергичным и выразительным уже по самому своему характеру. Он рисует картины кровавых расправ, всяческого произвола, творимого властителями и их приближенными, представляет клубок обид, борьбы и мести.

Непосредственно «бунтарские» мотивы в стихах Сурикова редки. Все же встречаются и они. Пример — широко популярная в прошлом, да и сейчас не забытая, «Казнь Стеньки Разина» («Точно море в час прибоя...»). Явную нагрузку символики, содержательного иносказания несет, как нам кажется, стихотворение «Ой, дубинушка, ты ухни!..» Трудно предположить, что оно не вызвано к жизни каким-либо особой важности событием, особым кругом впечатлений, — настолько внутренне оно остро, напряженно, от него веет духом запальчивым, боевым. Однако пока оно должно быть отнесено к числу известного рода загадок в поэтическом наследии Сурикова. Определить реальный его адрес и подтекст в настоящее время невозможно. Нужны дополнительные факты и материалы.

Таковы некоторые эпизоды поэтического творчества Сурикова. Но и в целом его стихи, как уже говорилось, ориентированы не на «сильных мира сего», а на пасынков судьбы, на тех, кому существующий уклад жизни не давал покоя и обеспеченности сегодня и не сулил основательных надежд на завтра.

Анонимный рецензент «Отечественных записок», откликаясь на третье издание стихотворений Сурикова, так определял общее направление, общий дух книги:

«Напоминаем читателю, что стихотворения г. Сурикова доживают до третьего издания. Это факт тем более любопытный, что в них нет ни амуров, ни замысловатых сказок, ни шутовских побасенок, словом, ничего такого, что обыкновенно привлекает массы читателей к сборникам стихов второстепенных, совсем дюжинных и прямо лубочных поэтов. Значит, есть сферы, где требуется облегчить горе слезами, где лирика г. Сурикова, именно его лирика — утешительница заключенных и готовящихся к заключению — есть жданный и желанный гость. Ввиду этого вышеизображенная схема периодов уважения к лирике требует еще каких-то поправок. Каких, мы не знаем, кроме разве той, которую народ выразил поговорками: «от тюрьмы да от сумы не отрекайся» и „все мы под богом ходим“».[2]

---

[1] Поэма «Святослав и Цимисхий» не была закончена Суриковым, отрывок из нее см. в сб.: И. Суриков, Собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1951, с. 264 и 326.

[2] «Отечественные записки», 1877, № 11, «Новые книги», с. 100.

Как видно, рецензент по праву считал основной аудиторией поэзии Сурикова тех современников, которым неприютно было на родной земле, тех, у кого не находилось оснований отрекаться от «тюрьмы да от сумы», кто всегда «ходил под богом», ибо не мог надеяться на другого защитника.

На самом деле, в каких отношениях к богу находятся герои Сурикова и сам он? Насколько крепок был в их глазах этот защитник? В стихах часто молятся, поминают бога. Но такие детали, разумеется, ничего еще не говорят о существе дела, о мировоззрении Сурикова. Все-таки авторы работ о нем, появившихся в более или менее недавние годы, с уверенностью и особым неудовольствием отмечали наличие «религиозных мотивов» в его поэзии.

Однако вспомним, например, стихотворение «В воздухе смолкает...» (1866), которое не включалось ни в один из сборников Сурикова последних лет:

В воздухе смолкает
Шум дневных тревог;
Тишь с небес на землю
Посылает бог.

Тихо... Отчего же
В сердце у меня
Не стихает горе
Прожитого дня?

Отчего ж так больно
Скорбь сжимает грудь?..
Боже мой! От горя
Дай мне отдохнуть!

Очевидно, что это стихотворение свободно от религиозной патетики; напротив, оно содержит явный упрек «божьему миру» в несовершенстве, неустанных людских терзаниях. Конечно, подобным строкам далеко до богоборческого пафоса, скажем, Тараса Шевченко. Но чрезвычайно далеки они также от религиозного умонастроения.

Интересно, что в первом сборнике стихотворений поэта «В воздухе смолкает...» завершалось еще одной строфой:

И прошу тебя я,
Бог мой, в тишине:

Ниспошли покой ты
На сердце и мне.

При переиздании Суриков снял эту строфу — быть может, окончательно потеряв надежду на такое «ниспослание».

В стихотворении «Работники» поэт вместе со своим героем терзается сомнением:

Лишь одного пугаюсь я,
Одной я занят горькой думой:
Ужель и небо так угрюмо,
Так неприветно, как земля?

А более раннее «Головушка» Суриков закончил так:

Отчего ж, скажи, головушка,
Бесталанной ты родилася?
Или матушка-покойница
В церкви богу не молилася?

Нет! Соседи говорили мне,
Что была, вишь, богомольная...
Знать, сама собой сложилася,
Жизнь ты горькая, бездольная!

Трудно не увидеть в этих стихах печальной иронии автора. И возникает она в его сознании не однажды. Приведем в заключение два отрывка из писем поэта. 30 января 1876 года он писал А. Н. Пешковой-Толиверовой: «Нужно ждать весны, тогда, может быть, мое здоровье поправится, если нет — дело скверное, тогда нужно ждать выбытия туда, откуда никто не возвращается в старом виде. А в новом виде возвращаются ли оттуда? Это дело нерешенное, история этого превращения — дело неразгаданное». [1]

И еще: 9 ноября 1878 года Суриков посылает в письме своему другу И. И. Барышеву ничем не примечательное стихотвореньице традиционно религиозного содержания «Вечерняя молитва». При этом он пишет: «Душа моя Ванюша! Я имею поползновение попасть в сотрудники духовного журнала «Странник», а посему пробую себя в духовном роде. Вот эта проба». Н. А. Соловьев-Несмелов опубликовал письмо в издании 1884 года, однако с небольшим изъятием. Он снял подпись, поставленную Суриковым под стихотворением:

---

[1] ПД.

«И. Голгофораспятенскосинайский», — а именно она окончательно разоблачала ироническую игру автора письма.[1]

Русская демократическая лирика в творчестве основных ее представителей вообще оставалась равнодушна к любым формам мистицизма, хотя и отдавала подчас дань бытовой обрядности. Поэзия Сурикова говорит об этом достаточно внятно. Надо помнить о необразованности поэта и его товарищей, о том, что истинные ценности культуры давались им с боя. Тем большая доблесть — их свобода от официальной религиозности.

Сознавая, что удел сельских и городских тружеников по-прежнему тяжел, Суриков стремится выдвинуть реальные идеалы, составить заповеди, способные помочь его герою вырваться из кольца бесправия и нужды. Прежде всего это, конечно, труд, труд на земле («Летом» и другие стихотворения). Но и вообще — всякая работа, деятельность, упорство в преодолении тягот: «Все одолеет сила духа, все победит упорный труд!» («Трудящемуся брату»). Такая мысль повторяется многократно, в разной форме, вплоть до басенно-пословичной в сказке для детей «Клад»: «Станете трудиться — будете богаты».

Особое значение придавал поэт росту культуры народа. О «свете науки», без которого трудящимся не дойти до настоящей свободы, Суриков говорил в стихотворении «Пришла желанная свобода...». В «отрывке рассказа» под названием «В захолустье» (напечатан в сборнике «Рассвет»), полемически направленном против недооценки народного просвещения, сельский учитель заявляет: «Я убежден, что отечество наше хочет просвещения, и все домовые <т. е. дикость, суеверия> попрячутся».

Таковы основные мотивы и настроения произведений Сурикова, в общем свойственные ему в течение всего периода его творчества. Несомненно, поэзии Сурикова присуща известная узость идей и тем. Об этом неоднократно говорилось при его жизни. Он и сам понимал обоснованность подобных упреков. В письме Барышеву от 27 июня 1878 года он писал: «Некоторые критики упрекали меня за однообразие мотивов, приписывая это узости моего взгляда. Это величайшая ошибка. Разнообразие мотивов зависит от разнообразия жизни, а не от широты взгляда. Нужно знать те условия, при которых я жил и развивался. Я жил и развивался при крайне однообразных условиях, при крайне однообразной обстановке. Область моих наблюдений была крайне ограниченна, нужда и определенный труд приковывали меня к одной и той же местности и не давали

---

[1] См.: И. З. Суриков, Стихотворения, изд. 4, М., 1884, с. 66 (оригинал письма — ГБЛ).

мне возможности набраться новых впечатлений. Возьмите Кольцова и Никитина: однообразие мотивов у них страшное. А почему? Жизнь их была однообразна, а талант у них был, и немалый, против этого и спорить никто не станет».[1]

Здесь Суриков в главном своем утверждении во многом прав. Около десятилетия спустя Г. В. Плеханов разъяснял то обстоятельство, что неразвитость крестьянской жизни, самый ее характер «должен был невыгодно отразиться на характере художественного творчества» тех, кто писал о крестьянстве.[2]

Справедливо апеллирует Суриков в приведенных строках письма к именам Кольцова и Никитина: бесспорно, его поэзия — продолжение их поэтической традиции.

Их многое роднит: герои, особый тематический круг, представляющий крестьянский труд, а также крестьянина и природу; мотивы народного горя, печали и муки; характерный этический пафос — жажда справедливого морального закона. Есть очевидное сходство и в выборе стиховых средств.

Однако нельзя не сказать, что чрезмерное сближение творчества Кольцова, Никитина и Сурикова, относящееся к числу штампов литературоведения, упрощает историческую истину. Ведь уже Кольцов и Никитин, как известно, поэтические явления, которые во многом существенном различны между собой. То же надо заметить о Никитине и Сурикове. Важны не только различия, так сказать, в результатах — те, что проявляются в строках стихов, — но и особенно различие социальных обстоятельств, условий, стимулов, побуждавших каждого из поэтов к творчеству.

Нет оснований также забывать об определенном «отодвигании» на периферию этой поэтической линии. Стихи Кольцова — одно из важных явлений эпохи по своему принципиальному смыслу, они в большой степени обладают достоинством открытия. Его творения вызвали серьезный интерес со стороны Белинского и Жуковского, Пушкина и Н. Станкевича, о нем размышляли Герцен и Салтыков. Творчество Никитина, несмотря на новые, своеобразные качества, уже не составило такого события в литературе.

Суриков относился с большим уважением к своим предшествен-

---

[1] И. З. Суриков, Стихотворения, изд. 4, М., 1884, с. 61. В тексте письма почти дословно повторяются мысли рецензента журнала «Дело», писавшего о втором издании стихотворений поэта («Дело», 1875, № 8, с. 300).

[2] «Наши беллетристы-народники». — Г. В. Плеханов, Литература и эстетика, т. 2, М., 1958, с. 246.

никам — поэтам из народа. Вместе с тем собственная связь с ними не случайно воспринималась им общо, без остроты. Прямое свидетельство тому — разысканное нами стихотворение Сурикова «Памяти А. В. Кольцова и И. С. Никитина» [1]:

Вы делали трудное дело:
Вы сеяли доброе семя
В сердца закоснелых людей;
С неправдой боролися смело
И твердо тяжелое бремя
Несли вы на шее своей.

Таково это стихотворение, всего четыре строфы, сплошь содержащие весьма неточные и декларативные характеристики. Его, по справедливости, надо отнести к числу слабейших у Сурикова; понятно, почему он сам не включил его в сборник своих произведений.

Таким образом, тема «Кольцов — Никитин — Суриков» не допускает чересчур прямолинейных толкований.

В своем письме, которое цитировалось выше, ставя свой поэтический труд в ряд с наиболее близкими предшественниками и будучи охвачен полемическим волнением, Суриков не отдает себе отчета в том, что со времен Кольцова и Никитина слишком многое изменилось и в действительности и в поэзии. Если эти два поэта передавали в своих произведениях жизнь дореформенной деревни, то их преемник уже говорил о деревне после отмены крепостного права, о деревне, охваченной новыми сложными внутренними, да и внешними процессами, и о городе, вовлеченном в значительные исторические преобразования.

Наконец, в то время, когда писал свои стихи Кольцов, и затем, когда начинал свой поэтический труд Никитин, жизнь русского крестьянства была еще почти не освоена нашей реалистической поэзией. Но по мере того как крепло и развивалось творчество Некрасова, не могло не пасть резко значение тех поэтов, которые не сумели усвоить принципиальный смысл некрасовских открытий.

Здесь следует значительно расширить историко-литературную перспективу наших рассуждений, дабы не придавать такому противоречивому, промежуточному явлению, как поэзия Сурикова, той цельности и монолитности, которая ему не свойственна.

Суриков был знаком с произведениями Некрасова. Правда, пока

---

[1] «Ремесленная газета», 1875, 3 мая.

известно только одно прямое высказывание Сурикова о стихах великого поэта-современника. Приводится оно в воспоминаниях Саввы Дерунова (речь в них идет о 1872 годе). Вот это высказывание: «В его <Некрасова> музе ничего нет поэтического. Это сухая проза, притом односторонняя и ординарная».[1] Даже если бы эти слова никогда не были сказаны, сам дух, сама суть творчества Сурикова вполне определенно гласила бы о том, что открытия Некрасова остались ему во многом чужды.

Это важнейшее обстоятельство было бы неверно безоговорочно вменить Сурикову в вину. Конечно, то была беда его, человека, который с колоссальным трудом выбивался к творчеству, к духовным ценностям, но не имел возможности дойти до понимания важнейших идеологических, художественных достижений эпохи. Впрочем, случись это, просто не было бы на свете такого своеобразного явления, как его стихи, возникло бы нечто совершенно иное.

Отдаленность Сурикова от поэзии Некрасова, а следовательно, и вообще от магистрального пути русской реалистической поэзии его времени очевидна. Реалистического постижения, анализа действительности, социальной, исторической типичности обстоятельств, характеров, деталей в стихах Сурикова нет. Правда жизни входит в его стихи эмпирически, отрывочно, но, как уже говорилось, порой сильно и выразительно. Надо попутно отметить, что все-таки определенную эволюцию в направлении большей жизненной точности картин Суриков пережил: стоит сравнить с этой целью, скажем, «У могилы матери» (1866) и «Горе» (1872). Однако о коренной перестройке поэтических принципов говорить не приходится.

Передавая с несомненной чуткостью настроения времени, Суриков не открыл для себя многообразной социально-исторической проблематики, тревожившей умы и питавшей творчество других современников. И причины страданий, и источник конфликтов, и способы хотя бы частичного их устранения или разрешения поэт определяет, не вырываясь из круга исконных отвлеченных моральных категорий. Бедность и богатство, справедливость и несправедливость, правда и ложь, доброта и жестокость, труд и нерадение — вот обычные общеэтические антитезы, которыми оперирует поэт.

Для того чтобы продемонстрировать существенное различие между Суриковым и Некрасовым, с его глубокой и цельной концепцией народной жизни, народного горя и народной силы, можно было бы предложить немало совершенно конкретных параллелей.

---

[1] А. И. Яцимирский, Иван Захарович Суриков в семье своих литературных преемников. — «Русская старина», 1905, № 4, с. 95.

В 1864 году в «Современнике» была напечатана поэма Некрасова «Мороз, Красный нос». В 1866 году появилось в печати стихотворение Сурикова «Мороз». И оно рассказывает о том, как замерзает «девица», «красотка». Но у Сурикова это только полусказочный сюжет, у Некрасова — картина, полная широкого современного смысла, многообразных гражданских ассоциаций. Еще одна возможная параллель — «Зимой» Сурикова и «Крестьянские дети» Некрасова. Речь у нас в обоих случаях, естественно, идет не об объеме произведений, а о принципиальной емкости изображаемого. Впрочем, то обстоятельство, что именно Некрасов, а не Суриков создал поэмы о крестьянском житье, также не случайно.

Таким образом, симпатии Сурикова истинно демократичны, а поэзия в определенном смысле правдива, но отсутствие анализа своеобразной природы современного ему человека, общества, этапа истории придает демократизму его поэзии несомненную ограниченность.

Отдаленность Сурикова и большинства его ближайших соратников и последователей от творческого поиска и завоеваний Некрасова говорит не только о разнообразии их подходов к русской крестьянской жизни, но и — прежде всего — о бессознательной капитуляции «поэтов-самоучек» перед сложностью реальной социально-исторической проблематики 60—70-х годов.

Поглощенный идеей жизненного самоутверждения подобных ему бедняков, Суриков никогда не мог подняться до революционных идей Некрасова, до его тревоги и боли за общенародную долю, за судьбу родины, с такой силой высказанных великим поэтом.

В 1875 году в журнале «Дело» была опубликована одобрительная рецензия на второй сборник стихотворений Сурикова. Анонимный автор рецензии немало рассуждает о народных поэтах, о крестьянской теме в поэзии, но ни разу даже не упоминает имени Некрасова. Говоря о поэтах из народа, он, в частности, замечает: «Только просматривая их произведения, вы убедитесь вполне в убийственной и грустной неподвижности бытовой жизни нашего народа и в узости его интересов, его кругозора, его целей. Кольцов писал в конце двадцатых годов то же, что писал Никитин в конце пятидесятых, что пишет г. Суриков в начале семидесятых годов, и уж, конечно, не мы станем обвинять этих поэтов за однообразие их мотивов, за то, что они не заставляют в своих песнях народ мучиться гражданской скорбью вместо сожаления о павшей коровенке. Ложь, какие бы соображения ни вызывали ее, всегда останется ложью».[1]

---

[1] «Дело», 1875, № 8, с. 300.

Журнал «Дело» поддерживал Сурикова-поэта, с середины 70-х годов здесь часто печатались его стихи. Сам редактор журнала Г. Е. Благосветлов писал поэту 8 мая 1877 года: «...Не забывайте «Дело», которое всего ближе стоит к Вам и искренно любит Вас». [1]

Иначе сложились взаимоотношения Сурикова с «Отечественными записками», где собралась наиболее прогрессивная и мыслящая часть русских писателей. Несмотря на то что он предпринимал определенные шаги к сближению с «Отечественными записками», [2] его имя не появлялось на страницах журнала, редактируемого Некрасовым, до середины 70-х годов.

В начале 1873 года в «Отечественных записках» была опубликована статья Н. К. Михайловского о сборнике «Рассвет»; к ней мы вернемся в следующей главке. В конце 1877 года в журнале появилась рецензия на третье издание стихотворений Сурикова, о ней уже говорилось выше. А за два года до того состоялось первое и единственное выступление поэта со страниц «Отечественных записок». В декабрьском номере за 1875 год было опубликовано его стихотворение «Работники» (ранее его вырезала цензура из книжки журнала «Дело»).

«Работники» — одно из наиболее значительных произведений Сурикова по силе выраженного в нем отчаяния труженика-бедняка. В книжке журнала стихотворение было помещено отдельно от других поэтических произведений, вслед за «статистическим этюдом» В. В. Берви-Флеровского «Рабочее семейство». В этом «этюде» подробно разъяснялось трудное экономическое положение «работников» (так в то время обычно называли рабочих). Таким образом, редакция журнала усилила конкретную гражданскую направленность стихотворения Сурикова, весьма острого по своему смыслу. Впоследствии произведения поэта на страницах журнала не появлялись.

Устанавливая разнообразные факты, свидетельствующие в основном об отдаленности творчества Сурикова от некрасовской школы, школы «Современника» и «Отечественных записок», нельзя в то же время отрицать какую бы то ни было общность Некрасова и Сурикова.

Невозможно не согласиться с современным исследователем поэзии последних десятилетий прошлого века, когда он пишет о Сурикове и близких к нему «поэтах-самоучках»: «Связь их творчества

---

[1] ГБЛ.

[2] См. письмо Сурикова А. А. Краевскому от 11 августа 1869 г. с предложением напечатать его стихи (какие именно, неизвестно). — «Литературное наследство», т. 51-52, М., 1949, с. 518.

с поэзией некрасовской школы явственно ощущается в глубочайшем интересе тех и других к жизни русского крестьянства, в использовании богатств русского народного языка, в показе горя народного и поэтических сторон жизни народа». [1]

Отмеченные параллели справедливы, конечно; все же они чересчур общи. Надо полагать, что в стихах Сурикова есть более конкретная связь с творчеством Некрасова. Это прежде всего городской, или «мещанский», романс, представляющий собой, на наш взгляд, определенную аналогию некрасовской поэзии с ее повседневными драмами, печалью и тревогой, вниманием к будням трудящихся и страдающих людей города и деревни. Здесь опять-таки не «влияние Некрасова», его не было, а своеобразный отклик на те же настроения и особенности времени, но на ином поэтическом языке.

Надо сказать в заключение, что подлинно народное, главное, свое может открыться читателю книги стихов Сурикова не сразу.

Если читатель хорошо знаком со стихами русских поэтов прошлого века, он ясно различит присутствие чужих поэтических голосов во многих произведениях Сурикова. Речь идет не о принципиальных связях и соответствиях, а именно о внешних созвучиях, тематических и ритмических заимствованиях и т. п.

Исследователи творчества поэта уже отмечали близость «Удалого» к балладе И. С. Тургенева «Перед воеводой молча он стоит...», сходство «От деревьев тени...» с «Облаком волнистым...» А. А. Фета, «Бедность ты, бедность...» — с началом «Портного» Никитина. К этому можно добавить еще ряд очевидных параллелей: «Беззаботный» — и «Песня бобыля» того же Никитина, пейзажи последнего (например, «Утро») и суриковское «Утро», косари у Сурикова и Кольцова, «Сон» А. Михайлова (Шеллера) и «Сон и пробуждение» Сурикова и т. д. Не только стихи современников отражаются в произведениях поэта. Так, в стихотворении «На мосту» мысли «бедняка бездомного» положены на ритмическую канву рылеевской думы о Ермаке. В стихах поэта слышатся более или менее отдаленные отзвуки поздней лирики Пушкина, «дум» Кольцова, песен Ф. Н. Глинки и других поэтических произведений.

Украинский поэт Павел Грабовский, переводчик и пропагандист стихотворений Сурикова, писал в предисловии к сборнику его произведений, выпущенному во Львове в конце прошлого века: «Иван Суриков интересен для нас как истинно народный поэт и, кроме того, как поэт, творчество которого складывалось и в значи-

---

[1] Н. В. Осьмаков, Поэзия революционного народничества, М., 1961, с. 63.

тельной мере развивалось под влиянием поэзии Шевченко».[1] Высказав эту мысль, Грабовский указывает на конкретные соответствия стихов Сурикова произведениям украинской поэзии. В частности, он отмечает «шевченковские мотивы» в «Вербе»; ряд стихов представляются ему «дословно» переданными с украинского («День я хлеба не пекла...», «И вот опять пришла весна...» и другие).[2]

Иногда чувство похожести, «вторичности» обманчиво. При чтении некоторых стихотворений Сурикова такое чувство возникает оттого, что они, даже если не имеют точного образца, конкретного прототипа, по своему звучанию несамостоятельны, литературны, отдают заемной «поэтичностью». В своей рецензии на сборник стихотворений Сурикова А. Н. Плещеев замечал: «В подражании предполагается всегда нечто искусственное, головное, холодное, тогда как в стихах г. Сурикова постоянно звучит сердечная нота; он просто много читал и изучал своих любимых поэтов и так проникнулся духом их, что это незаметно для него самого отразилось на его произведениях».[3]

В лучших созданиях поэта истинно народное начало берет верх над его литературным ученичеством, над стремлением к традиционной «поэтичности». Эту борьбу «литературного» и «фольклорного» в творчестве Сурикова всегда необходимо учитывать.

Как уже говорилось, именно подлинно народная «душа» обеспечивает долгую жизнь его творениям. Потому-то скромные его строки снова и снова возникают в памяти потомков.

2. ПЕРВЫЙ СОЮЗ «ПИСАТЕЛЕЙ-САМОУЧЕК»

В конце 1871 года на страницах журналов «для народного чтения» стали появляться объявления о скором выходе в свет первого сборника произведений «писателей-самоучек». Сам по себе этот сборник, названный «Рассветом»[4] (к истории его издания и характеристике по существу мы скоро вернемся), не стал событием большого значения, на что надеялись его участники. Однако замысел

---

[1] П. А. Грабовский, Избранное, М., 1952, с. 340.

[2] Там же, с. 345, 346.

[3] «Биржевые ведомости», 1877, 5 октября. Авторство Плещеева раскрыто в письме Н. А. Соловьева-Несмелова к Сурикову (ГБЛ).

[4] «Рассвет. Сборник (нигде не бывших в печати) произведений писателей-самоучек. Содержание: рассказы, сцены, очерки, обычаи, былины, басни, стихотворения», выпуск первый, М., 1872.

издания и круг настроений и идей, к нему приведших, интересен и характерен.

Как известно, «поэты-самоучки» были в России и до авторов «Рассвета», то есть до Сурикова с товарищами. Некоторые из них приобрели известность. Таковы, например, не говоря уже о Кольцове, Е. И. Алипанов (1800—1860-е годы), Ф. Н. Слепушкин (1783—1848), М. Д. Суханов (ум. в 1843). Все они были родом из крепостных или государственных крестьян, все учились урывками. Все они бились с судьбой в одиночку или — со временем — с помощью богатых и знатных покровителей.[1] Мысли и темы их произведений (опять-таки не говорим о Кольцове, это случай особый и достаточно хорошо изученный) в общем не нарушали привычного официального представления о сфере чувств и желаний крестьянина, о его быте. «Поэты-самоучки», начинавшие свой литературный труд в первые годы XIX века, стремились в основном к индивидуальному преуспеянию и награде, что не помешало им, однако, создать ряд произведений относительно долговечных.

Суриков и его товарищи, сошедшиеся на страницах «Рассвета», заметно отличаются по своему мировосприятию и жизненным задачам от «самоучек»-предшественников.

Прежде всего они стремятся стать социально значимым и ответственным коллективом, группой людей, способных сообща противостоять житейским напастям, добиться известной духовной и практической самостоятельности и пропагандировать определенные «свои» идеалы, звать к определенным целям. Такое стремление к организационному и принципиальному объединению, замысел союза «самоучек» есть своеобразная разновидность социально-утопических идей, возникшая в среде выходцев класса, преображающегося под действием новых исторических процессов, — именно в пору после реформ 60-х годов, когда буржуазное развитие России значительно активизировалось.

Инициатором и душой первого объединения «самоучек» был, конечно, Суриков. Ему принадлежал замысел коллективной книги, он же принялся горячо проводить его в жизнь. Суриков был не только практическим вдохновителем союза, но и его идеологом. Роль его в самоопределении всех поэтов из народа очень велика, не случайно они стали именовать себя с 1880-х годов «суриковцами» и свято чтили память своего учителя.

Сурикову конца 60-х — первой половины 70-х годов необыкновенно дороги идеи общности, единства; им владеет истинный культ дружбы. «Верю, что есть на свете святое чувство — это дружба. Любовь, слава, почести — все проходит, но дружба остается!» —

писал он в одном из писем той поры.[1] Потому особое значение придавал Суриков, например, написанным им в 1877 году для журнала «Пчела» некрологам товарищей-литераторов А. И. Левитова и Д. Н. Кафтырева (второй остался неопубликованным). Но, конечно, всего ярче и полнее выразились его идеи товарищества в издании сборника «Рассвет».

Суриков был его собирателем и редактором (в подготовке к печати прозаических произведений участвовал М. Козырев). Он обратился к «самоучкам» Москвы и других городов страны; с одними он уже состоял в то время в более или менее тесной дружбе, имена других стали известны, в частности, через редакции «Грамотея», «Воскресного досуга» или «Иллюстрированной газеты», которые охотнее прочих изданий печатали произведения «самоучек».

Слух о готовящемся сборнике ширился, Сурикову присылали большое количество рукописей разного содержания, разнообразных по тематике и жанрам. Отбор и редактирование были тяжелым трудом, отнимали у Сурикова много времени. Издавать книгу приходилось на свой страх и риск. Основную сумму, необходимую для издания, внес сам Суриков, значительно меньшую добавил С. Григорьев.[2]

Издатели не надеялись на серьезную финансовую выгоду. «Ты, Ваня, не подумай, что тут была цель какой-либо выгоды, т. е. материальной; нет, цель моя была собрать писателей-самоучек воедино», — объяснял Суриков одному из товарищей после выхода «Рассвета».[3]

Но, конечно, надежды на успех все-таки были. Весной 1872 года должна была открыться в Москве Всероссийская выставка. По воспоминаниям М. А. Козырева, Суриков возлагал на нее большие надежды. Он говорил: «Народу понаедет много, и сборник наш растащат живо!»[4] К открытию выставки «Рассвет» опоздал, появился только летом (цензурное разрешение от 5 июля 1872 года). Успеха он не имел и почти не шел в книжных лавках, принеся немалый убыток Сурикову. Тем не менее выход книги окончательно скрепил и утвердил первый союз «писателей-самоучек».

Именно во время подготовки «Рассвета» и в первые годы после его выпуска союз особенно крепок, возникшая дружба поддержи-

---

[1] Письмо И. Г. Воронину от 27 марта 1874 г. — ГБЛ.

[2] См. письмо Сурикова С. Я. Дерунову от 18 октября 1872 г. — ПД.

[3] Письмо И. Г. Воронину от 9 ноября 1872 г. — ГБЛ.

[4] М. А. Козырев, Воспоминания об И. З. Суриков. — «Исторический вестник», 1903, № 9, с. 885.

вается, горячо восхваляется участниками негласного объединения (надо сказать, что авторы «Рассвета» и первый кружок «самоучек» не совсем одно и то же: в сборнике участвовали люди, чья связь с суриковцами оказалась эпизодической, а среди ближайшего суриковского окружения были такие, например, «самоучки», как Ф. С. Гурин, чьи произведения тем не менее в «Рассвет» не вошли). Конечно, как и всегда, всего активнее живет стремлением к дружбе и единству Суриков. В письмах он информирует каждого из товарищей о том, что написали или пишут другие, пересылает полученные им письма от товарищей друг другу — с просьбой после прочтения вернуть. Он рассылает произведения и фотографии друзей для взаимного ознакомления и укрепления сердечной связи. Наконец, он хлопочет о судьбе написанного другими «самоучками», старается способствовать продвижению их рукописей в печать.

Характерно, к примеру, такое окончание письма Сурикова Дерунову: «Из Перми С. А. Григорьев просил меня в письме передать тебе от него поклон. Родионов, Разоренов, Жаров, Тарусин тебе кланяются. Козырев тебе хочет сам писать». [1]

Несмотря на неуспех первого сборника произведений «писателей-самоучек», Суриков не отказывается вовсе от продолжения начатого дела. До весны 1874 года замысел издать второй сборник еще кажется реальным. Находятся люди, готовые финансировать издание, принять участие в редактировании. Но всякий раз подобные замыслы не доживают до осуществления; наконец сама идея нового сборника предана забвению.

Что же представлял собой «Рассвет», наиболее определенно выразивший самим фактом своего появления утопическую мысль о союзе «самоучек», способном граждански и экономически противостоять жизненным тяготам? Книга открывалась небольшим предисловием:

«Издание «Рассвета», сборника писателей-самоучек, возникло из желания познакомить читающую публику с произведениями современных наших писателей-самоучек, не получивших научным путем ни образования, ни воспитания, но саморазвившихся, самовоспитавшихся.

Сборник наш не есть какая-либо претензия на литературное его значение. Единственная его цель — показать читающей публике, как наш народ, без всяких насилий, сам собою, в настоящее время развивается, и как сочувствует грамотности, и как любит литературу.

[1] Письмо от 27 мая 1872 г. — ПД.

Это издание наше первое, но не последнее. В 1873 году предполагается издать *второй выпуск* такого же сборника, но более обширный по содержанию и числу сотрудников».

Итак, в этом предисловии заявлена во всяком случае одна принципиально важная для издателей идея: сборник естественно рожден «настоящим временем», он тесно связан с современностью, то есть современными задачами и перспективами крестьянской жизни.

Для прозы, как, впрочем, и для стихов «Рассвета», характерно повышенное внимание к живой реальности нынешней народной жизни. Авторы стремятся к полнейшей достоверности, этнографическим подробностям, воспроизводят в обстоятельнейших деталях быт деревни и — реже — городской бедноты, передают народную речь во всей ее пестроте: со своеобразно построенными диалогами, фразеологизмами, диалектизмами (особенно интересен должен быть сегодня «Рассвет» для этнографа и историка русского языка).

Сюжеты большинства произведений, составивших книгу, представляют собой отчет о горьких судьбах, неравенстве, несправедливостях. Почти в каждом рассказе кто-нибудь по тем или иным причинам запивает, а то и гибнет от пьянства. Насущная необходимость народного просвещения и образования — вот мысль, прямо или косвенно вытекающая из большинства произведений, вошедших в «Рассвет».

Наиболее программной частью сборника следует, видимо, считать стихи и прозу самого его редактора. В «отрывке рассказа» Сурикова «В захолустье» речь шла как раз о просвещении, о необходимости борьбы с невежеством и суевериями. В очерке «Дядя Игнат» Суриков представил образцовое крестьянское семейство. О главе семьи он писал: «Дядя Игнат не любил низкопоклонничать и изгибаться ужом ни перед каким богачом, как делали и делают до сего времени многие безо всякой пользы, — да и не жаловал тех, которые перед ним изгибались. На таких людей он смотрел своими глазами и плохо им доверял. По понятию дяди Игната, краеугольный камень всякого благосостояния — человек, все прочее непрочно». [1]

Так преломилась в сознании Сурикова социальная идея «личности». Таков был пример практически достижимой, трудами добытой личной свободы, представленный им в поучение самому себе и таким же «трудящимся братьям», рвущимся к самоопределению.

Как видно уже из нашей краткой характеристики, «Рассвет» предлагал читателям-крестьянам сочетание правдивых картин их

---

[1] «Рассвет», М., 1872, с. 232.

жизни с определенной (хотя и не отличавшейся ни широтой, ни глубиной) программой ее преобразования. Он должен был подать живой пример выхода людей из народа к свету грамотности, больше того — к литературному творчеству. Однако читатели отнеслись к «Рассвету» более чем прохладно. Почти не поддержала его и критика. В сущности, лишь два отклика носили характер не информации, а критического разбора: один, в общем сочувственный (но малоинтересный), в журнале «Беседа», издававшемся С. А. Юрьевым (рецензия подписана А. В.),[1] другой, резко отрицательный, в «Отечественных записках».

Автором рецензии, опубликованной в этом журнале, был Н. К. Михайловский. Он отметил несамостоятельность творчества «писателей-самоучек», а также то обстоятельство, что ими, по сути дела, не затронуты важнейшие явления и проблемы народной жизни, хорошо им знакомой.

Конечно, Михайловский имел в виду явления и проблемы, которые представлялись особо важными именно ему или другим сотрудникам «Отечественных записок». Авторам «Рассвета» был не по силам такой уровень понимания вещей. Да и дело не только в понимании, в «философии», но и в степени творческой активности, в таланте. Даже по сравнению с Ф. Решетниковым или Н. Успенским у «самоучек» нельзя не заметить другую, меньшую степень боли, злости, огорчения и критики, а также доверие к дидактике, «морали», совершенно несвойственное тем писателям, кто, по мнению Чернышевского, знаменовал своей прозой «начало перемены». И все-таки отзыв Михайловского мог быть не столь беспросветно суровым. Однако он более всего прав в том, что «Рассвет» не пришелся ко двору ни одной из возможных читательских групп, он оказался «книгой без адреса». «Одно из двух, — замечал Михайловский, — или они могли бы, зная быт крестьян и умея с ними говорить, поставить себе задачей литературу для народа; или они могли бы представить образованным классам картины из жизни народа, передать чувства и воззрения народа. К сожалению, сотрудники «Рассвета» не выбрали ни того ни другого, а пожелали просто пофигурировать в литературе или, как они сами выражаются, «показать читающей публике, как наш народ, без всяких насилий, сам собою, в настоящее время развивается» и проч.».[2]

Авторы «Рассвета», наверное, ставили перед собой обе эти

---

[1] «Беседа», 1872, № 10, отдел II, с. 67—69.

[2] Н. М<ихайловский>, Литературные и журнальные заметки. Январь 1873 г. — «Отечественные записки», 1873, № 1, отд. II, с. 143—144.

задачи, однако они ведь были лишь «самоучками», с огромным упорством выбивавшимися из тенет невежества и нищеты. Кроме того, они действительно думали «пофигурировать» в литературе и в жизни благодаря созданному ими объединению. Их утопические надежды на подобный союз не оправдались. Жизнь разобщала людей, отнимала у них иллюзии. Пожалуй, опять-таки острее, болезненнее всех переживал это обстоятельство Суриков; к концу жизни его охватило горькое разочарование в союзах, кружках, да и просто в дружбе.

Однако в истории русской поэзии сохранилась группа своеобразных поэтов из народа, получивших творческое крещение на страницах «Рассвета». Авторами стихотворений, опубликованных в сборнике, были И. Суриков, А. Бакулин, С. Григорьев, С. Дерунов, Д. Жаров, М. Козырев, Е. Назаров, А. Разоренов, И. Родионов, И. Тарусин.[1] Если взять поэтическое творчество суриковской группы в целом (не только то, что представлено в «Рассвете», но и другие их стихотворения, дошедшие до нас), то общность большинства произведений с поэзией Сурикова несомненна, очевидна. Его товарищи живут в основном теми же настроениями, отличаются теми же стилистическими пристрастиями, что и он.

Их стихотворения помогают дополнить уже складывающееся у нас представление о типе сознания русского трудящегося человека первых пореформенных десятилетий, о его чувствах, стремлениях и надеждах.

На стихах всех поэтов, написанных в разные годы, лежит явственная печать непреходящего страдания и боли. Правда, товарищи-поэты в общем уступают Сурикову в остроте драматического восприятия жизни, но все же и у них постоянно вырываются горькие, тоскливые признанья:

Горе за горем, беда за бедой
Идут степенно своей чередой, —

так начинается одно из стихотворений С. Григорьева.[2]

[1] В «Рассвете» также напечатано стихотворение «Жизнь» («Ох, как тяжко жить на свете...») за подписью И. Кон—в. Автор его — Иван Кузьмич Кондратьев, один из близких знакомых Сурикова, московский литератор (указанное стихотворение с поправками и под названием «Доля-горе» вошло в книгу Кондратьева «Под шум дубрав», М., 1897, с. 104—105). Хотя «Жизнь» по духу и языку очень близка суриковской группе, автор стихотворения не являлся «самоучкой». И жизнь и литературная судьба его сложились совсем иначе, нежели у Сурикова и его товарищей-поэтов (об этом сам Кондратьев писал А. И. Яцимирскому 2 октября 1902 г. — ПД, «Музей русских самоучек»).

[2] «Иллюстрированная газета», 1870, 21 мая, с. 315.

Наша жизнь — всескорбящая быль,
Вдаль промчится звездою падучей,
Вмиг засохнет, как травка ковыль,
Залитая слезою горючей, —

(*«Дума»*)

печалится Дерунов.[1]

Ему вторит Разоренов:

Жизнь — чаша, полная страданий,
Где прочных радостей нам нет, —
Хаос несбыточных желаний,
Жизнь плача, горестей и бед!

(*«Блуждающий во тьме сомненья»*)[2]

Молодой Жаров высказывается наивнее, но и более по-житейски:

Что за люди, как трудно подделаться к ним.
Что ни слово, то всё оскорбленье.
Одному угодишь — не поладишь с другим,
Это просто не жизнь, а мученье.[3]

Козырев пишет о том же более традиционно:

Ох вы, дети горя,
Сиротины-слезы,
Залили, сгубили
Мою юность, грезы!

(*«Слезы»*)[4]

Страдая от разнообразных жизненных ударов, от собственных неуспехов, от «сознанья слабости своей», поэты-суриковцы в то же время все-таки не опускают руки перед «всескорбящей былью» жизни. Они, как нам уже известно, верят в силу «науки», знаний. Они верят в труд, терпеливое деятельное упорство, человеческую волю. Они считают своим долгом определить свод моральных требований, способных помочь сегодня противостоять житейским бедам. В стихах очерчивается этическая программа, особое место в ней принадлежит идеям любви и братства:

---

[1] «Думы. Сборник стихотворений», М., 1895, с. 60.
[2] «Наша хата», М., 1891, с. 24.
[3] ПД (архив В. Р. Зотова).
[4] «Иллюстрированная газета», 1876, 25 июля, с. 230.

Солнце ровно светит
Для дворцов и хат, —
Эх, любил бы также
В жизни брата брат!..

(С. Дерунов, «Солнце блещет, небо...») [1]

В любви людей друг к другу, в их братстве видится путь к нравственному пересозданию жизни, к утверждению человеческого достоинства каждого представителя «третьего сословия». Мысль о достоинстве неизменно живет в умах и сердцах наших поэтов; нет спора, они наивны, ограниченны, но чужды «искательства», стремятся служить добру, правде и гордятся этим:

Пойся, песня моя, пойся так, как ты есть,
Ты подслуги чужда, не способна на лесть.

(И. Родионов, «Не от скуки слагаю я песню свою...») [2]

Особое обаяние произведениям первых «суриковцев» придает то обстоятельство, что горячие клятвы, взволнованные декларации морального порядка сочетаются, так сказать, с заветами весьма практического свойства. Очевидно, что нравственные принципы поэты выдвигают не ради чисто поэтической «возвышенности», не для красного словца; они подкрепляют принципы рекомендациями, явно выросшими из живого быта:

Сестра, возьми иглу и шей,
Я молот свой возьму,
И верь, прогоним мы нужду,
Прогоним скорби тьму.

(И. Родионов) [3]

Характерно в том же отношении стихотворение Григорьева «Ах, люби меня, да не сказывай...». В нем — конкретная, детальная программа успешного союза мужчины и женщины. Свои требования к хорошей семье определяет и Жаров в стихотворении «Семейное счастье». [4]

---

[1] «Думы. Сборник стихотворений», М., 1895, с. 62.
[2] «Иллюстрированная газета», 1871, 28 октября, с. 168.
[3] «Иллюстрированная газета», 1873, 21 октября, с. 656.
[4] ПД (архив В. Р. Зотова).

К «новому времени», к посулам народного счастья после реформ 60—70-х годов поэты, подобно Сурикову, относятся в основном настороженно, недоверчиво.

В «Рассвете» вместе с другими стихотворениями Дерунова напечатана «Песня» («Свищет за окошком...»):

Все, кажись, невзгоды
Все прошли, забыты,
Луч блестит свободы,
К знанью путь открытый.

Однако сомнение не покидает автора:

Людям жизнь иная,
Новая настала;
Правда ль? Но в ответ лишь
Вьюга завывала.

Песня, та же песня,
Грустная, былая,
Над селеньем та же
Ночь висит глухая.

Безусловно, Дерунов выражал здесь не только свою печаль и сомнение. То было настроение общее.

И когда в 1875 году цензура отклонила рукопись сборника стихотворений того же Саввы Дерунова, то в своем определении Санкт-Петербургский цензурный комитет, конечно, безотчетно проявил свое отношение, отношение представителей государственной власти, ко всей группе поэтов «Рассвета», осудив их отчужденность от официальной идеологии. Вот что писал в своем докладе исполняющий дела чиновника особых поручений Главного управления по делам печати Н. Н. Боборыкин (на основании его доклада рукопись Дерунова была «не дозволена к печати»):

«Кто прочел хоть одно из этих стихотворений, тот прочел их все. Все они проводят одну и ту же мысль, все пропитаны одним чувством. Автор оплакивает страдания русского крестьянина, его голод, нужду, его безвыходное положение. Хоть он отчасти приписывает это климатическим условиям, но в большей половине своих стихотворений относит положение крестьянина тому неправильному строю, который продолжает держать его в рабстве, в неволе. До сих пор русская песня, по мнению автора, сложилась под гнетом

неволи, и все прошедшее русского крестьянина отражается в этой песне. Не запоет ли когда-нибудь он другую, веселую, свободную песню? Автор отчаивается услышать это и страданиям крестьянина не видит конца. Изредка автор одушевляется надеждою, и тогда он видит, как все изменяется в быте несчастного труженика, как новая эра наступает для него, эра довольства и свободы».

Слова чиновного рецензента хорошо выражают опасливое отношение власти к творчеству интересующих нас поэтов.

Высказав все вышеприведенное, Н. Н. Боборыкин добавлял: «Песня, написанная народным языком, может быть, есть самая опасная форма поэзии, самая удобная для пропаганды».[1] Таким образом, особенно неприятно автору доклада было ощущение известной «короткости» между поэтом и читателем из народа, тот факт, что говорят они — в самом прямом смысле слова — на одном языке.

Само собой, творчество поэтов-суриковцев не отрывалось от народной жизни ни в каком отношении — не только во взгляде на жизнь, но и в темах, жанрах, языке. У всех поэтов мы находим «песни» (в том числе и такие, что стали широко известными, популярными); у всех — стихотворения о родной природе, где она обычно связана с крестьянским бытом и трудом.

У всех также находим новеллы из народного быта. Таковы «Морозный день» Григорьева, «Стеша» Дерунова, «Разговор» и «Сумасшедшая» Жарова, «После набора» Родионова, «Невзгода» Тарусина и другие. Эти новеллы построены как бы по принципу «панорамы», последовательного движения кадров-картинок перед читателем или слушателем. Их организует именно такой изобразительно-«плоскостной» ход, а не творческая активность поэта, замешивающего жизненные впечатления в новое сложное художественное единство; они скреплены последовательностью представленных событий, а не единством авторской личности.

Поэты, которых объединил под своей обложкой «Рассвет», представляли собой разные поколения. Бакулин и Разоренов родились во втором десятилетии века, Дерунов был десятью годами старше Сурикова, остальные примерно одного с ним возраста или моложе. Говорим об этом потому, что и разница возрастов сказалась в стихотворениях поэтов, — разница в условиях роста, в особенностях исторической среды. Так, Разоренов был религиозен, любил погово-

---

[1] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, фонд Петербургского цензурного комитета.

рить на религиозные темы (по воспоминанию Дерунова),[1] написал, например, «Блуждающий во тьме сомненья» — стихотворение, навеянное размышлениями о «божественном». А, скажем, Григорьев или Родионов уже настроены по отношению к церкви и вере безусловно скептически.[2]

Бакулин «к Некрасову, а тем более к Надсону чувствовал брезгливое отвращение».[3] Разоренов «читал произведения новейших выдающихся писателей и чистосердечно сознавался: „ Нет, устарел я!.. Теперь другое нужно, теперь нечего мне, худшему изо всех самоучек, лезть в печать!"»[4] Что же касается поэтов младших по возрасту, то никаких сведений о подобного рода «отталкиваниях» история не сохранила; напротив, имеются свидетельства серьезного интереса, скажем, к тому же Некрасову.

Несмотря на крайнюю скудость материалов о жизни, трудах, вкусах «поэтов-самоучек», несмотря на то что творчество большинства из них дошло до нашего времени в более или менее случайных образцах, в разрозненном виде, — несмотря на все это, можно в определенных пределах точности попытаться очертить краткие портреты каждого из «самоучек» в отдельности.

Старейший из них, Александр Бакулин, создал произведения самые разные по жанрам, однако его любимым поэтическим родом были басни, которых написал он многое множество. От всего их склада веет «осьмнадцатым столетием», они проникнуты духом рационалистического просветительства, особо прославляют разум, просвещение, науку, справедливость. Бакулин не прочь порой высказать разумное поучение и в адрес царей. Так, в басне «Сновидение царя» он заявляет: «Слава, крепость и величье трона с народным счастьем съединены»; говорит о вреде, который часто приносят плохие помощники, дурные приближенные «величью царскому и славе трона».[5] Тематика произведений Бакулина широка, в них можно встретить живые детали народной жизни, в целом же они более близки к тому, что писали Слепушкин, Алипанов и другие, — они во власти иных стимулов, иных процессов, чем творчество основной группы авторов «Рассвета».

---

[1] С. Дерунов, К биографии А. Е. Разоренова. — ПД, «Музей русских самоучек».

[2] См.: И. А. Белоусов, Литературная Москва, М., 1926, с. 41.

[3] «Русский архив», 1903, кн. I, № 3, с. 439 (предисловие В. Я. Брюсова).

[4] А. К<оринф>ский, Памяти незаметного человека. — «Саратовский листок», 1891, 30 января.

[5] ПД.

На полпути к этой группе находится в своих стихах Алексей Разоренов. Наряду с живым выражением духа народной поэзии, наряду с остро изложенными драматическими судьбами и настроениями крестьянства у него встречается немало произведений, которые представляют собой поэтические опыты и упражнения, лишенные жизненной цели и смысла. Таково его крайне неудачное продолжение пушкинского «Евгения Онегина», изданное автором незадолго до смерти отдельной книжкой. В написанных Разореновым двадцати главах Онегин «быстро погрузился в разгульной жизни кипяток», он горячо любит Татьяну, ищет забвения в кутежах и странствованиях, бегстве в деревню. В конце концов он зачах и умер от безнадежной любви, опечаленная Татьяна прощается с его гробом. По ходу поэтического рассказа в текст включаются разнообразные нравственные истины, размышления от автора.

Малоинтересны и пространные стихотворные новеллы Разоренова «из давно прошедшего»: «Богатырь Илья», «Гусляр», «Скоморох» и другие. Он все-таки в большей степени «сочинитель», человек, завороженный собственной причастностью к магии словесного искусства, чем тот своеобразный выразитель народного самосознания, каков Суриков и другие младшие его товарищи.

Среди них опять-таки сразу же выделим Егора Назарова. Его связь с москвичами-суриковцами, видимо, была более или менее эпизодической. Дальнейшие его выступления резко разочаровывают. Тематика стихов Назарова беспредельно широка — от боя под Плевной до смерти Надсона, а среди чувств, владеющих автором, находим и казенно-патриотические восторги, и освобожденность от тревоги за судьбу нарсда:

Нипочем лихое горе —
С ним сроднился наш народ,
На плечах снесет он горы,
Вброд пучину перейдет! [1]

Любопытной фигурой предстает в немногих своих творениях Дмитрий Жаров, умерший совсем молодым. Склад его ума иронический, практические заботы крестьянина соседствуют в стихах с усмешкой вселенского скепсиса. У Жарова свой демон: явившись на землю к людям, он скоро сознает, что

сила зла
Его равна с людской была.
Сообразил и удивился...

---

[1] «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 25.

Увидел кровных юных чад
К родителям всё непочтенье,
И ложь, и злобу, и разврат,
И ближним ближнего гоненье,
Страстями дышащих людей,
От зла ко злу переходящих.
Возвеселился дух скорбей
В виду успехов предстоящих,
Взмахнул крылами, полетел
Путем обратным в свой предел.

(«Демон») [1]

На страницах «Рассвета» крестьянский демон Жарова усмехается над нелепой судьбой обладателя недолговечного богатства (стихотворение «На кладбище»). Сохранилась рукопись его романа, не дозволенного 10 декабря 1869 года Московским цензурным комитетом к печати «по безнравственности содержания».[2] «Безнравственность» романа Жарова «Софья Михайловна» разнообразна: от вольного описания ухаживаний до язвительных соображений о судопроизводстве, о фальшивости брачных уз и т. д.

Среди авторов «Рассвета» творчески и житейски наиболее близки Сурикову Козырев, Родионов, Тарусин, а из иногородних, не москвичей — Григорьев и Дерунов. Нет возможности выделить из коллективного портрета Тарусина — материалы о нем крайне скудны — и Козырева, вообще-то прожившего колоритную жизнь, издавшего несколько книг прозы; однако сочинение стихов было в его биографии лишь кратким эпизодом, пришедшимся на годы юности.

Иное дело — Савва Дерунов. Он писал много, видимо в течение всей своей долгой жизни. Крестьянские печали и радости, мечты о «жизни свободной» представлены в его стихах и песнях широко. Несмотря на то что Дерунов продолжал выступать со стихами еще и в первое десятилетие нынешнего века, его способность к росту и внутренним переменам оказалась не очень большой. В общем, можно считать, что в период издания «Рассвета» он уже всячески определился. Однако искреннее желание усваивать новое у него было. Дерунов высоко ценил поэзию Некрасова, считал его своим учителем,[3] ссылкой на слова «знаменитого поэта шестидесятых го-

---

[1] ПД (архив В. Р. Зотова).
[2] Центральный государственный архив города Москвы.
[3] См. письмо А. И. Яцимирскому от 6 декабря 1902 г. (ПД, «Музей русских самоучек»).

дов» начинал рассказ о своей жизни.[1] В его стихах исследователь, да и просто читатель, хорошо осведомленный в истории русской поэзии, без труда может отметить некрасовское влияние в отдельных темах, мотивах, героях, интонациях и т. д. (таков, например, его «Учитель»); тем не менее было бы неверно говорить о принципиальном освоении Деруновым каких-либо основ реализма Некрасова.

В конце жизни, в 1904—1906 годах, Дерунов выпустил в Пошехонье, где он постоянно жил, четыре тоненьких сборничка стихов для народа, названные им «Розовыми книжками». Почему они получили такое именно название? Нам кажется единственно возможным следующее объяснение. В начале 60-х годов Некрасов задумал народное издание — «Красные книжки», тоненькие, дешевые брошюрки для крестьян. Две «Красные книжки» (в них вошли стихотворения самого Некрасова) успели выйти в свет, но продолжению издания цензура воспрепятствовала. В «Розовых книжках» Дерунова нельзя, на наш взгляд, не увидеть сознательного продолжения некрасовских «Красных книжек».

Особенностью Степана Григорьева, вносящей индивидуальный штрих в его портрет, надо считать язвительно-страдальческие стихи об уделе поэта-правдоискателя, насмешки над раболепствующими, лживыми собратьями по литературной работе — в стихотворениях «Кончен мой труд многолетний...»,[2] «Консерватор-поэтик»,[3] «Что пишут в газетах». Это последнее стихотворение, написанное, очевидно, в начале 70-х годов и оставшееся неопубликованным, рисует наиболее широкую картину положения дел в современной литературе и журналистике:

В наморднике пресса гуляет по свету,
А гласность с проклятием ринулась в Лету,
Служители ж неба и истин великих
Позорно надели холопства вериги,
Разбив свои лиры, пошли в спекулянты,
Занявшись игрою о почестях в фанты...[4]

Стихи Ивана Родионова, унесенного в могилу чахоткой, когда ему не было еще и тридцати лет, отличаются особой прямотой и

---

[1] Рукопись автобиографии, предваряющей «Песни-думы крестьянские» (ПД).

[2] «Иллюстрированная газета», 1870, 5 ноября, с. 295 (автограф — в архиве В. Р. Зотова, ПД).

[3] «Иллюстрированная газета», 1872, 20 июля, с. 40.

[4] ГБЛ.

четкостью социальных характеристик. Он часто строит стихотворения на последовательном противопоставлении житья бедных и богатых, так — в «Похоронах»,[1] «Думке»,[2] «Смотрит месяц с неба...» (в «Рассвете») и других.

Два стихотворения Родионова могут стать предметом особого внимания читателя. Оба они написаны, как кажется, с нарочитой невнятностью. Первое — «Удалец», входящее в «Рассвет». Его герой, «добрый молодец», всем хорош, однако думает он не о житейском благоустройстве. «Захотел испытать жизнь он вольную», ушел из родимого села бродить по «Руси раздольной». Через несколько лет до его матери доходит слух о том, что «идет ее сын по Владимирке», что «сгубила его удаль с волюшкой». Однако ниоткуда из стихотворения не следует, что Родионов написал его в порицание «удальцам»; напротив, дух удали, неблагоразумия, желание воли — вот основное настроение этого стихотворения при всей, повторяем, его недосказанности, совершенно очевидной.

То, что думы о крестьянской тяге к воле, к тому, чтобы «выломиться» из привычного круга хлопот и обязательств, не были для Родионова случайностью, подтверждает другое стихотворение — «С глазу», появившееся на другой год после выхода «Рассвета». Крестьянин Ерема, герой его, дошел до полной нищеты:

И задумал наш Ерема
Порешить всё сразу.
Порешил... Пошли допросы...
Неспроста то — с глазу!..

О чем это четверостишие, неожиданное после вполне ясного и последовательного рассказа о бедах Еремы? О чем речь — о том, что он стал совершать неблаговидные дела, скажем, воровать? Однако, если уж речь пошла о «неблаговидностях», почему такая скомканность, почему нет достаточно определенного осуждения? Видимо, суть дела не в самом поступке Еремы, а в том, что жизнь вызывает у крестьянина желание нарушить обычный ее уклад, толкает к таким способам «порешить все», на которые можно только намекнуть, но они-то и привлекают к себе особый интерес поэта. Так тема народного бунтарства пусть не ярко, но все-таки заметно прочерчивается в творчестве еще одного из поэтов.

Труды Сурикова, сборник «Рассвет» и последующая деятель-

---

[1] «Иллюстрированная газета», 1871, 28 октября, с. 171.
[2] «Иллюстрированная газета», 1873, 22 февраля, с. 119.

ность его участников активнейшим образом побуждали крестьян, трудовую бедноту по всей России стремиться к свету знания и поэтического творчества. В биографиях многих «самоучек» решающим эпизодом является знакомство со стихотворениями Сурикова или «Рассветом», если не с самими книгами, то хотя бы с газетно-журнальными откликами на их появление.

Говоря о значении «Рассвета», надо еще заметить, что такой почин вызвал длительную традицию коллективных сборников «поэтов-самоучек». Именно эта форма публикации их произведений надолго утверждается как наиболее характерная принципиально и осуществимая практически. В конце XIX века появляются издания: «Родные звуки», «Наша хата», «Звезды», «Думы», «Грезы», «Блестки» и др. Их составителями и участниками были многочисленные продолжатели дела Сурикова и его товарищей.

3. ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

В 80—90-е годы и далее продолжает резко расти число «писателей-самоучек», деловая активность их усиливается. По примеру первой «артели», собравшейся в свое время вокруг Сурикова, возникают новые кружки, объединения, создаются особые издательства, предпринимается выпуск народных изданий, коллективных сборников, журналов, газет и т. д.

Таким образом, пути к объединению, к совместным выступлениям на литературном поприще расширяются, становятся разнообразней. Иногда «самоучки» сходятся вне четких организационных рамок — вокруг какого-либо издательства, книготоргового предприятия, лица (М. Л. Леонова, И. А. Белоусова, С. В. Лютова и других). Иные объединения носят более организованный характер, они представляют собой официальные союзы со своим руководством и определенной структурой. Таков возникший в начале 1900-х годов «Московский товарищеский кружок писателей из народа»,[1] затем «Суриковский литературно-музыкальный кружок». Последний выпускал некоторое время газету «Доля бедняка», начинал и другие периодические издания, но все они существовали недолго.

«Самоучек», точнее — «суриковцев», или «самородков», или «писателей из народа» (такое переименование отчасти объяснялось тем, что слово «самоучка» в точном смысле уже оказывалось во многих случаях неприменимо к новому поколению писателей из народа),

---

[1] См.: «Устав Московского товарищеского кружка писателей из народа», М., 1904.

в первые десятилетия XX века насчитывалось очень много. Те из них, кто работал в условиях городской провинции и особенно в деревнях, явились важной местной культурной силой. Иногда общественно значительным, исторически прогрессивным моментам способствовала и деятельность «писателей из народа» в Москве и Петербурге. Нельзя не сказать о том, что известная их часть прошла через тюрьмы и ссылки, поскольку так или иначе участвовала в освободительном движении.

Словом, жизненные пути «писателей из народа» разнообразны и содержательны, а дела нередко общеполезны. Однако если взять сейчас лишь одну ограниченную, но для нас наиболее важную область их деятельности — поэтическое творчество, то несомненно, что, наряду с энергичным продолжением традиций, обновленных и подкрепленных Суриковым и его товарищами, в творчестве их преемников нарастают явления, которые свидетельствуют о кризисе этой поэтической системы. Вместе с тем было бы несправедливо вовсе зачеркивать созданное преемниками «самоучек» в конце прошлого — начале нынешнего века, не выделив наиболее ценное и живое, не открыв особой природы их поэтических созданий, своеобразной, знаменательной внутренней противоречивости мышления и языка.

Всего определеннее дает возможность очертить новые процессы и новые противоречия творчество двух поэтов; дебюты их отделены один от другого примерно полутора десятилетиями, однако в стихотворениях немало общего. Это С. Д. Дрожжин и М. Л. Леонов. Надо, правда, оговориться, что сочинение стихов было основным делом Дрожжина-литератора и он отдал занятиям поэзией многие десятилетия жизни; Леонов же выступал со стихами преимущественно смолоду, и притом поэзия была для него только одним из множества разнообразных писательских, издательских и других дел.

И Дрожжин, и Леонов работали в литературе уже тогда, когда творчество «самоучек» привлекало к себе довольно широкое внимание и сочувственный интерес к нему на какое-то время даже вошел в моду у разных кругов, — примерно с середины 80-х годов до начала нового века, когда «писатели из народа» уже организационно укрепились и стали чувствовать себя в современном обществе уверенней и прочней, чем в свое время Суриков с товарищами.

Сочувствие, интерес, пробужденные как раз Суриковым и его ближайшим окружением, в значительной мере достались уже на долю их преемников, то есть и Дрожжина и Леонова, хотя опять-таки по-разному, поскольку очень различны были их индивидуальности, их жизненные пути.

Жизнь Спиридона Дмитриевича Дрожжина пришлась на время многих значительнейших перемен в русской истории. Когда было отменено крепостное право, ему шел уже тринадцатый год. Октябрьская революция застала его почти семидесятилетним стариком, а умер Дрожжин в один год с Маяковским.

Долгие годы — с детства — он работал преимущественно в городах, но старался не порывать вовсе связей с крестьянским трудом, родной деревней. Последние три с половиной десятилетия жизни он в основном провел в деревне. Все эти обстоятельства не раз служили основанием для того, чтобы объявлять Дрожжина чуть ли не единственным в русской поэзии истинным «поэтом от сохи». Дрожжин был заметной, колоритной фигурой, в силу ряда причин он считался в течение нескольких десятилетий, так сказать, классическим образцом «поэта-самоучки». Он был образованнее других «самоучек», любил читать и читал много, с годами завязал обширные литературные знакомства: от Льва Толстого до Райнера Марии Рильке.

Дрожжин стал печататься с 1873 года. Однако широкая известность пришла к нему после обнародования его автобиографических записок. Ими — «Записками-автобиографией» (с отрывками из дневника) на 82 страницах — поэт открыл первый сборник своих стихотворений, который был издан в 1889 году. Впоследствии записки не раз перепечатывались, биография Дрожжина пересказывалась в различных изданиях для народа. Читатели воспринимали его поэтическое творчество в контексте всей своеобразной его судьбы.

Поэзия Дрожжина в основном посвящена быту, делам, чувствам крестьянина. Он писал о горькой стороне крестьянского житья, о бедности, тяжком труде, о пьянстве. С болью поэт замечал:

Грусть сроднилася с крестьянскою душою,
Она всегда в груди измученной живет...

(«Летний вечер в деревне»)

Дрожжин посвящает свои стихи и здоровым, радостным моментам в жизни крестьян; красноречивы уже сами названия: «Довольство крестьянина» (1906), «Счастливая доля» (1908), «Радость пахаря» (1912) и другие.

Явно следуя в своем творчестве за Кольцовым и Суриковым, Дрожжин вместе с тем более определенно учел творческий опыт Некрасова, прежде всего свойственную ему широту в подходе к теме народа и народной жизни, теме родины. Такие «некрасовские» заявки делает Дрожжин в стихотворениях «Честным порывам дай волю свободную...», «Родина», «Родине». От Некрасова

идет линия программно-гражданственных стихов и автохарактеристик поэта, однако здесь Дрожжин, пожалуй, всего слабее и безличнее. В 70—80-е годы он создает поэмы из жизни крестьян («Дуняша», «Исповедь матери»), бурлаков («Привал на Волге»), то есть осваивает материал народной жизни в жанре, опять-таки реформированном Некрасовым.

О своем восторженном отношении к поэзии Некрасова Дрожжин заявлял не раз. После выхода в свет некрасовских «Последних песен» Дрожжин написал стихотворение «Н. А. Некрасову» и послал его по почте адресату. Великому поэту посвящены также стихи «На смерть Н. А. Некрасова» (1877—1878), «Памяти Н. А. Некрасова» (1880).

Отразив некоторые факты и настроения крестьянской жизни, имевшие важную общественную основу, Дрожжин в общем оставался далек от активной, боевой постановки современных проблем. И в годы нарастания революционного движения в стране он по-прежнему ограничивался привычной для него сферой отвлеченно-моралистического толкования смысла жизненных явлений. Дрожжин проявлял специальный интерес к размышлениям этического плана, немалое место уделив им, в частности, на страницах своего дневника. Он проповедовал идеи трудолюбия, личных добродетелей, терпения:

Братья, будем все трудиться,
Будем мирно жить,
Будем грамоте учиться
И детей учить!

(«Из песен работников»)

Важность народного просвещения поэт подчеркивал многократно. «Чтобы без горя в мире жить, народу нужно просвещенье», — утверждал он в стихотворении «Старое и новое время» (1903). Крестьянская революционность, народное бунтарство не отразились достаточно сильно в самом духе его поэзии (хотя, например, поэма «Исповедь матери» рассказывает о крестьянской мести помещику-насильнику). В этом отношении Дрожжин несравним и с Есениным, своим младшим современником.

Беспристрастное знакомство с поэзией Дрожжина заставляет сделать вывод об ориентации поэта на идеалы, которые в предреволюционной атмосфере выглядели достаточно благоразумными и мирными.

Не случайно в дореволюционную пору предпринимались разнообразные попытки представить Дрожжина этаким «идеальным

крестьянином», в меру просвещенным и чувствительным, в меру жизнерадостным и деятельным.

Можно говорить о своеобразной борьбе за Дрожжина, в которой его деятельность трактовалась реакционными кругами тенденциозно, односторонне. Так, великий князь Константин Константинович Романов (он претендовал на роль законодателя путей и вкусов в искусстве, сам писал стихи, подписывая их псевдонимом «К. Р.») в своем отзыве для Академии наук о сочинениях Дрожжина отмечал их «жизнерадостное настроение», «бодрость духа»; он ставил Дрожжина в пример «многим воображающим себя поэтами, но умеющим только ныть без всякого на то права». Особенно радовало высокопоставленного рецензента то обстоятельство, что Дрожжин — поэт, не «заражающийся модными течениями».[1] Академия наук дважды отмечала стихотворения Дрожжина почетными наградами. Подобные факты, естественно, не следует воспринимать как вполне объективную, беспристрастную и бескорыстную оценку трудов поэта. Все же они косвенно свидетельствуют о консервативном характере его демократизма.

Несмотря на все рассказанное здесь, у читателя не должно возникнуть представления о совершенно гладком и благополучном пути Дрожжина-поэта. Все обстояло значительно сложнее. Наряду с поддержкой одних существовало ироническое неприятие других: скажем, в романе М. Альбова и К. Баранцевича «Вавилонская башня» (он представляет собой юмористическое повествование об одном из московских литературных кружков конца прошлого века) Дрожжин, выведенный под именем Горшкова, постоянно «сидит в уголку, изнемогает в испарине и беспрестанно кашляет в горсть».[2] Из этих строк явствует несомненная драматичность существования Дрожжина в «хорошем обществе», в том числе и в литературном, его напряженность и ощущение «чуждомья» вокруг. Конечно, ему были свойственны внутренние сомнения, страсти, живое и сильное страдание (обо всем этом свидетельствует, в частности, впервые публикуемое в настоящем издании стихотворение «Поэт и читатель»). Однако его поэтические произведения далеко не всегда открывают читателю реальный облик автора, его подлинные мысли и волнения.

---

[1] К. Р., Критические отзывы, Пг., 1915, с. 341, 353.

[2] М. Альбов и К. Баранцевич, Вавилонская башня (Юмористический роман), М., 1896, с. 311 и др. О том, что Горшков — это Дрожжин, пишет И. А. Белоусов в «Литературной среде» (М., 1928, с. 74).

Какова же художественная природа поэзии Дрожжина?

Большинству стихотворений свойственно парадоксальное сочетание простонародности и эстетизма, развивавшееся и обострявшееся с годами. Поэт, как кажется, не бессознательно или по неумению прибегает в своих произведениях к приемам чужого творчества (так было у Сурикова), а как бы нарочито предлагает воспринимать написанное в привычном эстетическом ряду поэзии кольцовского направления. В стихах Дрожжина легко различимы элементы принципиальной вторичности, рассчитанной стилизации. К ним относятся и постоянное употребление таких оборотов, как «добрый молодец», «красна девица», «душа-девица», «ретивое», «тоска-кручина» и т. д., и некоторые герои, ритмы, жанры (например, «Думы»), воспринимаемые в стихотворном наследии поэта как откровенные цитаты. Для его поэзии характерны своего рода словесные клише, то есть слова, за которыми нет живого исследования действительности или хотя бы попытки к тому. Поэт не только подхватывает сложившиеся формы специально «поэтической» фразеологии, но и сам создает соответствующие новые фразеологизмы.

В 1913 году в стихотворении «Из мрака к свету» Дрожжин писал:

Из мрака к свету мы идем,
Туда, где нас свобода ждет...

И в 1919 году он писал снова:

За вольным радостным трудом
Из мрака к свету мы пойдем...

(«Ночные думы»)

Однако черты подлинного мировосприятия крестьянина-труженика, живое народно-поэтическое чувство нередко пробиваются в стихотворениях Дрожжина сквозь стилизацию и подражательность.

Надо учесть, что сам Дрожжин считал себя «песнетворцем», называл свои стихотворения песнями. И. А. Белоусов рассказывал: «Он не просто записывает свои песни на бумаге, он сначала положит их «на голос», споет их про себя, а потом уже запишет». [1]

---

[1] Ив. Белоусов, С. Д. Дрожжин. — В кн.: «Поэт-пахарь Спиридон Дмитриевич Дрожжин и его песни», М., 1924, с. 11.

Дрожжин сам любил и умел петь свои произведения. В 1924 году А. С. Серафимович вписал в памятную книжку поэта: «Сегодня пришел ко мне поэт Дрожжин и пел таким же крепким голосом свои песни, каким певал много лет назад».[1]

В поэтическом наследии Дрожжина есть целые стихотворения (особенно из числа ранних, когда поэт был всего ближе к истинному творчеству) с глубоко достоверным ощущением крестьянских будней и жизни родной природы. Таковы, например, «Летняя ночь в деревне», «Родина», широко известное начало «Дуняши» («Быстро тучи проносилися...»), высказанные с юмором строки «Домового», песня «Как по травке ветерок...» и другие. Среди стихов Дрожжина встречаются порой строфы или строчки, которые отличаются небанальностью и точностью поэтического языка:

Как радовался я на вскопанные грядки,
Когда перистый лук, заботливой рукою
Родимой бабушки посаженный на них,
С бобами сочными всходил и красовался!
А старый дед пахал за этим огородом,
И пашня черная виднелася сквозь тын,
И жаворонок пел, и каркали вороны,
За дедом в борозде сбирая червяков...
Хоть с каждою весной бессмертная природа
Напоминает мне об этих чудных днях,
Но я теперь сижу понурившись, как крест
От частых зимних бурь на кладбище забытом.

(«Под черемухой»)

Поэзия Дрожжина сформировалась в своих основах в последние десятилетия XIX века, задолго до Октябрьской революции. Революцию Дрожжин принял радостно, но решительным образом обновить свое творчество он, естественно, уже не смог.

М. Горький, которого особенно занимала участь русских «писателей-самоучек», в письме А. А. Яблоновскому в январе 1911 года заметил: «Я верю также, что попади Дрожжин в юности в хорошие, любовные руки, из него вышло бы не то, что видим ныне».[2]

---

[1] А. С. Серафимович, Сборник неопубликованных произведений и материалов, М., 1958, с. 530.

[2] М. Горький, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 29, М., 1954, с. 160.

Бесспорно, значение деятельности Дрожжина не следует преувеличивать, однако реальная картина истории родной поэзии была бы неполна без этой своеобразной фигуры поэта-крестьянина.

Максим Леонович Леонов, человек младшего поколения (моложе Дрожжина почти на четверть века), был необычайно деятелен, предприимчив, инициативен, его биография содержит список важных, полезных дел — от издания революционно-пропагандистской литературы до помощи крепнувшему рабочему движению.

Что же касается его стихотворений, то в них читатель найдет многие черты, уже ставшие атрибутом, неотъемлемым свойством произведений представителей данной поэтической традиции: Леонов передает настроения печали, порожденные в душе крестьянина его трудным житьем («От тоски-злодейки...» и другие); он утверждает значение труда, нравственности, честности, внимания к народным нуждам («Завет крестьянина»); он воссоздает порой реальнейшие черты крестьянского быта и психологии; он слагает песни.

И Дрожжин, и Леонов продолжают традицию противопоставления города деревне, не внося в этот привычный контраст каких-либо новых оттенков. Дрожжин пишет:

Приходите ко мне, бедняки,
Из сторонки чужой и далекой
В деревушку у славной реки...
...Бросьте пыльные вы города,
С их развратом и роскошью моды,
С их бесплодным избытком труда,
Бросьте пыльные вы города,
Мрачных фабрик тяжелые своды,
Полюбите раздолье природы.

(«Приходи ко мне, голь-нищета...»)

Ты изнываешь там, в глухих стенах столицы,
А я смотрю на гладь родных полей
И слушаю, когда поют, взлетая, птицы
Над головой моей.

(«И. А. Белоусову»)

Леонов вторит своему старшему товарищу:

Мне противен душный город,
Я стремлюсь туда душой,

Где в тени дерев зеленых
Милый сердцу дом родной...

(«Мне противен душный город...»)

Я с деревней родной
Крепко дружбу веду,
В город душный я жить
Никогда не пойду.

(«В деревне»)

Сохраняя основные темы, жанры, настроения «поэтов-самоучек», творчество М. Леонова в то же время зачастую красноречивее, нежели стихи Дрожжина, говорит о принципиальном тупике, в который забредала по воле истории поэзия «суриковцев».

В стихах Сурикова и его товарищей по «Рассвету» без особого труда отслаиваются друг от друга подлинное живое «зерно» и внешняя литературная подражательность. У Дрожжина, особенно с годами, возникает отмеченное сочетание простонародности с эстетизмом, своего рода «автостилизация»; она уже может иной раз помешать отделить истинное от деланного, переводит пусть наивную, неумелую, но искреннюю поэзию «самоучки» в другой разряд, как бы превращает ее в стихотворный промысел, вид кустарной крестьянской промышленности.

В стихах М. Леонова стилистическая система, шедшая от Кольцова и оказавшаяся в условиях несколько искусственного отрыва от исторического движения, по сути дела окончательно лишается всякой внутренней основы, переходит, за редким исключением, в более или менее искусную «словесность», словесное ремесло. Она как бы выходит из берегов, становится почти неразличимой, допуская любые единства, смеси, переходы, любые стилистические языковые сочетания. Оттого на страницах стихотворных сборников Леонова Кольцов оттесняется Фофановым, Суриков — Миррой Лохвицкой, а крестьянская песня отступает перед эстрадным романсом:

Я пришел к вам, и вновь почему-то
Мне припомнилось счастье былое,
И опять непонятной тревогой
Встрепенулось мое ретивое.

(«Я пришел к вам, и вновь почему-то...»)

Понял я теперь, голубка,
Что с тобою мы не пара:

Ты — прекраснейшая скрипка,
Я — разбитая гитара! ..

(«Расцвела, похорошела. . .»)

В эту ночь ароматного мая,
Коль случится с тобою недуг,
Ты, желанием страстным сгорая,
Приходи ко мне, милый мой друг.

(«В эту ночь. . .»)

Зачем меня ты разлюбила,
Зачем покинула меня,
Мой идеал зачем разбила?
Скажи, жду я.

(«Зачем?»)

История горемычной суриковской рябины, мечтающей «к дубу перебраться», до неузнаваемости трансформируется под пером М. Леонова в такой сюжет:

Тихо дремлет сад зеленый;
Ночь спустилась голубая,
И склонилась-задремала
Незабудка полевая.

Снится ей красавец ландыш —
Он о ней грустит, страдает
И тайком, под шепот леса,
Тихо слезы проливает. . .

Все приведенные строки не требуют долгих комментариев, они слишком явно свидетельствуют об утрате поэзией «суриковцев» именно внутренней цельности, внутренней основы, дававшей, бывало, возможность различать за несамостоятельностью и несовершенством выражения определенный мир души, реальную человеческую судьбу. Потому на страницах серьезных журналов конца прошлого века стихи Леонова не получили одобрения. [1]

Стилистика поэзии «суриковцев» расходилась с подлинным их

---

[1] См. рецензии на второе издание его стихотворений. — «Русское богатство», 1898, № 2, с. 74—77; «Мир божий», 1898, № 3, с. 64—65.

существованием. Так и у Леонова. Жизнь, дела, мысли, чувства его самого были мало похожи на то, что рисовалось в основной части его стихотворений. Быть может, именно ощущение такого несоответствия и заставило Леонова еще в молодости отойти от активной работы в области стихотворства?

Из всего сказанного, естественно, ничуть не следует, что Леонов, как и некоторые другие поздние «суриковцы», не был человеком, искренне любящим песню и слово, бескорыстно болеющим за народную долю. Однако, по логике истории, кто не идет вперед, тот непременно отстает. Так вышло и с «суриковцами».

Оригинальная глава истории родной поэзии была, по существу, дописана. Однако в жизни все выходило не так ясно и прямо. «Суриковцы», как уже говорилось, не ослабляют, напротив, усиливают, укрепляют и расширяют всевозможную деятельность. Возникают различные ветви, линии, направления, иногда они находятся между собой в яростной борьбе.[1] «Суриковцы» увлекаются разнообразными видами самоутверждения. Проводятся чредой юбилеи, чествования. Стихи, проза, декларации «суриковцев» приобретают оттенок некоей социальной многозначительности. Входит в употребление слово «самородок», звучащее нередко — в ряду других дел и слов — апологией кустарничества и дилетантизма в искусстве. Наблюдается и увлечение тактическими предприятиями и ходами, внутрикружковыми размежеваниями и борьбой.

Поэты, так или иначе связавшие себя с «суриковцами», очевидно, делятся на три группы.

Во-первых, это, так сказать, «чистые суриковцы»: М. Леонов, С. Кошкаров, И. Морозов, И. Назаров, М. Савин и другие. Некоторые из них делали немало полезного, нужного. Стихи же их в основном завершали традицию, изредка отдалялись от нее, уводя к поиску на иных, новых путях.

Другие «суриковцы» (например, Ф. Шкулев, Е. Нечаев) становились у колыбели пролетарской поэзии. И это новое высокое призвание поэта, а не власть традиций было главным, определяющим, наиболее плодотворным в их творческой судьбе.

Наконец, третьи, чья связь с кружком «суриковцев» была особенно недолгой, начинали новую полосу в истории крестьянской поэзии. Поэты крестьянского происхождения начала XX века Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, А. Ширяевец, так же как и бывший

---

[1] Характерное проявление такой борьбы — статьи М. Леонова «Суриковцы и млечнопутейцы». — «Северное утро» (Архангельск), 1916, 4, 7 и 17 июня.

некоторое время в числе «суриковцев» С. Есенин, уже не могут изучаться в непосредственной связи с нашей темой как ее исторический эпилог (хотя определенные соответствия здесь несомненны).

Таким образом, история вызвала к жизни новые пути творчества в области поэзии, непосредственно связанной с демократическими кругами, с народной жизнью, вызвала новые идеи и формы. Все истинно ценное, что было создано «поэтами-самоучками» последней трети прошлого века — начала нынешнего, не пропало, а влилось в мощную реку русской культуры, по-своему отозвалось в художественном творчестве новых поколений.

Е. Калмановский

I

И. СУРИКОВ

Иван Захарович Суриков родился 25 марта 1841 года в деревне Новоселово Угличского уезда Ярославской губернии. В год его рождения по переписи в Новоселове было «11 дворов и 55 душ мужеска пола». Родители Сурикова относились к числу оброчных крестьян графов Шереметьевых. Отец его, Захар Адрианович, ко времени рождения сына находился на заработках в Москве, служил приказчиком в овощной лавке. Семья Суриковых жила в деревне в относительном достатке.

Весной 1849 года отец Сурикова перевез жену и сына в Москву, где он уже был владельцем собственной овощной лавки (в ней продавались разные продукты, не только овощи). Очевидно, отец начал занимать сына Ивана по лавке, когда тому исполнилось 11—12 лет, и требовал от него коммерческого рвения.

В школе Суриков не учился, с грамотой его познакомили соседи. Вскоре он пристрастился к чтению, а затем и к стихотворству. С детских лет приходилось ему испытывать чувство одиночества, быть замкнутым, поскольку он жил и рос в среде, отличавшейся жестокостью, корыстолюбием, душевной грубостью. Особенно мучительно сложились отношения с отцом. Его деспотические требования, длительные запои, дикие выходки, всевозможные противодействия литературным занятиям доставляли сыну тяжкие страдания. Только в последние годы жизни сына-поэта Захар Адрианович переменился в отношении к нему. Суриков считал отца одним из главных виновников своего нездоровья; в то же время в семье сохранялись внешне добропорядочные патриархальные отношения.

Ко второй половине 50-х годов торговые дела Сурикова-отца расстроились настолько, что ему пришлось закрыть лавку. В поисках спасения от надвигающейся нищеты он уезжает в родную деревню, а сына и жену оставляет в Москве у своего брата, также занимавшегося торговлей. Дядя держал у себя родственников «из милости», попрекал каждым куском, хотя Суриков с матерью беспрестанно на него работали.

В 1859 году, по возвращении из деревни, отец Сурикова берется за скупку и перепродажу металлического старья и тряпья, что

дает семье небольшой доход. Позднее к названным занятиям прибавилась торговля углем.

В мае 1860 года Суриков женился. Его женой стала сирота Мария Николаевна Ермакова, верная, заботливая подруга поэта до конца его дней. Она намного пережила Сурикова (из сообщения газеты «Новости дня» известно, что она присутствовала на панихиде в день 25-летия со дня его смерти).

В начале 60-х годов к стихам Сурикова проявляют интерес разные лица, узнавшие о необычной жизни юноши. Наконец, знакомые устраивают ему встречу с А. Н. Плещеевым, который может по праву считаться первым учителем Сурикова-поэта. Он давал ему конкретные советы по работе над стихотворениями и помог дебютировать в печати.[1] Некоторые ранние стихотворения публиковались, очевидно, безвозмездно, Суриков не получал за них гонорара.

Между тем домашний быт его складывался крайне неблагоприятно. В октябре 1864 года умерла мать; отец вскоре женился вторично. Жизнь с мачехой оказалась невыносимой. Суриков с женой уходят из родительского дома. Они скитаются, доходят до крайней бедности. Сурикову лишь изредка удается раздобыть случайную работу в типографии или переписку бумаг. Измученный лишениями и обидами, он помышляет о самоубийстве, ищет утешения в пьянстве.

Только после того, как мачеха бросила отца, Суриков возвращается домой. Он много пишет, печатается в различных периодических изданиях. Настоящих условий для поэтической работы у него по-прежнему нет. В письме И. Г. Воронину от 30 октября 1873 года Суриков рассказывал, объясняя причину перерывов в своих творческих занятиях: «Писать что-либо не выберешь времени, чернила в лавке у меня замерзли (ибо контора моя находилась там), а на квартире писать тоже негде, днем нельзя уйти из лавки, потому что я там нахожусь один, отец лежит нездоров, женин брат весь день в развозке угля. Вечером придешь домой измученный, как собака, бегавшая весь день, ища какой-нибудь пищи, до письма ли тут? Да если б и вздумалось что написать, придя вечером домой, где же? Если я примусь писать, то должен сидеть с огнем, а это помешает другим, они не должны будут спать, так как помещение мое, где я живу, заключается в одной комнате».[2]

Несмотря на такие условия, Суриков урывает время для сочи-

---

[1] Письма Плещеева к Сурикову от 1872 г., демонстрирующие заботу и помощь поэта, хранятся в ГБЛ.

[2] И. З. Суриков, Стихотворения, М., 1884, с. 9 (текст цитаты уточнен по рукописи).

нения стихов. В 1871 году вышел в свет первый сборник его стихотворений. На стихи и жизнь Сурикова начинают обращать сочувственное внимание, появляются первые печатные отклики, публикуются портреты. 22 декабря 1875 года его избирают действительным членом Общества любителей российской словесности, тем самым он входит в круг признанных литераторов.

Различные воспоминания сохранили для нас своеобразный облик Сурикова 70-х годов. Так, М. А. Козырев описывал: «Идет, бывало, если дело было летом, в длиннополом, поношенном сюртуке, в поношенной фуражке, сдвинутой на затылок; из-под фуражки выбиваются густые рыжеватые волосы. Такая же подстриженная бородка густо покрывала весноватое с темно-синими жилками лицо. Походка его была, если он не спешил, медленная, развалистая; руки или заложены сзади, или в рукава спереди, отчего фигура его всегда казалась сутуловатою. Зимой выцветший сюртук заменялся черным дубленым полушубком, ноги одевались в валенки, прочее оставалось по-прежнему».[1] В тридцать пять лет у Сурикова была уже сильная проседь. В разговоре он заметно картавил и по-ярославски «окал».

С годами вокруг Сурикова сложился широкий круг друзей, в основном таких же «самоучек», как он сам. Это участники сборника «Рассвет», а также Ф. С. Гурин, Д. Н. Кафтырев, И. К. Кондратьев, А. И, Левитов, Н. А. Соловьев-Несмелов, Г. Г. Урусов и другие.

Известность Сурикова росла, несколько поправилось материальное положение, но стало решительно сдавать здоровье. Тяжелый и грязный труд в лавке становится совершенно непосильным для его больных легких. Рождаются многочисленные планы смены занятий. Суриков задумывает приобрести или открыть новую типографию, заняться изданием собрания сочинений И. С. Никитина, купить право издания журнала «Маляр» или «Развлечение», стать хозяином книжного магазина или библиотеки, наконец, издавать новый журнал «Зарница». Последний замысел сразу же оказался нереальным, поскольку московский обер-полицмейстер отказал Сурикову в выдаче свидетельства о поведении и личности, необходимого для представления в Главное управление по делам печати.[2] Не состоялись по разным причинам, но по сути дела из-за смертельной усталости поэта, и другие его замыслы.

Здоровье Сурикова все ухудшается. Он едет лечиться на кумыс

---

[1] М. А. Козырев, Воспоминания об И. З. Сурикове. — «Исторический вестник», 1903, № 9, с. 880.

[2] См. письмо к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 31 августа 1878 г. — И. З. Суриков, Стихотворения, М., 1884, с. 34.

в Самарские степи (летом 1878 и 1879 годов), в Крым (сентябрь — декабрь 1879 года). Но дни его сочтены. Чахотка усугубляется множеством других болезней, нервным расстройством, мучительными бессонницами. К физическим страданиям прибавляются душевные, растет ощущение одиночества, приходит разочарование в большинстве былых друзей. Поэт сознает, что смерть близка. 20 декабря 1879 года по приезде из Ялты он пишет Дерунову: «Песня моя уже спета... Я из комнаты никуда не выхожу и все кашляю, кашляю и кашляю; дышу я трудно и тяжело — мое правое легкое давно уже тю-тю!.. Писать я, голубчик, ничего не пишу, ибо не могу, голова и душа не работают».[1]

Умер Суриков 24 апреля 1880 года, только что вступив в сороковой год жизни. Его похоронили на Пятницком кладбище в присутствии немногочисленных друзей. Среди них были литераторы Ф. Б. Миллер, Ф. Д. Нефедов, Н. А. Соловьев-Несмелов, Н. А. Чаев, известный издатель К. Т. Солдатенков, много помогавший Сурикову, и другие.

Первым печатным выступлением поэта, исходя из известных сегодня фактов, следует считать стихотворение «Покойница» в «Воскресном досуге» (1864, 5 июля). Однако в печати и в письмах не раз мелькали сведения, достаточно смутные, о том, что Суриков дебютировал раньше, и притом на страницах журнала «Развлечение». Возможно, что таким дебютом является стихотворение «Песня» («Расчешу я кудри...»), напечатанное в «Развлечении» в конце декабря 1863 года (№ 50) и подписанное «Н. С.» (в силу особенностей почерка Сурикова нередко в журналах встречаются подписи «Н. Суриков» и «Н. С.»), однако утверждать это с уверенностью нельзя.

В течение жизни Суриков печатался в различных московских и петербургских журналах и газетах (см. примечания к настоящему изданию). Трижды издавались сборники его стихотворений (1871, 1875, 1877 гг.). Наиболее распространенные его псевдонимы: И. Новоселов (так он подписывал в основном свои прозаические произведения в «Рассвете», «Воскресном досуге», «Грамотее»), И. Келлер (первоначально псевдоним был придуман для подписи стихотворных переводов,[2] однако в последние годы жизни Суриков вообще широко пользовался им).

---

[1] А. Яцимирский, Из жизни народного певца. — «Образование», 1905, № 4, с. 53 (текст цитаты уточнен по рукописи).

[2] См. об этом неопубликованное письмо Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 18 августа 1877 г. (ГБЛ).

1

«Что, удалый молодец,
Опустил ты буйную
И сидишь за чаркою
С невеселой думою?»

— «С горя, добрый молодец,
С горя я печалюся;
С горя моя буйная
С плеч головка валится».

— «Да откуда ж горе-то
Пришло к добру молодцу? . .
Из-за моря ль тучею
Принеслося по ветру?

Иль из бору темного
Медяницей выползло?
На пиру ли хмельною
Брагой в чарке выпито?»

— «Нет, не в чарке выпито
Горе хмельной брагою,
Принеслось не тучею
Черною из-за моря,

Не из бору выползло
Змеей-медяницею —
Пришло горе к молодцу
Красною девицею!»

1862 или 1863

2. ЧАСОВОЙ

Полночь. Злая стужа
На дворе трещит.
Месяц облаками
Серыми закрыт.

У большого зданья
В улице глухой
Мерными шагами
Ходит часовой.

Под его ногами
Жесткий снег хрустит,
А кругом глухая
Улица молчит;

Но шагает ровно
Бравый часовой,
И ружье он крепко
Жмет к плечу рукой.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
С белою трубой;

Вспомнилась голубка,
Милая жена:
Чай, теперь на печке
Спит давно она.

Может быть, ей снится,
Как мороз трещит,
Как солдат озябший
На часах стоит.

1862 или 1863

8. ИЗ БЕДНОЙ ЖИЗНИ

Сырая каморка,
Бедно́ в ней, убого:
Два стула, скамейка
Да столик трехногий.

Живет в ней сапожник
С своею семьею:
С малюткою-дочкой,
С больною женою.

Больная не стонет;
В тускнеющем взоре
Не боли мученье —
Душевное горе.

На дочку больная
Глаза устремила,
Иссохшие руки
На груди скрестила.

Не с жизнью расстаться
Жалеет бедняжка,
Но дочку сироткой
Покинуть ей тяжко.

Кто будет сиротку
Беречь и лелеять?
Кто доброе семя
Ей в сердце посеет?

Отец? Но при мысли
О муже больная
Рукой безнадежно
Махнула, вздыхая.

Плохая надежда
В отце для малютки!
Как добыл он денег —
И нет его сутки.

И пьет себе, пьет он, —
Семья позабыта!
Какая ж малютке
В нем будет защита?

И в грустных картинах
Встает пред больною
Жизнь дочки, как будет
Она сиротою...

То мнится ей: дочка
В худой душегрейке
По улицам ходит,
Сбирает копейки.

То мнится ей: дочка
С шарманкой шагает
И песней и пляской
Народ потешает.

То мнится ей: дочка
В палате больничной
Прощается с жизнью
Своей горемычной.

И очи больная
Закрыла рукою,
Чтоб больше не видеть
Виденье такое.

В час ночи сапожник
Домой воротился
И долго буянил,
Шумел и бранился.

Жена ни полслова —
Лежит без движенья;
На брань и на крики
Нет слов возраженья.

И грозно сапожник
К жене подступает,

Въ грязи подъ навѣсомъ
Съ слезой засыпаетъ!

И вотъ ея дочка
Съ шарманкой шагаетъ,
И пѣсней и пляской
Народъ потѣшаетъ!

И вот ея дочка
Уж ходит бульварами
Ея называют
Продажною тварью

Все днём передъ нею
И пьяно и грязно

Кипитъ передъ нею
~~Все днёмъ разгорится~~, [illegible] Весельем пьяным гуляки
~~Порокъ [illegible]~~ —
И шепчутъ гуляки
Ей рѣчи соблазна.

И [illegible] зовет ее
Продажною она.

И вот ея дочка
Бульварами ходит
[illegible]
И речи заводит. —

И вотъ ея дочка
Ужъ жертва паденья
Свершилось надъ нею
Все зло униженья!

С утра и до ночи
[illegible]
Продажною тварью
Зовут она. —

Она ужъ не ропщетъ
На жизнь въ этой долѣ,

И крепко жену он
За плечи хватает.

Он хочет с постели
Стащить ее силой, —
Но тащит — и что же?!
Она уж остыла...

1862 или 1863

4

В зеленом саду соловушка
Звонкой песней заливается;
У меня, у молодешеньки,
Сердце грустью надрывается.

Знать, тогда мне, когда поп крестил,
Вышла доля несчастливая,
Потому что вся я в матушку
Уродилася красивая.

И росла у ней да нежилась
Я на воле одинешенька;
Богачи купцы проезжие
Звали все меня хорошенькой.

Мое личико румяное
Красной зорькой разгоралося,
И косою моей русою
Вся деревня любовалася.

Да сгубил меня мой батюшка,
Выдал замуж за богатого,
На житье отдал на горькое
За седого, бородатого.

Не живу я с ним, а мучаюсь:
Сердце горем надрывается,
Не водою лицо белое,
А слезами умывается.

Что богатство мне без радости?
Без любви душа измаялась.
Без поры-то я, без времени,
Молодешенька, состарилась!

1863 или 1864

5

Тихо тощая лошадка
По пути бредет;
Гроб, рогожею покрытый,
На санях везет.

На санях в худой шубенке
Мужичок сидит;
Понукает он лошадку,
На нее кричит.

На лице его суровом
Налегла печаль,
И жену свою, голубку,
Крепко ему жаль.

Спит в гробу его подруга,
Верная жена, —
В час родов, от тяжкой муки,
Умерла она

И покинула на мужа
Пятерых сирот, —
Кто-то их теперь обмоет?
Кто-то обошьет?

Вот пред ним мосток, часовня,
Вот и божий храм, —
И жену свою, голубку,
Он оставит там.

Долго станут плакать дети,
Ждать и кликать мать, —
Не придет она с погоста
Слезы их унять.

1863 или 1864

6. УТРО

Ярко светит зорька
В небе голубом,
Тихо всходит солнце
Над большим селом.

И сверкает поле
Утренней росой,
Точно изумрудом
Или бирюзой.

Сквозь тростник высокий
Озеро глядит,
Яркими огнями
Блещет и горит.

И кругом всё тихо,
Спит всё крепким сном;
Мельница на горке
Не дрогнет крылом.

Над крутым оврагом
Лес не прошумит,
Рожь не колыхнется,
Вольный ветер спит.

Но вот, чу! в селеньи
Прокричал петух;
На свирели звонкой
Заиграл пастух.

И село большое
Пробудилось вдруг;

Хлопают ворота,
Шум, движенье, стук.

Вот гремит телега,
Мельница стучит,
Над селом птиц стая
С криками летит.

Мужичок с дровами
Едет на базар;
С вечною тревогой
Шумный день настал.

1863 или 1864

7. ПОКОЙНИЦА

Грустная картина:
В горенке тесовой,
Озарен свечою,
Гроб стоит сосновый.

Перед ним сиротки —
Дети робко жмутся,
Громко кличут маму,
Да не дозовутся.

Бедная, не слышит
Плач своих малюток —
Спит она сном крепким,
Спит уж двое суток.

Спит... Забыты ею
Горе и заботы —
С долею тяжелой
Кончены расчеты.

Жертва нужд и горя!
Спи, господь с тобою!
Отдохнешь от жизни
Ты хоть под землею.

На тебя гляжу я
И душой страдаю,
И твою былую
Жизнь припоминаю.

Вот ты предо мною —
Девочка-малютка,
Щечки без румянца,
Худенькая грудка;

На глазах слезинки,
Грустная такая, —
Больно тебя била
Мачеха лихая...

Вот бежишь ты в стужу
Зимнею порою
В лавочку за квасом
Или за водою.

Грязные лоскутья
Тело прикрывают;
Сквозь башмак дырявый
Пальцы выползают.

И ребячье тело
Всё почти наруже...
И дрожишь, бежишь ты
Улицей по стуже.

И придешь с морозу
Не в тепло, бедняжка, —
Мачеха прогонит
Полоскать рубашки.

Горько тебе было,
Тяжело и больно;
Слез горючих втайне
Пролито довольно.

Ты сносила горе
Молча, терпеливо.

Время шло — ты стала
Девушкой красивой.

Мачеха, чтоб с хлеба
Сбыть тебя скорее,
Выдала бедняжку
Замуж за злодея.

Хоть бы луч отрады
Был тебе минутный!
Загубил-замаял
Муж тебя беспутный!

Вот уйдет он утром
Рано, на рассвете;
Нет ни крошки хлеба,
Горько плачут дети.

Дома ни копейки...
Заложить? Да что же?
Всё давно прожито,
Нет клочка одежи.

И заплачешь горько,
Голова склонится;
Пред святой иконой
Станешь ты молиться.

Просишь ты у бога
Не для жизни силы, —
Просишь у него ты
Для детей могилы.

И в тоске малюток
Обоймешь руками,
Детские головки
Оросишь слезами.

Жарко их целуешь,
Плачешь и рыдаешь,
В горе да в кручине
С ними засыпаешь.

В полночь муж вернется, —
Буйство, брань, угрозы;
Дети в перепуге
Вскочат... крик и слезы.

Сдавлена, согнута
Жизнию такою,
Скоро подружилась
Ты с чахоткой злою.

Сил твоих остаток
Злая боль сточила
Да и в гроб сосновый
Жертву уложила.

Плачьте, плачьте, дети!
Жизнь горька вам будет.
Кто-то вас утешит?
Кто-то приголубит?

Между 1862 и 1864

8. МОГИЛА

Среди степи глухой
Есть могила одна;
Меж кустов, сиротой,
Затерялась она.

Безмятежно кругом
Степь зеленая спит;
На просторе степном
Только ветер шумит.

Над могилой весь день
Блещут солнца лучи,
Ходит облака тень,
Светят звезды в ночи.

Ветер, ветер, скажи,
Вольный ветер степной,
Кто здесь, в этой глуши,
Спит в могиле сырой?

И, качая травой,
Буйный ветер шумит:
«Здесь купец молодой
В ночь глухую зарыт.

Ехал с ярмарки он
Не с пустым кошельком;
Одолел его сон, —
Он убит ямщиком.

Шесть недель о купце
Тосковала жена,
На седьмой же, в конце,
Вышла замуж она».

1864

9. РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

— «С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1864

10. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Спи, мальчишка бестолковый,
Пожалей себя!
Будешь плакать — плеткой новой
Высеку тебя.
Я тебе, буян-сынишка,
Песенку спою,
Спи же ты, дрянной мальчишка,
Баюшки-баю!

Слух по городу промчался:
Твой отец-банкрот
За долги в тюрьму попался...
Он не пропадет!
Знаю, кончит он исправно
Сделочку свою,
Кредиторов спрыснет славно,
Баюшки-баю!

Спи, отдам тебя в служенье
На гостиный двор,
Там ты кончишь курс ученья,
Станешь ловкий вор;
Рано, рано ты загубишь
Совесть всю свою,
Красть по сотенной ты будешь,
Баюшки-баю!

Все торговые обманы
Сам поймешь собой
И набьешь свои карманы
Денежкой чужой;
Скажешь: «Я правдив и верен,
Грош не затаю»,
Скажешь: «Честно жить намерен...»
Баюшки-баю!

Тысяч триста нахватаешь,
Документы дашь,
А потом кому сам знаешь
Лавки передашь;
Пред кредиторами спину
Выгнешь ты свою,
Им за рубль отдашь полтину,
Баюшки-баю!

Купишь после сделки честной
Дом ты не один,
Станешь ты купец известный,
Честный гражданин.
И, чресчур наевшись сыто,
Кончишь жизнь свою.
Спи, купец мой именитый,
Баюшки-баю!

1864

11. ПЕСНЯ

Эх ты, ветер, ветер!
Не срывай мне шапку:
Без тебя, брат, горя
Не собрать в охапку.

Полюбилась парню
Девка молодая,
Да сгубила счастье
Голова седая.

Забрался лукавый
В голову седую,
Нашептал жениться
И взять молодую!

И вздурился старый —
Чтоб его пришибло! —
Взял мою красотку...
Счастье мое сгибло.

Сокрушает парня
Это злое горе.
Эх ты, ветер, ветер,
Погорюем двое!

1864

12. ЧТО ТЫ, ЖИЗНЬ, МНЕ ДАЛА?

Ах ты, жизнь, моя жизнь,
Жизнь, злодейка моя,
Что ты, жизнь, мне дала,
Когда молод был я?

Только в сердце сожгла
Ты горячую кровь,
Только мне ты дала
Без ответа любовь;

У меня, молодца,
Сердце съела тоской
Да румянец с лица
Смыла горькой слезой.

Ах ты, жизнь, моя жизнь,
Жизнь, злодейка моя,
Что ты, жизнь, мне дала,
Возмужал когда я?

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба,
Жар души молодой
Сокрушила борьба;

Только с горем, с бедой
Ко мне день приходил,
Только волос седой
Мои кудри развил.

Ах ты, жизнь, моя жизнь,
Жизнь, злодейка моя,
Что ты, жизнь, мне дала,
Как состарился я?

Только хилый, больной,
Я с сумою хожу
И дрожащей рукой
Подаянья прошу.

Только наг я и бос,
Меня голод томит,
Да трескучий мороз
Мое тело знобит.

<1865>

13

«Эх, брат Ваня, Ваня,
Что ты так невесел?
Буйную головку
Опустил, повесил».

— «Ах, отстаньте, братцы!
Не мешайте горю,
Пусть оно помучит
Сердце мое вволю.

Что с ним станешь делать?
Пылким уродилось,
Без ума, без дела
Горячо влюбилось.

Не спросясь рассудка,
Волю себе дало,
На беду, на горе,
На тоску попало.

Но по ком всё плачет
Сердце да страдает —
Та другого любит,
Любит и ласкает».

<1865>

14. НУЖДА

Ах, нужда ли ты, нужда,
Сирота забытая!
Ходишь ты без зипуна,
День-деньской несытая.

На твоей на полосе
Рожь не наливается,
А крапива-то трава
Летом колыхается.

Твоего добра и днем
Не сыскать со свечкою;
А в избе зимой мороз
Греется за печкою.

Да когда же ты, нужда
Горькая, поправишься?
Знать, тогда, как в гроб сойдешь,
В саван принарядишься...

1864 или 1865

15

Солнце утомилось,
Ходя день-деньской;
Тихо догорая,
Гаснет за рекой.

Край далекий неба
Весь зарей облит,
Заревом пожара
Блещет и горит.

Ходят огневые
Полосы в реке;
Грустно где-то песня
Льется вдалеке.

1864 или 1865

16

Занялася заря —
Скоро солнце взойдет.
Слышишь... чу... соловей
Щелкнул где-то, поет.

И всё ярче, светлей
Переливы зари;
Словно пар над рекой
Поднялся, посмотри.

От цветов на полях
Льется запах кругом,
И сияет роса
На траве серебром.

Над рекой наклонясь,
Что-то шепчет камыш;
А кругом, на полях,
Непробудная тишь.

Как отрадно, легко,
Широко дышит грудь!
Ну, молись же скорей!
Ну, молись, да и в путь.

1864 или 1865

17. В ДОРОГЕ

Воет, воет вьюга в поле,
Бор дрожит и стонет.
И во мгле метели снежной
Путь-дорога тонет.

Еду, еду я в дороге
По нужде-неволе;
Меня снегом заметает
Злая вьюга в поле.

Молодой ямщик печально
Песню напевает, —
Верно, сердце горемыки
Зла тоска терзает.

Верно, сердце зазнобила
Девка-лиходейка,
Верно, парня разлучила
С ней судьба-злодейка.

Эй, гони, ямщик, скорее!
Холодно — нет мочи,
Света божьего не видно,
Снег слипает очи.

Мучит сердце, мучит душу
Злой тоски истома:
Чай, давно меня подруга
Заждалася дома.

На коней ямщик мой крикнул,
Шевельнул вожжами,
И взвилась, помчалась тройка
Снежными полями.

Воет, воет вьюга в поле,
Бор дрожит и стонет.
И во мгле метели снежной
Путь-дорога тонет.

1865

18. МОРОЗ

Смотрит с неба месяц бледный,
Точно серп стальной;
По селу мороз трескучий
Ходит сам-большой.

По заборам, по деревьям
Вешает наряд;
Где идет, в снегу алмазы
По следу горят.

Шапка набок, нараспашку
Шуба на плечах;
Серебром сияет иней
На его кудрях.

Он идет, а сам очами
Зоркими глядит;
Видит он — вот у калитки
Дéвица стоит...

Поглядел, тряхнул кудрями,
Звонко засвистал —
И пред девицей любимым
Молодцем предстал.

«Здравствуй, сердце! .. Здравствуй, радость!» —
Он ей говорит;
Сам же жгучими очами
В очи ей глядит.

«Здравствуй, Ваня! Что ты долго?
Я устала ждать.
На дворе такая стужа,
Что невмочь дышать...»

И мороз рукой могучей
Шею ей обвил,
И в груди ее горячей
Дух он захватил.

И в уста ее целует —
Жарко, горячо;
Положил ее головку
На свое плечо.

И очей не сводит зорких
Он с ее очей;
Речи сладкие такие
Тихо шепчет ей:

«Я люблю тебя, девицу,
Горячо люблю.
Уж тебя ли, лебедицу
Белую мою!»

И всё жарче он целует,
Жарче, горячей;
Сыплет иней серебристый
На нее с кудрей.

С плеч девичьих душегрейка
Съехала долой;
На косе навис убором
Иней пуховой;

На щеках горит румянец,
Очи не глядят,
Руки белые повисли,
Ноги не стоят.

И красотка стынет... стынет...
Сон ее клонит...
Бледный месяц равнодушно
Ей в лицо глядит.

1865

19. В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей еще
Не забудь сказать:

Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1865

20. У МОГИЛЫ МАТЕРИ

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой.
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской.

Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,
Что теперь уже другая
У меня есть мать;

Что твой муж, тобой любимый,
Мой отец родной,
Твоему бедняге-сыну
Стал совсем чужой.

Никогда твоих, родная,
Слов мне не забыть:
«Без меня тебе, сыночек,
Горько будет жить!

Много, много встретишь горя,
Мой родимый, ты;
Много вынесешь несчастья,
Бед и нищеты!»

И слова твои сбылися,
Все сбылись они.
Встань ты, встань, моя родная,
На меня взгляни!

С неба дождик льет осенний.
Холодом знобит;
У твоей сырой могилы
Сын-бедняк стоит.

В старом, рваном сюртучишке,
В ветхих сапогах;
Но всё так же тверд, как прежде,
Слез нет на глазах.

Знают то судьба-злодейка,
Горе и беда,
Что от них твой сын не плакал
В жизни никогда.

Нет, в груди моей горячей
Кровь еще горит,
На борьбу с судьбой суровой
Много сил кипит.

А когда я эти силы
Все убью в борьбе
И когда меня, родная,
Принесут к тебе, —

Приюти тогда меня ты
Тут в земле сырой;
Буду спать я, спать спокойно
Рядышком с тобой.

Будет солнце надо мною
Жаркое сиять;
Будут звезды золотые
Во всю ночь блистать;

Будет ветер беспокойный
Песни свои петь,
Над могилой серебристой
Тополью шуметь;

Будет вьюга надо мною
Плакать, голосить...
Но напрасно — сил погибших
Ей не разбудить.

1865 или 1866

21. ДОЛЯ БЕДНЯКА

Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Ветер пошатнул,
С крыши ветхую солому
Разметал, раздул?

И не твой ли под горою
Сгнил дотла овин,
В запустелом огороде
Повалился тын?

Не твоей ли прокатали
    Полосой пустой
Мужики дорогу в город
    Летнею порой?

Не твоя ль жена в лохмотьях
    Ходит босиком?
Не твои ли это детки
    Просят под окном?

Не тебя ль в пиру обносят
    Чаркою с вином,
И не ты ль сидишь последним
    Гостем за столом?

Не твои ли это слезы
    На пиру текут?
Не твои ли это песни
    Грустью сердце жгут?

Не твоя ль это могила
    Смотрит сиротой?
Крест свалился, вся размыта
    Дождевой водой.

По краям ее крапива
    Жгучая растет,
А зимой над нею вьюга
    Плачет и поет.

И звучит в тех песнях горе,
    Горе да тоска...
Эх ты, доля, эх ты, доля,
    Доля бедняка!

1865 или 1866

22. НОЧЬЮ

Осенью дождливой
Ночь глядит в окошко;
В щели ветер дует...
«Что дрожишь ты, крошка?

Что ты шепчешь тихо
И глядишь мне в очи?
Призраки ли видишь
Ты во мраке ночи?..»

— «Сядь со мною рядом,
Я к тебе прижмуся, —
Жутко мне и страшно,
Я одна боюся...

Слышишь... чу!.. там кто-то
Плачет и рыдает...»
— «Это за окошком
Ветер завывает».

— «Чу! стучат в окошко...
Это духи злые...»
— «Нет, то бьют по стеклам
Капли дождевые».

И ко мне, малютка,
Крепко ты прижалась
И веселым смехом
Звонко засмеялась.

Понимаю, крошка:
Призраки — пустое!
Дрожь во мраке ночи,
Твой испуг — другое.

Это — грудь сжигает
Жар горячей крови;
Это сердце просит
И любви и воли...

1865 или 1866

23

Тяжело и грустно,
Сердце так и ноет,
За окошком ветер
И шумит и воет.

И стучат в окошко
Капли дождевые,
Лезут в душу думы
Черные и злые.

И на ум приходит
Время прожитое,
В сердце воскресает
Прошлое былое.

Как живал я прежде
Без нужды и горя,
Когда улыбалась
Весело мне доля.

Эх ты, жизнь-злодейка!
Ты меня сгубила,
В мрачный, тесный угол
Злой нуждой забила.

Вот моя каморка —
Грязная, сырая.
Чуть во мраке светит
Свечка, догорая.

Вот у стенки столик,
Вот два ветхих стула,
В уголке — икона
В мраке утонула.

Вот моя подруга
В безотрадной доле,
Шьет она, трудится,
Убиваясь в горе.

Вот лежит в постели,
Бледная, худая,
Охает и стонет
Мать моя больная.

Холодно в каморке,
Коченеют члены,

Затопил бы печку —
Дров нет ни полена!

Требует хозяин
Денег за квартиру, —
Упадаешь духом
И теряешь силу.

Голова кружится,
Мысли перебиты,
И стоишь да плачешь,
Злой нуждой убитый.

И невольно в сердце
Зависть закипает
На того, кто в свете
Злой нужды не знает.

1865 или 1866

24. ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь, —
Руки не согнешь, —
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь: воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрет;

А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

1865 или 1866

25

Ты, как утро весны,
Хороша и светла,
Как цветок, ты нежна,
Как дитя, весела;
Но боюся тебя
Я, мой друг, полюбить,
Чтобы скорби моей
Мне к тебе не привить,
Чтобы горем моим
Мне тебя не убить.

1865 или 1866

26. ГОЛОВУШКА

Голова ли ты, головушка!
Что на грудь ты наклонилася?
Отчего ты безо времени
Белым инеем покрылася?

Знать, ты в черный день да в час лихой
На свет божий показалася,
На потеху горю, злой беде
Ты, головушка, досталася.

У людей жизнь — лето красное,
У тебя ж — зима суровая...
Эх ты, доля моя, долюшка,
Горевая, бестолковая!

Где ты, доля моя, выросла?
Над рекою ли глубокою,
Над оврагом ли с крапивою,
Иль в болоте меж осокою?

В твою избу, избу ветхую,
Смотрит темный день без солнышка;
Пьешь ты горе с утра до ночи,
Пьешь, не выпьешь всё до донышка.

Что ты делать ни задумаешь —
Не клеится и не ладится;
Люди купят, продадут в барыш —
У тебя ж рублем убавится;

У людей веселье, пир горой —
У тебя же горе кучею:
Ты засеешь рожью полосу —
Зарастет крапивой жгучею.

Люди женятся, с женой живут,
Ребятишек нарождается,
Лишь твоя по свету долюшка
Всё одна-одной шатается.

Отчего ж, скажи, головушка,
Бесталанной ты родилася?
Или матушка-покойница
В церкви богу не молилася?

Нет! Соседи говорили мне,
Что была, вишь, богомольная. . .
Знать, сама собой сложилася,
Жизнь ты горькая, бездольная!

1866

27

Осень. . . Дождик ведром
С неба хмурого льет;
На работу, чуть свет,
Молодчина идет.

На плечах у него
Кафтанишка худой;
Он шагает в грязи
По колена, босой.

Он идет да поет,
Над погодой смеясь;
Из-под ног у него
Брызжет в стороны грязь.

Холод, голод, нужду
Сносит он до конца, —
И не в силах беда
Сокрушить молодца.

Иль землею его,
Иль бревном пришибет,
Или старость его
На одре пригнетет.

Да и смерть-то придет —
Не спугнет молодца;
С ней он кончит расчет,
Не поморщив лица.

Эх, родимый мой брат!
Много силы в тебе!
Эту силу твою
Сокрушить ли судьбе!..

1866

28

Где ты, моя юность?
Где ты, моя сила?..
Горькая кручина
Грудь мою сдавила.

Голове поникшей
Тяжело подняться;
Думы в ней, как тучи
Черные, роятся;

И сквозь эти тучи
Солнце не проблещет;
Сердце, точно голубь
Раненый, трепещет.

Эх, судьба-злодейка!
Ты меня сгубила;
В мрачный, тесный угол
Злой нуждой забила.

1866

29. ВЕРБА

Сиротке Е. Н. Е — вой

Ходит ветер, ходит буйный,
По полю гуляет,
На краю дороги вербу
Тонкую сгибает.

Гнется, гнется сиротинка, —
Нет для ней подпоры;
Всюду поле — точно море,
Не окинут взоры.

Солнце жжет ее лучами,
Дождик поливает;
Буйный ветер с горемыки
Листья обрывает.

Гнется, гнется сиротинка, —
Нет для ней защиты;
Всюду поле — точно море,
Ковылем покрыто.

Кто же вербу-сиротинку
В поле, на просторе,
Посадил здесь, при дороге,
На беду, на горе? . .

Гнется, гнется сиротинка, —
Нет для ней привета;

Всюду поле — точно море,
Море без ответа.

Так и ты, моя сиротка,
Как та верба в поле,
Вырастаешь без привета
В горемычной доле.

1866 или 1867

30. ДЕТИ

Солнышко уж встало
И глядит в окно;
Уж щебечут птички
За окном давно.

Вышли дети — травка
От росы мокра,
И на ней сияют
Капли серебра.

Темный сад лучами
Солнышка облит;
От дерев рядами
Тень в пруде лежит.

На дорожках сыро,
В воздухе легко,
И кричит дергачик
Где-то далеко.

1866 или 1867

31. ДУМЫ

(На мотив Т. Шевченко)

Думы мои, думы,
Думы, мои дети!
Насмех породило
Горе вас на свете.

Горе вас родило,
Горе вспеленало,
А тоска над вами
Плакала, рыдала.

Почему ж слезами
Вас не затопило?
Мне без вас бы легче
Жить на свете было.

Думы мои, думы,
Что мне делать с вами?..
Кину я вас в реку —
Ходите волнами;

Брошу вас на ветер —
Тучами несетесь;
Схороню в лес темный —
Соловьем зальетесь;

Кину вас в огонь я,
Думаю — сгорите, —
Вы же предо мною
Плачете стоите!

Думы ж мои, думы,
Что ж мне делать с вами?
Кинуть, знать, придется
Вас мне сиротами!

Лягу я в могилу,
Оченьки закрою;
Прилетайте ж, думы,
Плакать надо мною.

На мою могилу
Падайте слезами,
Вырастайте, думы,
Надо мной цветами...

1866 или 1867

32. ВДОВА

(Из Т. Шевченко)

Воет ветер, злится вьюга,
Снег кругом взметает.
По селу вдова-старуха
Бродит, чуть ступает.

Осыпаемая снегом
Спереди и сзади,
Бродит, просит горемыка,
Просит Христа ради.

Бродит, просит со слезами
У людей богатых,
Что ее кормильца-сына
Отдали в солдаты.

А ведь думала когда-то:
«Вот женю сыночка —
Отдыхать под старость буду
За невесткой-дочкой».

Не сбылось!.. Пошла старуха
По миру с сумою,
По чужим углам скитаться
Горькой сиротою.

На добытую копейку
Свечечку за сына
Богу ставит, а сама-то
Плачет, сиротина...

1866 или 1867

33

Сердцу грустно, сердце ноет,
Тяжело, невмочь!
За окошком вьюга воет,
На дворе уж ночь.

В темной комнате зимою
Сыро, холодно,
И стучится вьюга злая
В мерзлое окно.
На столе огарок свечки
Льет свой свет чуть-чуть;
Лезут тени из-за печки,
На стене растут.
У соседа за стеною
Что-то дочь молчит;
А бывало, ее песня
Весело звучит.
Что за голос! Чист и звонок,
Точно серебро.
Запоет — на сердце станет
Радостно, светло.
Веришь в это время в счастье,
Веришь и в любовь,
В сердце жарче закипает
Молодая кровь.
Так и бросился б к соседу,
Целовал бы дочь,
Но старик сосед, пожалуй,
И побить не прочь.

Чу! там кто-то за стеною
Тихо зарыдал,
Так и есть — она, резвушка,
Голос я узнал.
«Что ж, сгубить меня хотите,
За него отдать?
И не жалко и не грех вам
Дочь свою продать?»
Слышу голос: «Что ж, не хочешь —
Ну, так прокляну,
На мороз тебя трескучий
В платье прогоню.
Иль с соседом за стеною
Шашни завела,
С этим нищим, гольтепою?
Вот так уж нашла!

То-то будет вас уж пара,
Нечего сказать.
Одна будешь шить до ночи,
А другой писать...
За того ж коль выйдешь замуж,
Будешь госпожа
И сидеть день целый с утра,
Руки положа».

. . . .

Я не вытерпел и плюнул;
Тяжело, невмочь.
Обругал в душе соседа
За бедняжку дочь.
Лег в холодную постелю,
Ноги подогнул,
Завернулся в одеяло
И в тоске заснул.

<*1867*>

34. С ГОРЯ

Эх, не троньте... С горя
Запил, братцы, я, —
Эх ты, доля, доля
Горькая моя!

Голова покрыта
Сединой давно,
Но ума не нажил
Я ни на зерно.

Бес смутил лукавый,
Блажь в башку вошла,
Жизнь мне одиночкой
Стала не мила.

Вот я и женился,
Молодую взял;

В женины-то руки,
Как в тиски, попал.

Села лиходейка
На меня верхом,
И пошло всё дело
Накось да вверх дном.

И пришлось от бабы
Мне хоть волком выть.
Дурака седого,
Бить бы меня, бить!

. . . .

Ну-ка, эй, приятель!
Дай еще вина!
Поедом заела
Чертова жена!

В комнатах не стало
Мне от ней житья.
Что тут станешь делать?
Влез на печку я.

К ней какой-то начал
Шляться господин
И до поздней ночи
С ней сидит один.

Черт знает, какие
Там у них дела.
Смотришь, господина
Провожать пошла.

. . . .

Понимай как знаешь,
Где она была.
Вот меня за сердце
Грусть-то и взяла.

Я и запил с горя,
Тяжело глядеть...
Эх ты, доля, доля!
Хоть бы умереть!

1863, <1867>

35

Пройдет и ночь, пройдет и день,
Пройдут недели и года,
Как полем облачная тень,
Пройдут — и нет от них следа.
Пройдет и жизнь, исчезнешь ты,
Исчезнут все твои мечты...
И для чего, бог весть, ты жил,
И ненавидел, и любил?..
И тайна вечная творца
Всё будет тайной без конца.

1867

36

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя:

Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой:
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

1867

37. ОТРЫВОК

А. Е. Р<азорено>ву

Пусть ругают, мой друг, нас за то —
Грех сердиться на них нам с тобою, —
Что живем мы не так, как они,
Живем сердцем, живем мы душою.
Не поймут они нашей тоски,
Не поймут они нашей печали:
Жизнь идет их с рожденья светла,

Они горя в глаза не видали...
Да ведь мы не для них и писали.
Только горем убитый бедняк,
Горемыка, забитый нуждою,
Ты поймешь наше горе, тоску,
И заплачешь ты горькой слезою.
Жизнь покажется лучше тебе,
Будешь жить как-то легче, светлее,
Потому что есть кто-то другой —
Он живет тоже жизнью твоею,
Тоже горе, как ты, он несет,
От тебя свое сердце не прячет,
Про тебя он и песню поет,
Над твоей долей горько он плачет.

1867

38. ТОЛОКНО

День я хлеба не пекла,
Печку не топила —
В город с раннего утра
Мужа проводила.

Два лукошка толокна
Продала соседу,
И купила я вина,
Назвала беседу.

Всё плясала да пила —
Напилась, свалилась;
В это время в избу дверь
Тихо отворилась.

И с испугом я в двери
Увидала мужа.
Дети с голода кричат
И дрожат от стужи.

Поглядел он на меня,
Покосился с гневом —

И давай меня стегать
Плеткою с припевом:

«Как на улице мороз,
В хате не топлёно,
Нет в лукошках толокна,
Хлеба не печёно.

У соседа толокно
Детушки хлебают;
Отчего же у тебя
Зябнут, голодают?

О тебя, моя душа,
Изобью всю плетку, —
Не меняй ты никогда
Толокна на водку!»

Уж стегал меня, стегал,
Да, знать, стало жалко, —
Бросил в угол свою плеть
Да схватил он палку.

Раза два перекрестил,
Плюнул с злостью на пол,
Поглядел он на детей —
Да и сам заплакал.

Ох, мне это толокно
Дорого досталось!
Две недели на боках,
Охая, валялась!

Ох, болит моя спина,
Голова кружится;
Лягу спать, а толокно
И во сне мне снится!

1867 или 1868

89. У МОГИЛЫ ДРУГА

Посетил я могилу твою,
Мой товарищ, мой друг позабытый;
Поросла вся крапивой она,
Крест свалился, дождями подмытый.

И шумят над ней ивы, склонясь,
И поет над ней птичка уныло. . .
С невеселой я думою стал
Пред твоею заросшей могилой.

Я припомнил былое твое,
Дни печальные юности бедной.
Как сейчас предо мною стоишь
Ты, больной, исхудалый и бледный.

Сквозь цветы, что стоят на окне,
Пробивается солнце лучами;
Ты уселся на стуле в углу
И глядишь на меня со слезами.

Оба были в то время с тобой
Мы задавлены злою нуждою:
Без приюта ходил я кой-где,
Не имел ты гроша за душою.

Я бумагу, а ты — полотно,
Оба дружно мы с жаром марали;
Проливали мы слезы на них,
И по целым мы дням голодали.

Я был крепче тебя и сильней,
Под тяжелой бедой я не гнулся,
И с суровой моею судьбой
Устоял я в борьбе, не качнулся.

Ты ж не выдержал этой борьбы,
Перед злою судьбою смирился,
Обессилел и духом упал
И под тяжестью горя сломился.

Спи же, спи, мой товарищ, в земле!
Там тебя уже горе не тронет;
Там покоен бедняк: от тоски
И тяжелой нужды не застонет...

1867 или 1868

40

За окном скрипит береза,
В комнате темно;
От трескучего мороза
В инее окно.

За окном — чу! — песню кто-то
Весело поет;
Знать, ему нужда-забота
Душу не гнетет.

Пой же, друг, пока поется,
Жизнь пока светла;
А как горе к ней привьется —
Всё оденет мгла.

Заскрипишь ты, как береза
Под окном зимой,
Закипят на сердце слезы,
Смолкнет голос твой.

1867 или 1868

41. МЕРТВОЕ ДИТЯ

Ночь, в углу свеча горит,
Никого нет, — жутко;
Пред иконою лежит
В гробике малютка.

И лежит он, точно спит
В том гробочке, птенчик,
И живых цветов лежит
На головке венчик.

За окномъ бушуетъ вѣтеръ,

Дождикъ бьетъ въ окно;

Такъ на сердцѣ
(+ ~~На душѣ моей~~ безотрадно, —

Впереди
~~На душѣ~~ темно
На душѣ

Взглянешь въ прошлое, не встрѣтишь

Свѣтлаго лица,

Поглядишь впередъ, тамъ горе, —

безъ
Горе ~~безконца~~. ~~[illegible]~~

Дѣтства прошлаго картины,

Только вы свѣтлы;

Выступаете вы ярко

сердечной
Изъ ~~душевной~~ мглы.

Время
~~Дѣтство~~ дѣтства золотое,

безъ
И чисто ~~безтревогъ~~;

Хоть бы день съ
~~Хоть немножко бы~~ той жизни,

Возвратить я могъ!+

~~Ну ... мнѣ Богъ~~

Ручки сложены крестом;
Спит дитя с улыбкой,
Точно в гробике он том
Положён ошибкой.

Няня старая дитя
Будто укачала;
Вместо люльки да шутя
В гробик спать уклала.

Хорошо ему лежать —
В гробике уютно.
Горя он не будет знать,
Гость земли минутный.

Не узнает никогда,
Светлый житель рая,
Как слезами залита
Наша жизнь земная.

1867 или 1868

42

На дворе бушует ветер,
Дождик бьет в окно...
Скучно мне! На сердце холод,
И в душе темно.

Взглянешь в прошлое — не встретишь
Светлого лица;
Поглядишь вперед — там горе,
Горе без конца.

Детства прошлого картины!
Только вы светлы:
Выступаете вы ярко
Из сердечной мглы.

Время детства золотое,
Юность без тревог!
Хоть бы день из этой жизни
Возвратить я мог!

Детство, нет тебе возврата!
Пронеслось, прошло;
Только в памяти живешь ты
Ярко и светло.

1867 или 1868

43

День вечереет, облака
Лениво тянутся грядою,
И ночи тьма издалека
Идет неслышною стопою.

Идет и стелет по полям
Ночные тени осторожно,
И слышит ухо тут и там,
Как тонет в тьме звук дня тревожный.

Пора на отдых, на покой,
Заботы в сторону дневные;
Уж над усталой головой
Летают образы ночные.

1867 или 1868

44. ПЕСНЯ

(Из Т. Шевченко)

Во чистóм поле калина
Красная стояла,
У калинушки девица
Плакала, рыдала.

Ветер буйный, ветер буйный!
Услышь мое горе!
Отнеси ты мою душу
За синее море,

Отнеси ее ты, буйный,
Туда, где мой милый,
И поставь кустом калины
Над его могилой.

Широко над той могилой
Ветки я раскину,
Не пекли чтоб лучи солнца
В земле сиротину.

Тосковать над ней в ночь стану,
Плакать я зарею.
Выйдет солнце — мои слезы
Заблестят росою.

Солнцем высушит мне слезы,
Ветром посроняет,
И о чем калина плачет —
Никто не узнает.

12 августа 1868

45. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гром отгремел, прошла гроза,
И в выси светло-голубой
Прозрачней смотрят небеса,
И на смочённой мостовой
Всё громче грохот колеса.
Открыты окна по домам;
Весенний воздух свеж и чист;
Куда ни взглянешь, тут и там
Блестит дождем омытый лист.

1868

46

Засветилась вдали, загорелась заря, —
Ярко пышет она, разливается;
В поле грустная песня звенит косаря;
Над заливом тростник колыхается.

От дерев и кустов полем тени ползут,
Полем тени ползут и сливаются;
В темном небе, вверху, поглядишь — там и тут
Звезды яркие в мгле загораются.

1868

47

От деревьев тени
На луга легли;
Пронеслись над лесом
С криком журавли.

Ветер перелетный
Ходит в тростнике...
Плачет колокольчик
Где-то вдалеке...

Где ты в это время,
Друг далекий мой?
Спишь ли на ночлеге
Иль бредешь с сумой?

Пожалей о друге
В дальней стороне
И в тиши вечерней
Вспомни обо мне!

Я один, и не с кем
Слова мне сказать;
Некому печаль мне,
Горе передать.

1868

48. НЕСЧАСТНЫЙ

Где ты, буйная, друг, голова,
Бесталанная, горькая доля?
Где ты? Рубишь ли в роще дрова
Или ходишь с сохой среди поля?

— Не рублю я дрова, друг ты мой,
Не хожу и с сохою по полю;
Я в остроге сижу за стеной,
Загубя свою вольную волю!

У меня ли жена молода
И красивая баба собою,

Да случилась такая беда:
Повстречался наш мельник с женою.

И ему приглянулась она —
Мысль нечистая в душу запала;
Овладел им, знать, сам сатана,
Что и жизнь немила ему стала.

Дарить глупую бабу он стал
Да ухаживать начал за нею.
До тех пор я сносил и молчал,
Пока раз не застал его с нею...

Сам глазами свой видя позор,
Не стерпел я — душа закипела,
Я схватил из-под лавки топор...
И лежат предо мною два тела...

Сам пошел я с повинной к судьям,
Рассказал им всю правду святую,
И в тюрьме дал я волю слезам,
И проплакал всю ночь я глухую...

Хоть скорей бы решили меня!
Заковали б в тяжелые цепи,
И понес свое горе бы я
Чрез широкие, вольные степи —

Далеко! Добредешь лишь едва,
Ждет меня там навеки неволя...
Пропадай ты, моя голова,
Бесталанная, горькая доля!

<1869>

49. РАЗГУЛ

Шум и гам в кабаке,
Люд честной гуляет;
Расходился бедняк,
Пляшет, припевает:

«Эй, вы, — ну, полно спать!
Пей вино со мною!
Так и быть, уж тряхну
Для друзей мошною!

Денег, что ль, с нами нет?..
По рублю на брата!
У меня сто рублей
Каждая заплата!

Не беречь же их стать, —
Наживешь заботу;
Надавали мне их
За мою работу.

Проживем — наживем:
Мышь башку не съела;
А кудрями тряхнем —
Подавай лишь дела!

А помрем — не возьмем
Ничего с собою;
И без денег дадут
Хату под землею.

Эх, ты, — ну, становись
На ребро, копейка!
Прочь поди, берегись
Ты, судьба-злодейка!

Иль постой! погоди!
Выпьем-ка со мною!
Говорят, у тебя
Счастье-то слугою.

Может быть, молодцу
Ты и улыбнешься;
А не то прочь ступай, —
Слез ты не дождешься!»

1867, <1869>

50

Не проси от меня
Светлых песен любви;
Грустны песни мои,
Как осенние дни!

Звуки их — шум дождя,
За окном ветра вой;
То рыданья души,
Стоны груди больной.

1868 или 1869

51

Помнишь: были годы,
Годы светлой веры;
Верили мы свято
И любви и ласке,
Верили мы даже
Бабушкиной сказке.

Но пришли другие —
Годы испытаний;
В нас убила веру
Ложь людей и злоба,
Уж любви и ласке
Мы не верим оба, —

Так, что ради дружбы
Сказанное слово
Стали мы с тобою
Взвешивать и мерить, —
Сердце даже правде
Отказалось верить.

1868 или 1869

52

Едем лесом, и нас
Он накрыл, точно свод;
По корням тарантас
Вперевалку идет.

На земле от ветвей
Тени сеткой лежат;
Миллионы лучей
В глубь лесную глядят.

В вышине — свет и шум;
А внизу — тишь и тень.
В голове — рои дум,
В сердце — тягость и лень.

1868 или 1869

53

Ночь тиха, сад объят полутьмою,
Дремлют липы над сонным прудом;
Воздух дышит цветущей весною;
Мы сидим пред раскрытым окном.

Светят яркие звезды над нами;
Кротко месяц глядит с высоты,
И его голубыми лучами
Облитая, задумалась ты.

Очарован твоей красотою,
Я любуюсь тобою без слов...
В нашу комнату тихой струею
Льется запах душистых цветов.

И прошу в этот час я не много:
Чтобы дни твои тихо текли,
Чтобы жизни печаль и тревога
В твое сердце пути не нашли.

1868 или 1869

54

В зареве огнистом
Облаков гряда,
И на небе чистом
Вечера звезда.

Наклоняся, ивы
Дремлют над рекой,
И реки извивы
В краске голубой.

Звук свирели стройно
Льется и дрожит;
На душе покойно,
Сердце будто спит.

1868 или 1869

55. ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО

В огороде, возле броду,
Маков цвет не всходит,
И до броду за водою
Девица не ходит.

В огороде хмель зеленый
Сохнет на тычине, —
Черноброва, белолица
Девица в кручине.

В огороде, возле броду,
Верба наклонилась, —
Загрустилась черноброва,
Тяжко загрустилась.

Плачет, бедная, рыдает,
Точно рыбка бьется;
А над нею, молодою,
Молодец смеется.

1868 или 1869

56. ГРЕЗЫ

Ярко небо пышет
Золотой зарею;
Чистый воздух дышит
Теплою весною.

Сад густой сияет
Свежестью наряда,
И в окно несется
Песня птиц из сада.

Пышно развернулись
За окошком розы;
В сердце всколыхнулись
Молодые грезы, —

И растут, как волны,
Рвутся, воли просят,
Сердце молодое
Далеко уносят...

И в уме рисуют
Светлые картины:
Вот у речки домик,
У окна рябины...

Вьется меж кустами
В темный сад дорожка;
Девушка-резвушка
Смотрит из окошка, —

Смотрит и смеется,
Головой кивает...
В сад войдешь — резвушка
Встретит, обнимает.

На губах улыбка,
На ресницах слезы:
Молодого сердца
Молодые грезы.

1869

57. КОСАРЬ

Утро. Тихо. В небе зоренька
Ярко пышет, разгорается.
Поле спит, росой покрытое,
Под росой трава склоняется.

На заре косарь траву косит
Косой острою, широкою;
Он косит, закрыт до пояса
Травой сочною, высокою,

И поет про степь родимую,
Волгу-реченьку глубокую
Да про девицу любимую,
Молодую, черноокую.

Как с сироткой повстречался он, —
Их любовь сойтись заставила;
Как нужда, злодейка лютая,
Молодой их век замаяла.

Раскидала друг от друга их
Жить в чужих людях, в неволюшке,
Под чужой избою стариться,
Не видавши светлой долюшки.

Точно речка в пору вешнюю,
Полем песня разливается.
На заре, объят дремотою,
Лес от песни просыпается.

Красна девица, в реке воды
Зачерпнув, остановилася;
Косаря она заслушалась,
Из очей слеза скатилася.

1869

58. ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО

И снится мне, что под горою,
Где дремлют вербы над водою,
Избушка ветхая стоит;
Пред нею старый дед сидит
И на руках своих качает,
Седой, кудрявое дитя.
Смеется внучек и таскает
Седому бороду шутя.
И снится мне, что мать выходит,
Целует деда и дитя,
У старика берет малютку
И спать несет его, крестя.
А дед сидит перед избушкой,
Смеется, старый, и с собой
Промолвил тихо: «Где ж ты, горе?
Ты прожито, забыто мной. . .»
И, набожно крестясь, читает
Старик молитву: «Отче наш. . .»
А солнце тихо угасает. . .
Верхушку вербы озаряет
Последний луч — и тот погас,
И всё померкло. Суетливой
Тревоги дня уж не слыхать,
И старый дед неторопливо
Пошел в избу ложиться спать. . .

1869

59—60. *КОСАРИ*

1

Утро. Блещет роса, и сквозь лес от зари
Яркий свет на поля разливается.
За рекой, на лугу, по росе косари
Идут, косят траву, наклоняются.

«Эй, ты, что ж отстаешь, соловей записной,
Точно двигаешь бабу тяжелую?

Размахнись посмелей да пошире косой
И ударь-ка, друг, песню веселую! . .»

И плечистый косарь вдруг кудрями тряхнул,
Поднялася его грудь высокая, —
Он кудрями тряхнул и легко затянул:
«Ах ты, степь ли моя, степь широкая!

Поросла-убралась ты травой-ковылем,
Да песками ты, степь, позасыпалась;
На тебе ль от беды, на просторе степном,
Не одна голова вихрем мыкалась.

И горела трава, дым до неба стоял, —
Вырастали могилы бескрестные;
По ним вихорь ходил, гром над ними стучал
Да кружились орлы поднебесные! . .»

Подхватила артель, дружно песня звенит
И по чистому полю разносится;
Упадая, трава под косами шумит, —
Как-то легче она с песней косится.

Ворота у рубах все расстегнуты, — грудь
Дышит легче, свободнее голая;
Дружно косы блестят, дружно ноги идут,
И спорится работа тяжелая.

1870

2

Полдень. Солнышко в небе высоко стоит,
От жары нет терпенья и моченьки:
Плечи, голову, руки и жгет и палит,
И невольно слипаются оченьки.

Всех стомила жара, всех замаяла лень,
И, под гнетом тяжелой дремотушки,
Люд рабочий от солнышка прячется в тень,
Отдохнуть от жары, от работушки.

Лошадь щиплет траву и лениво жует,
Тупо смотрят глаза полусжатые;
Точно плетью, хвостом мух стегнет да стегнет, —
Не дают ей покоя, проклятые.

Спят в тени косари, лишь лохматый барбос,
Весь объятый какою-то негою,
Глаз прищуря, глядит на пушистый свой хвост...
Вот и он задремал под телегою.

Только мухи жужжат да в траве трескотня;
Кто-то свищет там в ней, надрывается;
Чуть заметно трава ветерком полудня
Кое-где под кустом наклоняется.

Точно в раме река тростником поросла,
Спит, дремотой полдня очарована;
Из травы пустельга лишь взмахнет, как стрела,
И повиснет вверху, как прикована.

Солнце за лес зашло, потянул холодок,
Всколыхнул на реке влагой чистою,
И в лицо косарей вдруг пахнул ветерок
Из-за леса прохладой душистою.

Потянулся один, потянулся другой, —
Вот и все, — и рукой загорелою
Протирают глаза и речною водой
Освежают лицо запотелое.

Взяли косы, бруском наточили, идут...
Берегися, трава ты зеленая!
Ох, недолго тебе красоваться уж тут, —
Упадешь ты, косой подкошенная!

И с родимых полей тебя люди сгребут,
Иссушенную травушку бледную,
Как невесту, в чужую семью увезут
На житье горемычное, бедную!

1869

61. СМЕРТЬ

Осеннее солнышко скупо лучами
Проглянет на землю и в тучки уйдет;
Работает дружно артель топорами —
Строение выше и выше растет.

Окончены стены, за балками дело,
А то хоть совсем потолок настилать;
Канат прикрутили и начали смело
Тяжелую балку наверх поднимать.

Плечистый десятник в конец упирает
Широкою грудью и кверху кричит:
«Держите, ребята, — сдавать начинает...
Держите, держите!.. Валится... трещит!..»

И рухнула балка, десятник шатнулся, —
К земле придавило концом бедняка;
Лежит он, не стонет, — лежит, протянулся;
За грудь ухватилася крепко рука.

Лицо побелело белее бумаги;
Дыханье чуть слышно, глаза не глядят...
Артель собралася, стащили с бедняги
Тяжелую балку — и молча стоят.

Очнулся несчастный, окинул глазами
Артель всю, и тихо он стал говорить:
«Попа позовите; недолго уж с вами
Осталося, братцы, на свете мне жить.

Пред смертью меня, мои други, простите:
Быть может, обидел вас речью какой;
Пойдете домой — не забудьте, скажите
Жене вы последний наказ мой такой:

Скажите вы ей, чтобы нынче ж зимою
Гришутку учиться к дьячку отвела;
У шурина Карпа прошедшей весною
Я брал два с полтиной — ему б отдала.

По мне б не грустила, не плакала много —
Такая уж, значит, мне смерть подошла;
О муже умершем молилась бы богу,
А дом и хозяйство, как глаз, берегла.

Да если приедет Трофимыч зимою,
За лапти б ему отдала четвертак.
Ну, кажется, всё», — и махнул он рукою,
Вздохнул как-то тихо и умер, бедняк.

1870

62. МАЛОРОССИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышке в поле иссушили.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не пшеничушка была,
Я ли в поле не высокая росла;
Взяли меня срезали серпами,
Склали меня на поле снопами.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не калинушка была,
Я ли в поле да не красная росла;
Взяли калинушку поломали
И в жгутики меня посвязали.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ль у батюшки не доченька была,
У родимой не цветочек я росла;

Неволей меня, бедную, взяли
И с немилым седым повенчали.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

1870

63. ТРИ ДЕВИЦЫ

(С малороссийского)

На горе калина,
Под горою жито;
На горе в калине
Молодец убитый.

Он лежит под красной,
Под густой калиной,
А лицо покрыто
Белою холстиной.

Вот пришла девица
С черными очами;
Подняла холстину,
Залилась слезами.

Вот пришла другая, —
Слова не сказала,
В очи поглядела
И поцеловала.

Вот приходит третья, —
Холст приподнимает,
Смотрит усмехаясь,
Смотрит, упрекает:

«Трех девиц любил ты,
И с тремя ты знался,
И гулял со всеми —
Вот и догулялся!

Спи ж теперь, мой милый,
Под калиной в поле:
Трех девиц любить ты
Уж не будешь боле».

1870 или 1871

64

Всю ночь кругом метель шумела
И только смолкла пред зарей;
Поутру сад стоит весь белый,
Окутан пышной пеленой.

Идешь двором — и тонут ноги,
В снег рыхлый вязнут глубоко;
Ни грусти в сердце, ни тревоги, —
Идешь, и дышится легко.

<1871>

65. БЕЗЗАБОТНЫЙ

Эх! одна голова
Не бедна на свете:
Не печалит жена,
Не заботят дети,

Жить одной голове
Уж куда привольно.
Хватишь хлеба с водой,
Хватишь — и довольно.

Ночь придет — на полу
Как комок свернешься,
Обвалился потолок —
Спишь и не проснешься.

Утром вскочишь легко,
Соколом встряхнешься,

Смочишь, нет ли лицо —
Рукавом утрешься.

Нет работы, так что ж?
Горе небольшое!
Не поел только день,
А в другой съешь вдвое.

Терпят плечи — вали,
Коли есть работа.
А живот надорвал —
Велика ль забота?

Лег в больницу — лежи.
Что болит? — Не знаю,
Аль живот надорвал,
Али так хвораю.

И умрешь — не беда,
Плачущих не много;
Жив — живи, бог с тобой,
Умер — слава богу! . .

<1871>

66. ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО

Нет мне радости, веселья.
    Мать меня ругает
И к соседям на беседу
    На ночь не пускает.

Долго ль мучиться, терпеть мне,
    Долго ль с горем биться?
Выйти ль замуж за другого
    Или утопиться?

Ох, надену я сережки,
    В бусы наряжуся,
И на ярмарку пойду я,
    Другу покажуся.

Я скажу ему: «Послушай,
Друг мой, не сердися:
Если любишь, так посватай,
Нет — так откажися!»

Чем терпеть мне все попреки,
С матерью браниться,
Чем идти мне за другого —
Лучше утопиться! ..

<1871>

67

Когда, с тобою встретясь снова
После разлуки долгих лет,
Я ждал, что ласковое слово
Ты скажешь мне, мой друг, в привет,

Я ждал, что ты расспросишь жадно
Меня о том, как мне жилось
И сколько в грусти безотрадной
Мне сердцем выстрадать пришлось, —

Ты ничего мне не сказала,
Ты холодна ко мне была,
Меня как будто не узнала
И, встретясь, мимо ты прошла.

И стало мне так грустно, больно,
Что я, придя домой, припал
Лицом к подушке, и невольно
Я зарыдал вдруг, зарыдал —

О том, что всё прошло, минуло,
Чего желалось — не сбылось,
Как сон лукавый, обмануло
И безвозвратно унеслось.

Январь-февраль 1871

Что не реченька,
Что не быстрая
Под крутой берег
Подмывается.

Нет, то матушка
Погубить мою
Волю девичью
Собирается.

Погоди, постой,
Моя матушка,
Не губи мою
Волю девичью!

Погоди, постой, —
Будет времечко,
Когда досыта
Нагуляюсь я.

По зарям, весной,
Я нанежуся;
Красотой моей
Я натешуся.

Когда игры мне
Приигра́ются,
Думы-думушки
Нагуляются,

Погибай тогда
Моя волюшка!
Пропадай коса
Под повойником!

Буду жить тогда
Я в чужой семье,
По избе ходить
По одной доске.

Буду печь топить,
За скотом ходить,
От свекрови злой
Брань выслушивать;

Всё сносить, терпеть,
Рот завязывать,
Ничего людям
Не рассказывать.

1871

69. СТЕПЬ

Едешь, едешь — степь да небо,
Точно нет им края,
И стоит вверху, над степью,
Тишина немая.

Нестерпимою жарою
Воздух так и пышет;
Как шумит трава густая,
Только ухо слышит.

Едешь, едешь — как шальные
Кони мчатся степью;
Вдаль курганы, зеленея,
Убегают цепью.

Промелькнут перед глазами
Две-три старых ивы —
И опять в траве волнами
Ветра переливы.

Едешь, едешь — степь да небо,
Степь, всё степь, как море;
И взгрустнется поневоле
На таком просторе.

1871

70

И вот опять пришла весна,
И снова зеленеет поле;
Давно уж верба расцвела —
Что ж ты не расцветаешь, доля?

Что ж ты такая же опять,
Как и была, убита горем?
Идешь — не радует очей
Тебе весна зеленым полем.

Вот скоро птички запоют,
В лесу кусты зазеленели;
И стадо выгонит пастух
И заиграет на свирели.

В наряды пышные весна
Сады оденет в ярком цвете;
Играть и бегать по садам
С веселой песней будут дети.

Дождемся ль, доля, мы с тобой,
Что жизнь весельем озарится?
Иль светлой радости для нас
На белом свете не родится?

Иль нам с тобой не суждено
Встречать весну, как малым детям,
И мы по-прежнему ее
С тоской безвыходною встретим?

Взгляни кругом: как хорошо
Весной мир божий расцветает!
Как солнце весело глядит
И в поле травку пригревает!

Нет, не расцвесть нам, доля, нет!
И не запеть на лад веселый.
Одна, знать, песня нам дана:
Чтоб петь нужду да труд тяжелый.

1871

71. СИРОТИНКА

(Из Т. Шевченко)

День святой великой Пасхи,
Ярко солнце светит;
Перед солнцем, на крылечке,
Собралися дети.
Похваляясь друг пред другом,
Весело шумели,
Что́, какие кто обновки
На себя надели:
Кто платок, кто душегрейку,
Башмачки козловы,
А кто платье... Одна только
Стоит без обновы
Сиротинка — и ручонки
На груди сложила,
На детей богатых смотрит,
Бедная, уныло.
Вот за нею молвить слово
Очередь настала, —
Нечем бедной похвалиться,
И она сказала:
«Есть у всех у вас обновки,
Но вам не случалось
У попа гостить в день светлый...
А я... разговлялась...»

1871

72. ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО

«Жди, вернусь я из похода», —
Мне гусар сказал.
Я ждала, ждала, всё нету, —
Нет его, пропал.

Что ж о нем я так тоскую
И себя гублю?
За кафтан короткий, что ли,
Я его люблю?

Иль за то, что ус он черный
    В кольца завивал?
Иль за то, что милой Машей
    Часто называл?

Нет, не та моя кручина, —
    Жить мне тяжело:
Как я выйду, покажуся
    Из избы в село —

Все смеются надо мною,
    Замуж не берут,
И на улице гусаркой
    Девицу зовут.

1871

73

Что не жгучая крапивушка
В огороде жгется, колется —
Изожгла мне сердце бедное
Свекровь-матушка попреками:

«Как у сына-то у нашего
Есть с одежею два короба,
А тебя-то взяли бедную,
Взяли бедную, что голую».

Что ни шаг — руганье, выговор;
Что ни шаг — попреки бедностью;
Точно силой навязалась я
На их шею, горемычная.

От житья такого горького
Поневоле очи всплачутся,
Потемнеет лицо белое,
Точно ноченька осенняя.

И стоишь, молчишь, ни слова ты, —
Только сердце надрывается,
Только горе закипит в груди,
И слезами оно скажется.

1871

74. БЕДНОСТЬ

Бедность ты, бедность,
Нуждою убитая, —
Радости, счастья
Ты дочь позабытая!

Век свой живешь ты —
Тоской надрываешься,
Точно под ветром
Былинка, шатаешься.

Мерзнешь зимой ты
В морозы трескучие,
Жаришься в лето
Горячее, жгучее.

Ох! нелегко-то
Твой хлеб добывается;
Потом кровавым,
Слезой омывается!

Где ж твоя радость,
Куда подевалася?
Где ж твое счастье? . .
Другим, знать, досталося.

<1872>

75

Заря занимается, солнце садится,
Сияют деревья в огне золотом;
Тень от лесу движется, шире ложится,
Ложится на землю узорным ковром.
Домой косари потянулись с косами,
Их грустные песни звенят средь полей,
И в воздухе пахнет травой и цветами,
Спускается вечер с прохладой своей.

<1872>

76

Ярко солнце светит,
В воздухе тепло,
И, куда ни взглянешь,
Всё кругом светло.

На лугу пестреют
Яркие цветы;
Золотом облиты
Темные листы.

Дремлет лес:
Ни звука, —
Лист не шелестит,
Только жаворонок
В воздухе звенит,

Да взмахнет порою
Птичка над кустом,
Да, жужжа, повьется
Пчелка над цветком,

Да золотокрылый
Жук лишь прошумит, —
И опять всё тихо,
Всё кругом молчит.

Хорошо! .. И если б
Труд не призывал,
Долго бы весною
В поле простоял.

<1872>

77. ГОРЕ

Получил письмо от внука
Дедушка Федот, —
Внук на фабрике прядильной
В Питере живет.

Что в письме том пишет внучек,
Нужно деду знать, —
Да письма-то не умеет
Сам он прочитать.

И выходит на крылечко
Дедушка Федот,
Сел с письмом и грамотея
С нетерпеньем ждет.

Время к вечеру подходит,
Скот идет с полей.
Вот пред дедом показался
Жданный грамотей.

Мальчик в беленькой рубашке
По селу идет.
Дед кричит ему: «Ванюша!
На, прочти-ка вот!

Что тут пишет милый внучек,
Нужно мне узнать».
Мальчик взял письмо и бойко
Принялся читать.

Дед нагнулся к грамотею,
Слушает его.
Пишет внук, чтобы не ждали
Денег от него.

Знает он, что деньги нужны,
Что оброк стоит, —
Где же взять их? Он в больнице
В Питере лежит.

И едва ли скоро выйдет,
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работе
Руку шестерней,
И теперь семье помощник
Будет он плохой.

Хоть и выйдет из больницы —
Так опять беда:
Искалеченный, безрукий —
Годен он куда?

Много в том письме для деда
Горя и забот!
И заплакал горько, горько
Дедушка Федот.

И глядит тоскливо мальчик —
Тяжело ему;
Горе старого понятно
И его уму.

И поник головкой русой,
Опустил глаза,
И по личику ребенка
Катится слеза.

1872

78

Встало утро, сыплет на цветы росою,
Тростником озерным тихо колыхая;
Слышит ухо, будто кто-то над водою
В тростнике озерном ходит, распевая.

Никого не видно. . . над водой лишь гнутся
Водяной кувшинки маковки, белея;
А вверху над ними, поднимаясь, вьются
Мотыльки, на солнце ярко голубея.

Приглядишься зорко — и за тростниками,
На воде, под легким утренним туманом,
Кто-то будто смотрит светлыми очами,
Колыхаясь тихо тонким, гибким станом.

1872

79

Пришла желанная свобода,
И деспотизм пред ней поник,
Но в массы темного народа
Еще свет мысли не проник,
И дремлет сил живых родник.

Когда ж ты, светлая свобода,
Во тьме светильник свой зажжешь
И массы темного народа
Науки словом разовьешь
И к новой жизни воззовешь?

Пусть говорят, что в дни свободы
Народа жизнь не расцветет,
Свобода темные народы
Собой к добру не воззовет.
Нужны им палка, вишь, да гнет.

«Народ погряз среди порока,
Во лжи и зле он закоснел,
И корни зла сидят глубоко,
И кто бы вырвать их хотел,
Бесплодный труд — его удел!».

Не виноват он, что порочен,
Что много в нем сокрыто зол;
Был жизни день его урочен:
С утра до вечера он шел
В ярмо заложенный, как вол.

Когда ж ему свои пороки
Бывало время исправлять,

И где ж он мог добра уроки
В тьме безрассветной увидать?
И кто бы мог ему их дать?..

Жизнь проходила безрассветно,
Бедняк работал и страдал,
И всё сносил он безответно,
И в жизни лучшего не ждал —
Бесцветно жил и погибал.

Над ним царила тьма ночная,
Рассвета не было ему,
И завещал он, умирая,
Всё то же сыну своему:
Бесплодный труд да жизни тьму.

Приди ж, приди ж ты, свет науки,
Во тьме светильник свой зажечь,
Да пусть услышат наши внуки
Не чуть трепещущие звуки —
Живую мысль, живую речь!

1872

80

Темна, темна моя дорога,
Всё ночь да ночь, — когда ж рассвет?
Убил я сил душевных много,
А всё из тьмы исхода нет.

К чему ж борьба, к чему стремленья?
Мне нет надежды впереди,
И тяготят меня сомненья
На полупройденном пути.

Куда иду? И где святая
Цель неусыпного труда?..
И ноет грудь моя больная,
Что жизнь проходит без следа,

Что даром гибнет сила воли,
Бесплодна долгая борьба,
Что не дождусь я лучшей доли,
Не даст мне светлых дней судьба.

1872 или 1873

81. В ПОЛЕ

Полдень. Тихо в поле.
Ветерок не веет,
Точно сон-дремоту
Нарушать не смеет.

Лишь в траве кузнечик,
Спрятавшись, стрекочет, —
Слышишь, точно кто-то
В поле косу точит.

И томит дремота,
Душу обнимая...
Лег в траву я. Грезит
Дума, засыпая...

Вот я вижу поле
Дальное, родное —
И над ним без тучек
Небо голубое.

Жарко, воздух душен —
Солнце припекает...
Девушка-батрачка
Сено подгребает.

Под лучами солнца
Жарится, бедняжка,
Липнет к ее телу
Белая рубашка.

На груди батрачки
Ворот распустился,
И платочек красный
С головы свалился...

Тяжело, неровно
Грудь, волнуясь, дышит;
На щеках горячий
Жар-румянец пышет;

Распустились косы,
Падают на плечи,
И звучат тоскливо
Девушкины речи:

«Ты вот от жары-то
Спрятался, поди-ка;
Я же здесь на солнце
Жарюсь, горемыка. . .»

Я ей отвечаю:
«Бросила б работу, —
Под такой жарою
Дело не в охоту!»

— «Бросила б работу!
Да ведь как же бросить?
А придет хозяин
Да работу спросит?

Я не дочь родная —
Девка нанятая;
Нанялась — так делай,
Устали не зная.

Делай, хоть убейся,
Не дадут потачки. . .
Тяжела ты, доля,
Долюшка батрачки!»

Сон одолевает,
Дума засыпает. . .
Снится ей, что вечер
Тихий наступает.

Неба край сияет
Золотой зарею;

Воздух свеж, и пахнет
Скошенной травою.

Девушка-батрачка,
Прислонясь у тына,
Смотрит в перелесок,
На лице кручина...

Вот из перелеска
Песня раздается,
В воздухе росистом
И звенит и льется...

И из перелеска,
Узкою тропою,
Вышел в поле парень
На плече с косою.

Подошел он к тыну,
Девушку ласкает;
Девушка, целуя,
Парня обнимает...

Говорит: «Желанный!
Долго ли нам биться:
От людей украдкой
Видеться, сходиться?

Нет нам светлой доли,
Нет нам, видно, счастья!..
У людей жизнь — вёдро,
А у нас — ненастье...

У людей свой угол,
У людей есть поле, —
А у нас с тобою
Ни угла, ни воли...»

— «Потерпи, голубка!
Не тужи о доле;
Будет у нас угол,
Будет у нас поле...

Потерпи, голубка!
Разживусь казною —
И в селе избу я
Светлую построю.

Над избой прилажу
Я коньки резные;
Сделаю у окон
Ставни расписные.

Обсажу ветлами
У избы крылечко...
На крылечко выйдешь
Ты, мое сердечко...

И меня из поля
Будешь дожидаться, —
Будут на нас люди,
Глядя, дивоваться...»

И под эти речи
Позабыто горе,
И батрачка верит,
Верит светлой доле.

Хорошо ей, любо...
Смотрит парню в очи...
В поле же ложится
Тихий сумрак ночи.

1873

82. ВЕСНА

Над землею воздух дышит
  День от дня теплее;
Стали утром зорьки ярче,
  На небе светлее.

Всходит солнце над землею
  С каждым днем всё выше,
И весь день, кружась, воркуют
  Голуби на крыше.

Вот и верба нарядилась
    В белые сережки,
И у хат играют дети,
    Веселятся, крошки!

Рады солнечному свету,
    Рады дети воле,
И теперь их в душной хате
    Не удержишь боле.

Вот и лед на речке треснул,
    Речка зашумела
И с себя зимы оковы
    Сбрасывает смело;

Берега крутые роет,
    Разлилась широко...
Плеск и шум воды бурливой
    Слышен издалека.

В небо тучка набежала,
    Мелкий дождик сеет...
В поле травка показалась,
    Поле зеленеет.

На брединнике, на ивах
    Развернулись почки,
И глядят, как золотые,
    Светлые листочки.

Вот и лес оделся, песни
    Птичек зазвенели,
Над травой цветов головки
    Ярко запестрели.

Хороша весна-царица,
    В плащ цветной одета!
Много в воздухе разлито
    И тепла и света...

Между январем и мартом 1874

83

Ты лежишь в гробу тесовом,
    Друг наш дорогой,
До лица закрыт покровом,
    Желтый и худой.

Недолга твоя дорога
    Скорбная была:
До могильного порога
    Рано довела.

Жизнь твою скосил до срока
    Роковой недуг.
Ты в больнице одиноко,
    Как свеча, потух.

На погост мы гроб печальный
    Отнесем с тобой
И почтим тебя прощальной,
    Теплою слезой.

Пусть бездушный и холодный
    Труп в земле уснет!
Умер ты — но благородный
    Дух твой не умрет.

Завещал ты нам трудиться
    До поту лица
И с судьбой упорно биться,
    Биться до конца.

Слов твоих мы не забудем,
    Их не потаим;
Твой завет всем честным людям
    Мы передадим.

Ноябрь-декабрь 1874

84. ЛЕТОМ

Вот и лето. Жарко, сухо;
От жары нет мочи.
Зорька сходится с зарею,
Нет совсем и ночи.

По лугам идут работы
В утренние росы;
Только зорюшка займется,
Звякают уж косы.

И ложится под косами
Травушка рядами...
Сколько гнезд шмелиных срежут
Косари косами!

Вот, сверкнув, коса взмахнула,
И — одна минута —
Уж шмели вверху кружатся:
Нет у них приюта.

Сколько птичьих гнезд заденут
Косари косою!
Сколько малых птичьих деток
Покосят с травою!

Им не враг косарь, — косою
Рад бы их не встретить;
Да трава везде густая —
Где ж их там заметить!..

Поднялось и заиграло
Солнце над полями,
Порассыпалось своими
Жгучими лучами,

По лугам с травы высокой
Росу собирает,
И от солнечного зноя
Поле высыхает.

А косить траву сухую —
    Не косьба, а горе!
Косари ушли, и сохнет
    Сено на просторе.

Солнце жарче всё и жарче:
    На небе ни тучи;
Только вьется над травою
    Мошек рой летучий;

Да шмели, жужжа, кружатся,
    Над гнездом хлопочут;
Да кобылки, не смолкая,
    На поле стрекочут.

Вот и полдень. Вышли бабы
    На поле толпами,
Полувысохшее сено
    Ворошат граблями.

Растрясают, разбивают,
    По лугу ровняют;
А на нем, со смехом, дети
    Бегают, играют.

Растрясли, разворошили —
    С плеч долой забота!
Завтра за полдень другая
    Будет им работа:

Подгребать сухое сено,
    Класть его копнами
Да возить домой из поля,
    Навивать возами.

Вот и вечер. Солнце село;
    Близко время к ночи;
Тишина в полях, безлюдье, —
    Кончен день рабочий.

1874

85. В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далеком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздается:
То табун коней в ночное
По лугам несется.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собралися дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелохнет
Лес густым навесом.

Всё темней, темней и тише...
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст — и снова
Всё смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несется ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый.

И какие-то всё в белом
Тени в поле ходят...
Детям боязно — и дети
Огонек разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

1874

86. ПО ДОРОГЕ

Я въезжаю в деревню весенней порой —
И леса и луга зеленеют;
Всюду труд на полях, режут землю сохой,
Всюду взрытые пашни чернеют;

И, над ними кружась, громко птицы звенят,
В блеске вешнего дня утопая...
И задумался я, тишиною объят:
Мне припомнилась юность былая...

И с глубокой тоской вспоминаю мои
Позабытые прошлые годы...
Много искренних чувств, много теплой любви
Я для жизни имел от природы.

Но я всё растерял, очерствел я душой...
Где мое дорогое былое?
Редко светлое чувство, как луч золотой,
Озарит мое сердце больное.

Всё убито во мне суетой и нуждой,
Всё закидано грязью столицы,
В книге жизни моей нет теперь ни одной
Освежающей душу страницы...

И хотелось бы мне от тревог отдохнуть
В тишине деревенской природы;
На людей и на мир посветлее взглянуть,
Как гляделось мне в прошлые годы.

Но напрасно желанье мне душу гнетет.
Точно кроясь от быстрой погони,
По дороге прямой всё вперед и вперед
Мчат меня неустанные кони.

1874

87. СОН И ПРОБУЖДЕНИЕ

1

Я лесом шел, усталый, одинокий;
Дремучий лес вершинами шумел;
Внизу был мрак таинственно-глубокий...
И я невольно сердцем оробел.

Последний луч румяного заката
Погас вверху, и лес одела тьма...
Я изнемог...: душа рвалась куда-то...
Мне были тяжки посох и сума.

Недолго шел я, — ноги подкосились,
И я упал под дерево, как сноп...
В моей груди все чувства притупились...
А лес был тих, как необъятный гроб.

В глухой тюрьме уснуть мне было б слаще!
Меня давила эта темнота...
И слышал я, что кто-то шел из чащи
Ко мне легко, беззвучно, как мечта.

То было что-то грозно-роковое,
То не был сон: я слышал наяву
И лязг косы о дерево сухое,
И треск ветвей, упавших на траву,

И чьих-то пальцев громкое хрустенье...
Грудь надорвал последний страшный стон...
Меня объяло полное забвенье,
И я уснул... Недолог был мой сон.

2

Я услыхал, вдали звучало где-то:
«Вставай, вставай! день близится! пора!»
Мой сон прервал блестящий луч рассвета,
Луч золотой счастливого утра.

И я дивился света переливам...
Тяжелый страх в душе моей исчез...
Каким румянцем девственно-стыдливым
Он был покрыт, дремучий этот лес!

Как он шумел, омытый, стройный, чистый!
Таким я лес не видел никогда.
Вокруг меня в кустах, в траве росистой
Жизнь пробуждалась всюду для труда.

И в воздухе, прохладой напоенном,
Чаруя слух, лилися звуки струн,
И кто-то пел, носясь в лесу зеленом,
Так чудно пел невидимый певун!

Казалось мне, то было вдохновенье...
Вздымалась грудь, кружилась голова,
Я весь горел, и в том бессловном пенье
Я находил и мысли и слова.

И мнилось мне, что сила жизни новой
С рассветом дня в мою вливалась грудь,
Я бодро встал, счастливый и здоровый,
И радостно пошел в далекий путь...

1874

88. ФИРДУСИ

(Из Андерсена)

Среди высоких пальм верблюды издалека
Дорогой тянутся; они нагружены
Дарами щедрого властителя страны,
Несут богатый груз сокровищей Востока.

Властитель этот дар назначил для того,
Кто не искал наград и жил среди лишений,
Кто стал отрадою народа своего
И славой родины... Он найден, этот гений,

Великий человек, кто низкой клеветой
И завистью людской отправлен был в изгнанье.
Вот бедный городок: измученный нуждой,
Изгнанник здесь нашел приют и состраданье.

Но что там впереди? — Из городских ворот
Покойника несут навстречу каравана.
Покойник тот убог; за ним нейдет народ;
Он в жизни не имел ни золота, ни сана.

То был холодный труп великого певца,
Умершего в нужде, изгнаньи и печали, —
То сам Фирдуси был, которого искали...
Тернистый славы путь прошел он до конца!

1874

89. ПТИЧКА И СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

(Из Андерсена)

За крепкой железной решеткой,
В холодных и тесных стенах,
Лежит на истлевшей соломе
Угрюмый преступник в цепях.

Вот луч заходящего солнца,
Играя, упал на окно.
Ведь солнце лучи рассыпает
На злых и на добрых равно.

Играющий луч в каземате
И стены и пол золотит.
На луч с отвращеньем и злобой
Угрюмый преступник глядит.

Вот птичка к окну прилетела
И с песнею села за ним.
Ведь птичка-певунья щебечет
Равно и хорошим и злым.

Сидит на решетке железной
Она и щебечет: квивит!
Вертит миловидной головкой
И глазками чудно блестит.

И крылышки чистит и холит,
Встряхнется, на миг отдохнет —
И перышки снова топорщит
На грудке, и снова поет.

И, глаз не спуская, на птичку
Угрюмый преступник глядит.
По-прежнему руки и ноги
Железная цепь тяготит...

Но легче на сердце, светлеет
Лицо, злые думы бегут,
И новые мысли и чувства
В душе одичалой растут.

Ему самому непонятны
Те мысли и чувства, — они
Лучу золотистому солнца
И нежным фиалкам сродни, —

Тем нежным, душистым фиалкам,
Что в дни благодатной весны
Растут и цветут у подножья
Высокой тюремной стены.

Чу! звуки рогов... Это трубят
Стрелки на валу крепостном.

Какой отголосок стозвучный
Прошел, прокатился кругом!

Испуганно птичка вспорхнула
С решетки и скрылась из глаз,
И солнечный луч побледневший
В тюремном окошке погас;

Погас — и в тюрьме потемнело,
И снова, суров и угрюм,
Преступник лежит одиноко,
Под гнетом вернувшихся дум...

А всё-таки доброе дело,
Что птичка пропела ему,
Что солнце к нему заронило
Луч света в глухую тюрьму.

1874

20. УТРО В ДЕРЕВНЕ

Занялась заря на небе,
В поле ясно и тепло;
Звонко ласточки щебечут;
Просыпается село.

Просыпается забота,
Гонит сон и будит лень.
Здесь и там скрипят ворота —
Настает рабочий день.

Из ворот пастух выходит,
Помолившись на восток,
Он рожок берет — и звонко
Залился его рожок.

Побрело на выгон стадо,
Звук рожка замолк вдали,
И крестьяне на работу
На поля свои пошли.

Зреет рожь и колосится,
Славный плод дала земля!
Солнце встало, разливая
Свет на хлебные поля.

И, глядя на них, крестьяне
Жарко молятся, чтоб бог
Эти пажити от града
И засу́хи уберег;

Чтобы мог удачно пахарь
Всё посеянное сжать
И не стал бы в эту зиму
Горевать и голодать.

<1875>

91. УМИРАЮЩАЯ ШВЕЙКА

Умирая в больнице, тревожно
Шепчет швейка в предсмертном бреду:
«Я терпела насколько возможно,
Я без жалоб сносила нужду.
Не встречала я в жизни отрады,
Много видела горьких обид;
Дерзко жгли меня наглые взгляды
Безрассудных пустых волокит.
И хотелось уйти мне на волю,
И хотелось мне бросить иглу, —
И рвалась я к родимому полю,
К моему дорогому селу.
Но держала судьба-лиходейка
Меня крепко в железных когтях.
Я, несчастная, жалкая швейка,
В неустанном труде и слезах,
В горьких думах и тяжкой печали
Свой безрадостный век провела.
За любовь мою деньги давали —
Я за деньги любить не могла;
Билась с горькой нуждой, но развратом
Не пятнала я чистой души
И, трудясь через силу, богатым

Продавала свой труд за гроши...
Но любви мое сердце просило —
Горячо я и честно любила...
Оба были мы с ним бедняки,
Нас обоих сломила чахотка...
Видно, бедный — в любви не находка!
Видно, бедных любить не с руки!..
Я мучительной смерти не трушу,
Скоро жизни счастливой лучи
Озарят истомленную душу, —
Приходите тогда, богачи!
Приходите, любуйтеся смело
Ранней смертью девичьей красы,
Белизной бездыханного тела,
Густотой темно-русой косы!»

<1875>

92. ВЕСНОЙ

Утро... Солнце ярко блещет;
В каждой травке жизнь трепещет;
В небе тучки тихо бродят;
К речке девушка подходит.

С берега спустилась,
К плоту подошла...
Вдруг остановилась,
Точно замерла.

Сверху звонко льются звуки...
На груди скрестивши руки,
Песню слушает красотка;
Глазки смотрят нежно, кротко...

В глазках отраженье
Солнечных лучей...
Жаворонка пенье
Любо слушать ей...

Громче, громче звуки льются...
В сердце чистом раздаются

Те же звуки, те же трели. . .
Ярко щечки заалели. . .

Кровь заговорила
В молодой груди;
Губки шепчут: «Милый!
Милый мой, приди! . .»

Начало 1875

93. СЛЕЗА КОСАРЯ

Полюбил парень душу-девицу,
Полюбил горячо, горячо. . .
Но девица над ним посмеялась. . .
Положил он косу на плечо. . .

Вышел парень в поле,
Говорит: «Прости!
Грудь, не надрывайся,
Сердце, не грусти!

Я пойду, удалец, на Украйну,
Бодро травушку стану косить;
За работой, быть может, красотку
Мне удастся забыть, разлюбить.

Я к себе на помощь
Бога призову! . .»
И слеза бедняги
Канула в траву.

Помолившися богу усердно,
Он в дорогу пошел одинок. . .
И где пала слеза удалого —
Зародился душистый цветок.

Солнца луч горячий
Ту слезу согрел —
И цветок душистый
В поле заалел.

Поднялся над травой он зеленой.
Любовалися птички одне
Лучезарной его красотою
И звенели над ним в вышине.

Перед ним кружились
Мошки, и пчела
В утренние росы
Сок его пила.

И тогда лишь узнала девица,
Как любила она удальца;
В ней мучительно сердце забилось,
И сбежала вся краска с лица.

И хотелось бедной
Милого вернуть;
Горем надрывалась
Молодая грудь.

Выходила красавица в поле,
И на травушку, плача, легла,
И слезами горючими нежный,
Лучезарный цветок облила...

Плакала, рыдала
И звала с тоской:
«Воротись, желанный,
Милый, дорогой!..»

И, облитый слезами девицы,
Побледнел и завянул цветок:
Лепестки опустились бессильно,
И согнулся его стебелек.

Попусту девица
Милого звала...
Над цветком жужжала
Жалобно пчела...

Начало 1875

94

Что грустно мне? О чем я так жалею?
Во мне уж нет ни силы, ни огня...
Слабеет взор... Я стыну, холодею...
И жизнь и свет отходят от меня.

Меня зовет какой-то голос свыше.
Мне кажется, что я уж не живу:
И шум людской становится всё тише,
И смерти вздох я слышу наяву.

Как лист в ручье, теченьем струй гонимый,
Поблекший лист, оторванный с куста, —
Куда-то вдаль я мчусь неудержимо,
Неслышно мчусь, как дух или мечта.

Душа назад, как птица, рвется жадно;
Но мчит вперед поток ее немой...
А солнце светит ярко и отрадно,
Душистый клен шумит над головой.

И дороги душе моей скорбящей
Леса, луга, сияющая высь,
И я взываю к жизни уходящей:
«Не покидай! Постой! Остановись!»

«Мне дорог свет! — твержу в бреду я страстно. -
Не уходи!» Желаньем грудь полна!
Я трепещу, я плачу, — но напрасно!
Вот-вот уйдет последняя волна...

Что ж будет там, в неведомом мне мире,
За этой страшной, тайною чертой?
Польется ль жизнь спокойнее и шире
В пространстве светлом вечности немой?

Иль будет тьма мертвящая, и эта
Немая тишь, и бездна пустоты?..
Ни чувств, ни слов, ни времени, ни света,
Ни мимолетной радостной мечты...

Нестися вдаль, не чувствуя движенья,
Жить и не жить, томиться в полусне,
Не видя снов, не зная пробужденья...
Ничтожным быть! — О, страшно, страшно мне!

Начало 1875

95. ПОКОЙ И ТРУД

Покой и тишь меня объемлют,
Я труд покинул и забыл;
Мой ум и сердце сладко дремлют,
Приятен отдых мне и мил.

И вот, в молчании глубоком,
Мне чьи-то слышатся слова,
И кто-то шепчет мне с упреком:
«На жизнь утратил ты права.

Ты бросил честную работу,
Покой и праздность возлюбил,
И создал сам себе субботу,
И духом мирно опочил.

Твой светлый ум без дел заржавел
И стал бесплоден, недвижим...
Пойми же, как ты обесславил
Себя бездействием таким!

Жизнь вкруг тебя трудом кипела;
Куда ни падал праздный взор —
Искали всюду люди дела,
Твой ближний был тебе — укор.

С терпеньем, с волею железной
Тяжелый путь он пролагал;
А ты, как камень бесполезный,
На пашне жизненной лежал.

Ужель не ныла нестерпимо
Твоя от тяжкой скорби грудь,

Немым раскаяньем томима,
Что бросил ты свой честный труд?»

И, точно острый нож, жестоко
Язвили те слова меня,
И от дремы немой, глубокой
Душа воспрянула моя.

И пошлость жизни я увидел,
Уразумел ее вполне:
И свой покой возненавидел,
И опротивел отдых мне.

И к мыслям я воззвал: «Воскресни!
Возобнови остаток сил!
Напомни мне былые песни!
Я всё растратил, всё забыл.

Хочу трудиться вновь, но если
Уж поздно — жизнь во мне убей».
И силы прежние воскресли
В груди измученной моей.

Всё то, чем в жизни заразился,
Я от себя тогда отсек, —
И для работы вновь родился
Убитый ленью человек.

14 августа 1875

96. ЖИЗНЬ

Жизнь, точно сказочная птица,
Меня над бездною несет.
Вверху мерцает звезд станица,
Внизу шумит водоворот.

И слышен в этой бездне темной
Неясный рокот, рев глухой,
Как будто зверь рычит огромный
В железной клетке запертой.

Порою звезды скроют тучи —
И я, на трепетном хребте,
С тоской и болью в сердце жгучей
Мчусь в беспредельной пустоте.

Тогда страшит меня молчанье
Свинцовых туч, и ветра вой,
И крыл холодных колыханье,
И мрак, гудящий подо мной.

Когда же тени ночи длинной
Сменятся кротким блеском дня?
Что будет там, в дали пустынной?
Куда уносит жизнь меня?

Чем кончит? — В бездну ли уронит,
Иль в область света принесет,
И дух мой в мирном сне потонет?
Иль ждет меня иной исход? . .

Ответа нет — одни догадки,
Предположений смутный рой.
Кружатся мысли в беспорядке,
Мечта сменяется мечтой. . .

Смерть, вечность, тайна мирозданья, —
Какой хаос! — и сверх всего
Всплывает страшное сознанье
Бессилья духа своего.

Сентябрь 1875

97. У ПРУДА

У пруда, где верба
Стройная растет,
Девочка-малютка
Уток стережет.

Утки на свободе
Весело гогочут;

А в траве кобылки,
Прыгая, стрекочут.

Несколько избенок
Да господский дом
С садом запустевшим
Видны за прудом.

Ветхие сараи,
Темные овины
Смотрят так уныло,
Точно сиротины.

Пусто и безлюдно...
В поле весь народ:
Там теперь работа
Жаркая идет.

Бедная деревня
Тишиной объята,
Лишь хохочут где-то
Весело ребята.

Хочется малютке
Убежать скорей
В круг веселых, бойких
Сверстников-детей.

Думает: «Как птица,
К ним бы я слетала,
Да ходить отсюда
Мать не приказала...

Да! сиди здесь смирно,
Стереги утят;
А в лесу подружки
Бегают, шумят!..

Мне одной нельзя, вишь...
Что ж! Нельзя — не надо!»
И в глазах сверкнула
Девочки досада.

На лицо печали
Облако нашло. . .
Миг один — и снова
Личико светло.

Шепчет, улыбаясь:
«Глупая я, право!
Мать мне говорила:
Нам не до забавы.

Ведь учить худому
Не захочет мать. . .»
И чулок свой стала
Девочка вязать.

Только в ручках спицы
Ходят плохо что-то:
В голове другая
Началась работа.

Рой вопросов темных,
Рой бессвязных дум
Занимают детский
Неразвитый ум.

О житье домашнем
Думает малютка,
В нем одно понятно
Для ее рассудка:

То, что даже в праздник
Скуден их обед
И порою крошки
Хлеба в доме нет.

Часто плачут дети
И кричат упрямо:
«Мама! мы не ели!
Дай нам хлеба, мама!»

Мать с отцом трудятся
До поту лица;

Говорят: «Работе
Нашей нет конца.

Мы ложимся поздно,
А встаем до свету...»
Что же это значит,
Что конца ей нету?..

Вспомнилось малютке,
Как отец вчера
Выехал из дому
С раннего утра.

Мать она спросила:
«На работу, что ли,
Он чуть свет поехал
С бороною в поле?»

— «Нет, не на работу —
В город», — говорит...
Поздно он вернулся,
Уж куда сердит!

Молвил: «Вот пришлося
Отдавать скотинку...
Эх ты, жизнь-кручина!
Лучше б под холстинку!»

Нынче утром рано
Тятька встал опять
И повел корову
В город продавать.

Отчего всё это?
Что такое значит,
Что отец так грустен,
Мать так часто плачет?..

Всё длинней вопросов
Беспокойных нить,
Только их малютке
Трудно разрешить.

Маленькое сердце
Сжалось больно, больно,
А кругом так тихо,
Ясно и привольно...

Сентябрь 1875

98. НА РЕКЕ

Ложится тихо ночи тень...
Луга росой уже покрыты,
И тонут в сумраке поля
И прибережные ракиты.

На берегу реки костер,
В кустах разложенный, пылает,
И воды дремлющие он
Багровым светом озаряет.

Перед костром старик рыбак
Справляет лодку с старшим внуком,
Не нарушая тишины
Ни громким говором, ни стуком.

А младший внук, живой шалун,
Бросая сучьями сухими
В костер, любуется тайком,
Как искры тонут в черном дыме.

Вдруг громко вымолвил старик:
«Ванюшка, полно баловаться!
Скорей неси сюда смольё,
Пора на ловлю отправляться».

И мальчик весело вскочил
И торопливо заметался,
Собрал лучину и смольё
И к лодке спущенной помчался.

Ночная ловля для него
Была заветною мечтою,

И дед сегодня в первый раз
На лодку брал его с собою.

«Садись, пострел, — сказал рыбак
С усмешкой тихо мальчугану, —
Да, чур, молчи! а то сейчас
Из лодки вон, шутить не стану!»

Так пригрозил ему старик,
Глядя в лицо малютки кротко,
И расторопный мальчуган
С веселым смехом прыгнул в лодку.

И рыбаки, перекрестясь,
На лов отправились в ночную;
Лучильник к лодке привинтив,
Зажгли лучину смоляную.

Непроницаемая тьма
Пловцов отвсюду окружала;
Везде царила тишина,
Ничто их ловле не мешало.

Весло до дремлющей воды
Как будто вовсе не касалось,
И на лучильнике смольё
Всё ярче, ярче разгоралось.

Рекою тихо лодка шла.
Верхушки ив зеленых рделись,
Валежник, рыба, камни, пни,
Как на полу, на дне виднелись.

Дед ловко действовал веслом,
А внук зубчатой острогою.
Но мальчик занят был другим —
Огня волшебною игрою.

Как будто сказочный мирок
Открылся вдруг перед глазами:
Виденья чудные пред ним
Вставали пестрыми толпами.

Вот, вот чудовища к нему
Руками грозно потянулись —
То прибережные кусты
Над лодкой вётвями нагнулись.

Вот змей-горыныч скалит пасть,
Прижавши грудью великана, —
То дуб, поваленный грозой,
Собой пугает мальчугана.

Но шаловливый ветерок
Вдруг пламя в сторону наклонит —
И всё виденье это вмиг
Бесследно в тьме ночной потонет.

Тогда малютка взглянет вверх —
И там ряды видений странных,
Ряды пугающих картин,
Неуловимых и туманных.

Вот будто лапы сверху вниз
Ползут — и жмурится малютка,
Стараясь страх преодолеть, —
И хорошо ему и жутко.

Вот старику проворный внук
Кивнул кудрявой головою,
И лодка стала. Острога
Взвилась и скрылась под водою.

Еще мгновенье — и у ног
Малютки рыба очутилась.
Как извивалася она,
Как на зубцах рвалась и билась!

Глядит на рыбу мальчуган,
Чуть-чуть от жалости не хныча;
Но рыбакам не до того,
Чтобы жалеть свою добычу.

Прибрал ее седой рыбак;
А ловкий внук уж целит снова —
И на зубчатой остроге
Добыча новая готова.

Так впечатление одно
Другим для мальчика сменялось;
А ночь короткая меж тем
К рассвету быстро приближалась.

Неясный, бледный луч зари
Уж загорелся на востоке;
Вдали, почуявши рассвет,
Лягушки квакали в осоке.

Прохладней стало на реке,
И звезды на небе бледнели...
И мальчик в лодке задремал,
Качаясь в ней, как в колыбели...

Октябрь 1875

99. ЗИМОЙ

Морозит. Без устали вниз опускаясь,
Снег стелется в поле. Из рощи дитя
Санишки с валежником тащит, кряхтя,
И вязнет в сугробах, из сил выбиваясь.
Он к трудной работе такой не привык,
И рад отдохнуть — да попробуй, присядь-ка!
Чужая ведь роща, — накроет лесник,
И шибко рассердится батька.

Отец его занят работой домашней.
Неделю назад схоронили они
Родимую мать — и тяжелые дни
В семье наступили с нуждою всегдашней.
Припомнил ребенок, шагая с трудом,
Как молвил отец им: «Ребятки, куда мы
Без матери денемся? как проживем?
Не стало работницы-мамы!

Как сладить мне с горем-несчастием этим?
Везде незадача, куда ни взгляну!
Возьму ли себе я другую жену —
Не будет родимою матерью детям.
Согнет меня лютое горе в дугу!
Зачахнет без матери бедная Катька! . .»
И мальчик вдруг вскрикнул: «Так я ж помогу!
Пускай не печалится тятька!

Пускай не горюет, покинет заботу!
Я стану лелеять и нянчить сестру
И с ранней зарею вставать поутру;
Потом подрасту и возьмусь за работу.
Зачем мне собою отца тяготить?
Кормиться я буду своими трудами
И в летние праздники с батькой ходить
На сельское кладбище — к маме».

Ноябрь 1875

100. ОСЕНЬЮ

В телеге тряской и убогой
Тащусь я грязною дорогой. . .
Лениво пара тощих кляч
Плетется, топчет грязь ногами. .
Вот запоздалый крикнул грач
И пролетел стрелой над нами, —
И снова тихо. . . Облака
На землю сеют дождь досадный. . .
Кругом всё пусто, безотрадно,
В душе тяжелая тоска. . .
Как тенью, скукою покрыто
Всё в этой местности пустой;
И небо серое сердито
Висит над мокрою землей.
Всё будто плачет и горюет:
Чернеют голые поля,
Над ними ветер сонный дует,
Травой поблекшей шевеля;
Кусты и тощие березы
Стоят, как грустный ряд теней,

И капли крупные, как слезы,
Роняют медленно с ветвей.

Порой в дали печальной где-то
Раздастся звук — и пропадет, —
И сердце грусть сильней сожмет...
Без света жизнь! не ты ли это?..

1875

101

Мне доставались нелегко
Моей души больные звуки.
Страдал я сердцем глубоко,
Когда слагалась песня муки.

Я в песне жил не головой,
А жил скорбящею душою,
И оттого мой стон больной
Звучит тяжелою тоскою.

1875

102. ДВА ОБРАЗА

М. А. Козыреву

По чаще леса молодого
Идем поутру. Лес звучит,
И луч румяного рассвета
Вершины леса золотит.
И светлый образ перед нами
Встает, с венком на голове,
И щедро пышными цветами
Дорогу стелет по траве...
И слышим голос мы, поющий:
«Приют и ласки мне готовь!
Я светлый бог весны цветущей,
Я жизнь, я радость и любовь!»

По чаще леса молодого
Идем под вечер. Лес молчит,

И луч бледнеющий заката
В вершинах леса чуть блестит.
И мрачный образ перед нами
Тогда встает, — и тяжела
Его походка роковая...
На нем одежда — ночи мгла.

И слышим голос мы, хрипящий:
«Приют и ласки мне готовь!
Я мрачный бог, косой разящий
И жизнь, и радость, и любовь!»

1875

103. В ЛЕСУ

На память А. Н. Плещееву

Я рано, рано утром встал,
Надел суму и посох взял
И из родимого гнезда
Пошел искать уму труда.

Иду: болота да тростник,
Да темный лес над головой;
И холод в сердце мне проник...
Не воротиться ль мне домой?

Но был велик на этот раз
Во мне душевных сил запас:
Не воротился я домой,
Пошел дорогою глухой.

И долго темным лесом я
Ходил, блуждая без пути, —
Грудь надрывалася моя,
Не мог я выхода найти.

И много горя, много слез
В лесу я этом перенес,
И много я душевных сил
В его глуши похоронил.

Всё лес да лес, да мрак густой...
И я, как тень, ходил, блуждал,
И луч надежды золотой
В моей груди уж угасал.

Душа измучилась моя,
И был готов погибнуть я,
Вдруг слышу голос я в лесу:
«Дай руку, я тебя спасу!»

Я руку дал, и он повел...
И я увидел небеса,
Вдали, как рой гудящих пчел,
Я слышал чьи-то голоса...

И вывел он меня на путь,
Сказав: «Иди и не греши,
Работай, друг, и честен будь,
И не черни своей души!»

1875

104. НА МОСТУ

В раздумьи на мосту стоял
Бедняк бездомный одиноко,
Осенний ветер бушевал
И волны вскидывал высоко.

Он думал: «Боже, для чего ж
Нас честно в мире жить учили,
Когда в ходу одна здесь ложь,
О чести ж вовсе позабыли?

Я верил в правду на земле,
Я честно мыслил и трудился,
И что ж? — Морщин лишь на челе
Я преждевременных добился.

Не рассветал мой мрачный день,
Давила жизнь меня сурово,

И я скитался, точно тень,
Томимый голодом, без крова.

Мне жизнь в удел дала нужду
И веру в счастье надломила.
Чего же я от жизни жду, —
Иль вновь моя вернется сила?

Нет, не воротится она,
Трудом убита и нуждою,
Как ночь осенняя, темна
Дорога жизни предо мною. . .»

И вниз глаза он опустил,
Томяся думой безысходной,
И грустно взор остановил
Он на волнах реки холодной.

И видит он в глуби речной
Ряд жалких жертв суровой доли,
Хотевших там найти покой
От скорби жизненной и боли.

В их лицах бледных и худых
Следы страдания и муки, —
Недвижен взор стеклянный их,
И сжаты судорожно руки.

Над ними мрачная река
Неслась и глухо рокотала. . .
И сжала грудь ему тоска
И страхом душу оковала.

И поднял взор он к небесам,
Надеясь в них найти отраду;
Но видит с ужасом и там
Одну лишь черных туч громаду.

1875

105. ОДИНОЧЕСТВО

Иду я, объятый тоской безотрадной;
Ни звука, ни света... везде тишина.
Грусть сердце сосет и язвит беспощадно,
И грудь моя ноет, сомненья полна.

Ночь черною тучей висит надо мною
И ум мой пугает своей темнотою;
Мне страшно дорогой идти одному;
Я щупаю землю и, взор напрягая,
Смотрю: не блестит ли звезда золотая, —
Но вижу одну безотрадную тьму.

Как путник в степи необъятной, безводной
Страдает и жаждет источник найти,
Я жажду найти огонек путеводный
На этом пустынном и трудном пути.

1875

106. ПОКОЙНИК

Уж прочли тебе отходную,
И ушел твой духовник,
И головушкой холодною,
Коченея, ты поник.

На лице тоска глубокая;
Закатилися глаза;
На реснице одинокая,
Незастывшая слеза...

Видно, тайное желание
Позабыл кому-нибудь
Передать ты в час прощания,
Отправляясь в дальний путь.

Пред тобою гладь безбрежная,
Ты достиг конца пути;
Унеслась душа мятежная
Из остынувшей груди.

Много ты испил страдания,
Много горя ты видал,
Ни любви, ни упования
В этой жизни ты не знал.

Шел ты узкой, не пробитою,
Трудной жизненной тропой,
И без жалоб, с болью скрытою,
Распрощался ты с землей...

Гроб готов. Как гость непрошеный,
Он средь комнаты стоит,
И на труп, страданьем скошенный,
Он безжалостно глядит.

Скоро я с тоской глубокою
Пред могилою сырой,
Безотрадной, одинокою,
Преклонюсь с немой слезой.

И в тиши мольбу изустную
Вознесу за твой покой,
И твою я повесть грустную
Расскажу могиле той.

Жил, мол, он, как голь забитая,
Бесприютной птицей жил, —
Гнезда вил, но и не свитые
Буйный ветер разносил;

И была, мол, смелость бойкая,
Да затоптана судьбой;
И была, мол, воля стойкая,
Да разбита злой нуждой.

И была, мол, сила-силушка,
Да сожгла ее тоска...
Так спасибо же, могилушка,
Что взяла ты бедняка.

1875

107. РАБОТНИКИ

Вставай, товарищ мой! пора!
Пойдем! осенний день короток...
Трудились много мы вчера,
Но скуден был наш заработок.

Полуголодные, легли
На землю рядом мы с тобою...
Какую ночь мы провели
В борьбе с мучительной тоскою!

В работе выбившись из сил,
Не мог от холода заснуть я, —
Суровый ветер шевелил
На теле ветхие лоскутья.

Но я к лишениям привык,
Привык ложиться я голодный, —
Без слез и жалобы приник
Я головой к земле холодной.

Я равнодушно смерти жду,
И не страшит меня могила;
Без скорби в вечность я пойду...
На что мне жизнь? Что в ней мне мило?

Лишь одного пугаюсь я,
Одной я занят горькой думой:
Ужель и небо так угрюмо,
Так неприветно, как земля?

1875

108. В МОГИЛЕ

М. Н. С<урико>вой

Я в тесной могиле лежу одиноко,
Объятый мучительно-тягостным сном,
Засыпан землею, без слов и движенья,
Бессильные руки сложивши крестом.

И давит меня сон тяжелый, глубокий,
И насыпь могильная грудь мне гнетет,
И слышится смутно мне чье-то рыданье,
И кто-то меня из могилы зовет.

И чья-то слеза, прорывая могилу,
Мне грудь прожигает сильнее огня...
О, знаю я, кто эти слезы роняет,
Кто кличет из темной могилы меня.

Голубка моя, это ты там рыдаешь!
Горячие слезы роняешь по мне:
Одна только ты мои песни любила,
Как ни были грустны и скорбны оне.

Одной я тебе только в жизни был дорог,
Одна только ты озаряла мой путь;
Когда же я падал на трудной дороге,
Ты верой своей согревала мне грудь.

Теперь ты желаешь поднять меня снова
Для песен былых, — но заглох их родник:
Лежу я придавлен холодной землею,
Мой ум без движенья, и нем мой язык.

Не кличь, не зови ты меня из могилы,
Не трать понапрасну слез горьких своих:
Не верю я в счастье, растратил я силы —
И мне не воскреснуть для песен былых.

1875

109—110. *НАШИ ПЕСНИ*

1

Мы родились для страданий,
Но душой в борьбе не пали;
В темной чаще испытаний
Наши песни мы слагали.

Сила духа, сила воли
В этой чаще нас спасала;
Но зато душевной боли
Испытали мы немало.

На простор из этой чащи
Мы упорно выбивались;
Чем трудней был путь, тем чаще
Наши песни раздавались.

Всюду песен этих звуки
Эхо громко откликало,
И с тоскою нашей муке
Человечество внимало.

Наши песни — не забава,
Пели мы не от безделья,
В них святая наша слава,
Наше горе и веселье.

В этих песнях миллионы
Мук душевных мы считаем;
Наши песни, наши стоны
Мы счастливым завещаем.

<1874>

2

Много спели горьких песен
В этой жизни мы тяжелой;
Легкий смех нам неизвестен,
Песни нет у нас веселой.

Большинство людей суровых
От певцов печали старой
Просят дум и песен новых
Иль сатиры злой и ярой.

Наше пенье им не любо, —
Светлой радости в нем мало.

Что за диво! — Очень грубо
Горе в лапах нас сжимало.

Из когтей его могучих
Вышли мы порядком смяты
И запасом слез горючих,
Дум мучительных богаты.

Для изнеженного слуха
Наше пенье не годится;
Наши песни режут ухо, —
Горечь сердца в них таится!

1875

111. ВО ТЬМЕ

Охвачен я житейской тьмой,
И нет пути из тьмы...
Такая жизнь, о боже мой!
Ужаснее тюрьмы.

В тюрьму хоть солнца луч порой
В оконце проскользнет
И вольный ветер с мостовой
Шум жизни донесет.

Там хоть цепей услышишь звук
И стон в глухих стенах, —
И этот стон напомнит вдруг
О лучших в жизни днях;

Там хоть надежды велики,
Чего-то сердце ждет
И заключенный в час тоски
Хоть песню запоет.

И эта песня не замрет
С тюремной тишиной —
Другой страдалец пропоет
Ту песню за стеной.

А здесь?.. Не та здесь тишина!..
Здесь всё, как гроб, молчит;
Здесь в холод прячется весна
И песня не звучит;

Здесь нет цепей, но здесь зато
Есть море тяжких бед:
Не верит сердце ни во что,
В душе надежды нет.

Здесь всё темно, темно до дна, —
Прозренья ум не ждет;
Запой здесь песню — и она
Без отзыва замрет.

Здесь над понурой головой,
Над волосом седым —
И чары ласк и звук живой
Проносятся, как дым.

И всё, и всё несется прочь,
Как будто от чумы...
И что же в силах превозмочь
Давленье этой тьмы?

Исхода нет передо мной...
Но, сердце! лучше верь:
Быть может, смерть из тьмы глухой
Отворит к свету дверь.

1875

112

Всюду блеск, куда ни взглянем,
На земле и в небе чистом.
В лес пошел я утром ранним —
Хорошо в лесу тенистом!

По траве густой, зеленой,
Меж кустов, цветущих пышно,

Молчаливый и влюбленный,
Пробираюсь я неслышно...

Если б можно сбросить годы,
Снова стать былым малюткой!..
В этой храмине природы
Всё ласкает слух мой чуткой.

Всё: цветы, деревья, птицы —
Всё любви моей причастно,
В честь ее, моей царицы,
Песнь любви поет согласно...

Милый друг! Со мной везде ты,
Ты следишь за мной украдкой...
Вот глядит она в просветы
Леса темного так сладко.

То потупится, то взглянет
Так, что сердце надорвется;
И зовет меня, и манит
В глубь лесную, и смеется...

Слышу, шепчет мне: «Припомни
Дней минувших обещанья,
Вспомни, друг мой милый, что мне
Говорил ты в час прощанья».

Да, я помню, помню всё я...
При последней нашей встрече
Я, над гробом милой стоя,
Говорил такие речи:

«Без тебя, моя родная,
Не могу на свете жить я.
О минувшем вспоминая,
Доживу ль я до забытья?

Вечной скорбью сердце сжато.
Что мне в жизни улыбалось —
Всё с собою унесла ты,
Лишь любовь моя осталась.

И теперь к тебе я скоро
Поплыву с любовью прежней
В океане том, который
Неба синего безбрежней.

Мы забудем все печали
В светлый час той новой встречи...»
Так шептал я... и мигали
Мне в повязках черных свечи.

Ты лежала, друг мой чистый,
Холодна на ложе жестком;
Как в лесу смолой душистой,
Пахло ладаном и воском...

1875

113. ТРУЖЕНИК

(Памяти А. В. Кольцова)

«Мне грустно, больно, тяжело...
Что принесли мне эти строки?
Я в жизни видел только зло
Да слышал горькие упреки.

Вот труд прошедшей жизни всей!..
Тут много дум и песен стройных.
Они мне стоили ночей,
Ночей бессонных, беспокойных.

Всегда задумчив, грустен, тих,
Я их писал от всех украдкой, —
И стал для ближних я своих
Неразрешимою загадкой.

За искру чистого огня,
Что в грудь вложил мне всемогущий,
Они преследуют меня
Своею злобою гнетущей.

Меня гнетут в своей семье,
В глуши родной я погибаю!.

Когда ж достичь удастся мне,
Чего так пламенно желаю?

Иль к свету мне дороги нет
За то, что я правдив и честен?» —
Так думал труженик-поэт,
Склонясь с тоской над книгой песен.

Жизнь без свободы для него
Была тяжка, — он жаждал воли,
И надрывалась грудь его
От горькой скорби и от боли.

Перед собой он видел тьму,
В прошедшем — море зла лежало;
Но мысль бессмертная ему
Успокоительно шептала:

«На свете ты для всех чужой,
Твой труд считают за пустое;
Тебя всё близкое, родное
Возненавидело душой...

Но не робей! Могучей мысли
Горит светильник пред тобой.
Пусть тучи черные нависли
Над терпеливой головой, —

Трудись и веруй в дарованье,
Оно спасет тебя всегда;
Людская злоба не беда
Для тех, кто чтит свое призванье.

Пусть люди, близкие тебе,
С тобою борются сурово;
Хотя погибнешь ты в борьбе —
Но не погубят люди слова.

Придет пора, они поймут,
Что не напрасно ты трудился,
И тот, кто над тобой глумился,
Благословит твой честный труд!»

И мысли веровал он свято:
Переносил и скорбь и гнет
И неуклонно шел вперед
Дорогой жизни, тьмой объятой.

Упорно бился он с судьбой
И песню пел в час тяжкой муки,
И воплощал он в песне той
Все стоны сердца, боли звуки...

И умер он, тоской томим,
В неволе, плача о свободе, —
Но песня, созданная им,
Жива и носится в народе.

Конец 1875

114

Я рад бы веселые песни запеть,
    Когда бы душа не страдала
И едкого горя тяжелая сеть
    На сердце моем не лежала.

И честно ли будет морочить других
    Стихом легкомысленно-лживым?
Поверят ли в истину песен таких
    И радостным, светлым порывам?

Я в жизни несчастьями только богат,
    И весь я нуждою исколот...
Мне тяжко... За то ли меня обвинят,
    Что бьет меня горе, как молот?

Ведь если бы легче на свете жилось,
    Тогда веселей бы и пелось, —
Да горе-то крепко мне в душу впилось
    И в сердце мучительно въелось!..

Пусть солнце просветит на долю мою
    И вынет из сердца отраву,
Я песню иную тогда запою
    Блестящему солнцу во славу.

И весело будет услышать ее
Ценителям пения строгим,
И любо мне станет мое бытие. . .
Да солнце-то светит не многим!

<1876>

115

«У тебя ума палата, —
Говорили люди мне, —
Одарен судьбой богато,
В жизни счастлив ты вполне».

Отчего ж с палатой этой,
С этой умственной казной,
Я хожу почти раздетый,
Без пристанища порой?

Отчего же с этим даром,
С этим благом дорогим,
Целый век свой чуть не даром
Я работаю другим?

Отчего же надо мною
Горе — вечный властелин?
Отчего ж я бьюсь с нуждою? . .
Впрочем, бьюсь не я один. . .

Мало нас — имен не длинный
Список в жизнь мы принесли,
Но зато одной дружиной,
Честно мыслящей, пришли.

С тем пришли, чтоб незаметно
Жить, работать и терпеть,
Биться с жизнью неприветной,
В этой битве — умереть!

<1876>

116

Когда взгляну порою в глубь я
Души собрата моего,
Я вижу только самолюбье,
Порок — и больше ничего.

Худые думы там таятся,
Там мысль живет с грехом в связи
И чувства низкие роятся,
Как черви мелкие в грязи.

И много их, таких собратий,
Врагов, гонителей моих. . .
Куда бежать от их проклятий?
Куда бежать от злобы их?

Везде они — и поневоле
Себя на муки им отдашь;
Они кричат: «Он наш! его ли
Отпустим мы, когда он наш!»

Нет, не из вашей я дружины,
Я не примкну к ее рядам!
Вам не понять моей кручины,
Моей любви душевной к вам.

Я счастлив счастием, мне чуждым,
И грустен горестью чужой;
Чужим несчастиям и нуждам
Готов помочь я всей душой.

<1876>

117

Где вы, песни светлой доли,
Жарких юношеских лет?
Песни счастья, песни воли,
Вы исчезли, вас уж нет!

Нам легко жилося с вами,
Отгоняли вы печаль
И роскошными цветами
Украшали жизни даль.

Не давило горя бремя
Свежих молодости сил,
Золотое было время —
Кто из нас его забыл?

Нам оно лукаво льстило,
Забавляло, как детей...
Не забыть нам до могилы
Прежних песен, прежних дней!

Песни те любовь слагала,
Юность слышалася в них.
Но любовь давно увяла,
Голос юности затих.

Мы душою постарели,
Сердцем рано отцвели;
Чувства в сердце охладели,
Силы в нас изнемогли.

Миновало наше лето,
И поем уж редко мы;
Нет ни радости, ни света
В песнях сумрачной зимы.

<1876>

118

Тишь и мрак... закрыты ставни.
    Мой ночник погас,
И лежу я одиноко,
    Не смыкая глаз.

И волшебные мечтанья
    Чудною толпой,
Улетая и сменяясь,
    Вьются надо мной.

Вижу я красивый домик,
В нем огни горят...
Тишиной объят глубокой,
Дремлет темный сад.

Ночь полна благоуханьем;
В доме смех и звон;
Я стою в саду, под ивой...
Тьма со всех сторон.

Бьется сердце молодое,
И горят уста...
И она ко мне подходит
Тихо, как мечта.

Глазки добрые сияют
Страстью и огнем...
Соловей поет так нежно
В воздухе ночном...

Жадно, трепетно в объятья
Я привлек ее...
Волоса ее упали
На лицо мое...

Тихо тайные признанья
Шепчет мне она...
Счастьем полным, бесконечным
Грудь моя полна.

И горят ее лобзанья
На устах моих...
В доме смех и звуки песен,
Сад же темен... тих.

Всё давно ли это было, —
Где ж теперь оно?
Сердце сжалось, очерствело,
В нем темно, темно...

1876

119. ДУБИНУШКА

Ой, дубинушка, ты ухни!
Дружно мы за труд взялись.
Ты, плечо мое, не пухни!
Грудь моя, не надорвись!

Ну-ко, ну, товарищ, в ногу!
Налегай плечом сильней!
И тяжелую дорогу
Мы пройдем с тобой скорей.

Ой, зеленая, подернем!
Друг мой! помни об одном:
Нашу силу вырвем с корнем
Или многих сбережем,

Тех борцов, кому сначала
Легок труд, кто делу рад, —
Вскоре ж — глядь! — всё дело стало
Перед множеством преград.

Тем помочь нам скоро надо,
Кто не видит, где исход, —
И разрушатся преграды,
И пойдут они вперед.

Друг! трудящемуся брату
Будем смело помогать,
Чтоб за по́могу в уплату
Слово доброе принять.

За добро добром помянут
Люди нас когда-нибудь
И судить за то не станут,
Что избрали честный путь.

Злоба с дочкою покорной,
Стоязычной клеветой,
Станут нас следить упорно, —
Но не страшен злобы вой.

Прочь от нас! на мертвых рухни, —
Твой живых не сломит гнет...
Ой, дубинушка, ты ухни!
Ой, зеленая, пойдет!

1876

120. ЦВЕТЫ

В ГЛУШИ

Внутри тюремного двора,
Перед стеной сырой и мшистой,
Согретый солнечным лучом,
Расцвел весной цветок душистый.

Был пуст и тих широкий двор,
И мрачны каменные стены;
За ними хмурый часовой
Шагал и ждал, скучая, смены.

Порой в решетчатом окне
Тень заключенного мелькала:
Худое, бледное лицо
К оконным стеклам припадало.

И взор потухших, впалых глаз,
Как отблеск муки безнадежной,
Бесцельно падал на цветок,
Благоухающий и нежный.

Но разглядеть его красу
Из-за решетки было трудно,
А потускневшее стекло
Не пропускало запах чудный.

Воздушный жаворонок, вверх
Взлетев и рея в ярком свете,
Порой невольно умолкал,
Цветок лазоревый заметя.

Дрожал от радости цветок,
Шепча: «Слети ко мне! слети же!»
И вниз слетал тогда певец,
Чтобы узнать его поближе.

Но звон цепей, и стук ружья,
И стон колодника больного
Пугали робкого певца —
И уносился ввысь он снова.

И скоро был им позабыт
Цветок, томящийся в неволе,
И пел он песнь другим цветам,
Растущим вольно в чистом поле.

Дыханьем ветра на заре
Цветок забытый не ласкало,
И даже самая земля
Ему давала соков мало.

Цветок бледнел — и в знойный день,
Печальный, грустный, нелюбимый,
В глуши тюремного двора
Завял он, жаждою томимый.

НА СВОБОДЕ

Зеленый луг, как чудный сад,
Пахуч и свеж в часы рассвета.
Красивых, радужных цветов
На нем разбросаны букеты.

Росинки светлые на них
Сверкают ярко, точно блестки.
Целуют пчелы их и пьют
Благоухающие слезки.

На том лугу один цветок
Был всех душистей и прелестней;
Летали ласточки над ним
И вился жаворонок с песней.

Им любовался мотылек,
Его красою очарован,
И соловей, царь всех певцов,
Любовью был к нему прикован.

И тихо радовался он,
Что люб он всем живым созданьям
Прекрасным запахом своим
И красок дивным сочетаньем.

Но вот пришел ученый муж,
Искатель редкостных растений.
Заметя чудный тот цветок,
Сорвал его без сожалений.

Расправил тихо лепестки,
Расплюснул стебель, соком полный,
И в книгу бережно вложил —
И замер в ней цветок безмолвно.

Сбежали краски с лепестков,
Их покрывавшие в излишке,
И потерял он запах свой,
Став украшеньем умной книжки.

Зато как лучший из цветов,
Как редкость, в виде засушенном,
Был для потомства сохранен
Он любознательным ученым.

1876

121

Я отворил окно. Осенняя прохлада
Струею полилась в мою больную грудь.
Как тихо в глубине увянувшего сада!
Туда, как в темный склеп, боюсь я заглянуть.

Поблек и облетел убор его красивый;
От бури и дождя ничем не защищен,

Качаясь и дрожа, стоит он сиротливо,
И в шелесте ветвей печальный слышен стон...

Раздастся здесь порой ворон полет тяжелый,
Да галки на гумне, за садом, прокричат —
И стихнет всё опять... И с думой невеселой
Гляжу я из окна в пустой, заглохший сад.

Здесь радостно жилось весной и жарким летом;
Но больно вспоминать об этих чудных днях,
О зелени полей, облитых ярким светом,
О сладком пеньи птиц в долинах и лесах.

Природа замерла, нахмурилась сурово;
Поблекнувшей листвой покрылася земля,
И холодом зимы повеял север снова
В раздетые леса, на темные поля.

Вот желтый лист, кружась, упал передо мною.
С глубокой на него я грустью посмотрел!
Не так же ль я измят безжалостной судьбою,
Как этот слабый лист, — засох и пожелтел?

Прошла моя весна, и лето миновало,
И на лугу моем засохли все цветы;
Их прежняя краса под холодом увяла;
Рассеялись мои надежды и мечты.

Как желтые листы, давно они опали;
Осенний ветер их размыкал без следа,
И то, чем жизнь моя краснá была вначале,
Всё горьким опытом убито навсегда.

Век доживаю я, как дерево сухое,
Минувшему сказав печальное «прости!».
И мучит душу мне сознанье роковое,
Что близок мой конец и мне уж не цвести.

1876

122

Если б легкой птицы
Крылья я имела,
В частый бы кустарник
Я не полетела.

Если б я имела
Голос соловьиный,
Я бы не носилась
С песней над долиной.

Я бы не летала
На рассвете в поле
Косарям усталым
Петь о лучшей доле.

Я бы не кружилась
Вечером над хаткой,
Чтоб ребенка песней
Убаюкать сладкой.

Нет! Я полетела б
С песней в город дальний:
Есть там дом обширный,
Всех домов печальней.

У стены высокой
Ходят часовые;
В окна смотрят люди
Бледные, худые.

Им никто не скажет
Ласкового слова,
Только ветер песни
Им поет сурово.

От окна к другому
Там бы я летала,
Узников приветной
Песней утешала.

Я б им навевала
Золотые грезы
И из глаз потухших
Вызывала слезы,

Чтобы эти слезы
Щеки их смочили,
Полную печали
Душу облегчили.

1876

123. НА БЕРЕГУ

Как в сумерки легко дышать на берегу!
Померкли краски дня, картины изменились;
Ряды больших стогов, стоящих на лугу,
Туманом голубым, как дымкою, покрылись.

На пристани давно замолкли шум и стук;
Всё реже голоса доносятся до слуха;
Как будто стихло всё, — но всюду слышен звук,
И тихий плеск воды так сладко нежит ухо.

Вот черный жук гудит... вот свистнул коростель...
Вот где-то вдалеке плеснулось уток стадо...
Пора бы мне домой — за ужин и в постель;
Но этой тишине душа моя так рада.

И я готов всю ночь сидеть на берегу,
И не ходить домой, и вовсе не ложиться,
Чтоб запахом травы на скошенном лугу
И этой тишиной целебной насладиться.

На ширь глухих полей, под тень лесов густых
Душа моя рвалась, измучена тревогой, —
И, может быть, вдали от горьких слез людских
Я создал бы в тиши здесь светлых песен много.

Но жизнь моя прошла в заботе городской,
И сил моих запас иссяк в борьбе суровой...
И вот теперь сюда приплелся я больной.
Природа-мать! врачуй и дай мне силы снова!

1876

124

Не грусти, что листья
С дерева валятся, —
Будущей весною
Вновь они родятся, —

А грусти, что силы
Молодости тают,
Что черствеет сердце,
Думы засыпают...

Только лишь весною
Теплою повеет —
Дерево роскошно
Вновь зазеленеет...

Силы ж молодые
Сгибнут — не вернутся;
Сердце очерствеет,
Думы не проснутся!

1876

125. ЗА ГОРОДОМ

Наконец-то я на воле!..
Душный город далеко;
Мне отрадно в чистом поле,
Дышит грудь моя легко.

Наконец-то птицей вольной
Стал я, житель городской,

И вперед иду, довольный,
Сбросив горе с плеч долой.

Люб мне страннический посох,
Я душой помолодел;
Ум мой, в жизненных вопросах
Потемневший, просветлел.

Я иду, куда — не знаю...
Всё равно, куда-нибудь!
Что мне в том, к какому краю
Приведет меня мой путь!

Я иду искать свободы,
Мира в сельской тишине —
Горе жизни и невзгоды
Истерзали душу мне.

Я желаю надышаться
Свежим воздухом полей,
Их красой налюбоваться,
Отдохнуть душой моей.

Может быть, судьбе послушный,
Кину я полей красу...
Но зато я в город душный
Сил немало принесу, —

Сил, окрепнувших на воле,
Не измученных борьбой, —
С ними вновь на скорбь и горе
Выйду с твердою душой.

1876

126

Я, весь измученный тяжелою работой,
Сижу в ночной тиши, окончив труд дневной.
Болит моя душа, истерзана заботой,
И ноет грудь моя, надорвана тоской.

Проходит жизнь моя темно и безотрадно,
Грядущее мое мне счастья не сулит,
И то, к чему я рвусь душой моей так жадно,
Меня едва ли чем отрадным подарит.

Мне суждено всегда встречать одни лишенья
Да мучиться в душе тяжелою тоской,
И думать об одном, что все мои стремленья
Бесплодно пропадут, убиты жизни тьмой.

Суровых, тяжких дней прожито мной довольно
И много сил души истрачено в борьбе, —
И дума горькая встает в душе невольно:
За трату этих сил — что добыл я себе?

Одно бесцветное, пустое жизни поле,
Где не на чем кругом очей остановить, —
И, жаждою томясь, грустишь о горькой доле,
Что нечем жажды той душевной утолить.

И голову в тоске на грудь невольно склонишь,
И жизни в этот час не рад я, как врагу,
И горькую слезу в ночной тиши уронишь...
Зачем из этой тьмы я выйти не могу?

1876

127. РАЗДУМЬЕ

Сил так много в груди
Молодых и живых,
Да темно впереди, —
Только горе от них...

Бедность злая кругом
И страданья людей
Давят сердце свинцом, —
Выход дайте скорей!

Укажите тот путь,
Где бы силы мои

Не бесследно прошли,
Не терзалась бы грудь,

Чтоб дорога была
И светла и ясна,
Чтоб вперед всё вела
Прямо в царство добра.

И с открытым лицом
Я со злом на борьбу
Выйду смелым бойцом,
Силой счастье возьму!..

<1877>

128

Черствеет сердце, меркнет ум...
Грудь надрывается от боли...
Под гнетом горьких чувств и дум
Поется грустно поневоле.

Мне негде дум отрадных взять:
Кругом меня мертво и сухо.
Там трудно мыслить и дышать,
Где стон и вопли слышит ухо.

Где в летний зной из облаков
На землю дождь не упадает,
Там ни травы нет, ни цветов,
Бурьян там горький вырастает.

Так песнь моя всегда горька,
Как тот бурьян в степи безводной:
Звучит в ней горе да тоска,
Да плач над долей безысходной!

1877

129. ТРУДЯЩЕМУСЯ БРАТУ

К тебе, трудящемуся брату,
Я обращаюся с мольбой:
Не покидай на полдороге
Работы, начатой тобой.

Не дай в бездействии мертвящем
Душе забыться и заснуть, —
Трудом тяжелым и упорным
Ты пролагай свой честный путь.

И чем бы в жизни ни грозила
Тебе судьба, ты твердо стой!
И будь высокому призванью
До гроба верен ты душой.

Пусть гром гремит над головою,
Но тучи черные пройдут...
Всё одолеет сила духа,
Всё победит упорный труд!

1877

130

Вот село. Давно знакомы
В том селе моим очам
Избы, крытые соломой,
И старинный божий храм.

Я живал в селенье этом
Много лет тому назад,
Беззаботно жарким летом
Здесь играл в кругу ребят.

Жизнь тогда была утеха
Для меня... Теперь не то!
Здесь не слышно больше смеха,
Глаз не радует ничто...

Помню я, как дружно дети
Пели песни здесь порой;
Не звучали песни эти
Ни заботой, ни тоской.

И теперь на ниве скудной
Слышны песни, но оне
Говорят о жизни трудной,
О рабочем тяжком дне.

Всё, что жизнь досель теснило,
Снова здесь отозвалось.
Сердце чуткое заныло,
От тоски надорвалось.

Ясно в памяти восстали
Все невзгоды прежних дней...
Видно, горя и печали
Нет лишь там, где нет людей.

1877

131

Весной всего милей мне жаворонок звонкой,
И пение его отрадно слышать мне.
В полях еще лежит снег пеленою тонкой,
А он уже поет песнь громкую весне.

Доволен долею он скромного поэта;
Кружася в вышине, он счастлив без конца.
Творит он песнь свою средь воздуха и света,
Но людям не видать весеннего певца.

Его не уловить внимательному взгляду —
Доступен он вверху лишь солнечным лучам;
В блаженстве творчества находит он награду
За песни, за любовь к весне и к небесам.

Над полем, в воздухе, для глаз недостижимый,
Он реет, потонув в роскошном блеске дня,

И льется песнь его и носится незримо,
От утренней зари до вечера звеня.

И прямо и легко, как чистое паренье
Молитвы искренней, возносится она...
Вот отчего люблю я жаворонка пенье:
Я чувствую, что им душа просветлена.

1877

132. КРУЧИНУШКА

(Из народных мотивов)

Хорошо тому да весело,
У кого-то нет заботушки,
На душе тоски-кручинушки,
В ретивом сердце зазнобушки.

У меня ли, молодешенькой,
Есть кручинушка немалая:
Сокрушил меня сердечный друг,
Голова ли разудалая...

Сокрушил меня он, высушил
Хуже травушки кошеныя,
Что на жарком летнем солнышке
Во чистом поле сушеныя.

Сокрушил меня, младешеньку,
Он своею переменою,
Что сердечною обидою —
Горе-горькою изменою...

Погоди же ты, сердечный друг,
Я сама, млада, на грех пойду,
И мою змею-разлучницу
Отыщу я, отыщу-найду.

О любви твоей, душевный мой,
Я дознаюсь, допытаюся,
И сама мою разлучницу
Иссушить я постараюся,

Что ни зельем, ни кореньями,
Ни отравой едкой, жгучею —
Иссушу ее, разлучницу,
Я слезой моей горючею!

1877

133. ЖНИЦА

(Из украинских мотивов)

В чистом поле при дороге
    Ярая пшеница;
Жнет ту ярую пшеницу
    Молодая жница.

Ноют руки, ноют ноги
    У девицы красной...
«Где ты, где ты пропадаешь,
    Мой соколик ясный?

Ты вернися-воротися,
    Мой желанный-доля!..
Белоярая пшеница
    Перезрела в поле,

А под жаркими лучами
    Погорело жито...
По тебе ли, мой соколик,
    Много слез пролито!»

1877

134. ПРЕСТУПНИЦА

(Из народных мотивов)

Сговорилися батюшка с матушкою
Меня замуж отдать за немилого,
Старика безобразного, хилого.

Убегла я туманною ночкою,
Убегла к бобылю одинокому,
К пареньку моему черноокому.

Я открыла ему горе лютое,
Крепко к груди его прижималася,
Его белым лицом любовалася.

Он сказал: «Выходи за богатого;
Изведем мы его, повенчаемся —
И тогда-то с тобой нагуляемся».

Я тогда с стариком повенчалася, —
День-деньской его грызла, бранила я,
Наконец старика отравила я.

Вышла замуж за парня я милого, —
Не нашла только долю желанную,
Совесть мучит меня, окаянную.

Всё мне прежний мой муж представляется,
Чуть прикрытый рубашкой дырявою,
И грозится рукою костлявою.

Ночь не сплю я, дрожу, что осинушка, —
Всё мерещится чья-то косматая
Голова мне и шепчет: «Проклятая!»

1877

135. ЖАЛОБЫ БЕДНЯКОВ

(Из Роберта Соути)

«Чем недоволен бедный люд?
В чем горе нищеты?» —
Спросил богач меня. «Пойдем!
Ответ получишь ты».

Был зимний вечер, всюду снег
На улицах лежал.
Тепло одеты были мы,
Но холод нас сжимал.

К нам подошел седой старик
С протянутой рукой.
«Зачем ты в этот холод здесь,
Бедняк, ночной порой?»

— «Да, ваша правда, на дворе
Уж очень холодно́;
Но нет огня в моем угле,
И я не ел давно».

Потом нам встретилось дитя
Босое... вид больной...
«Зачем ты в эту пору здесь,
Малютка бедный мой?»

— «Отец мой болен и семью
Не в силах прокормить;
Меня чего-нибудь на хлеб
Послали попросить».

И вот при свете фонаря
Мы видим пред собой:
С детя́ми женщина сидит
На тумбе городской.

Мы подошли к ней и такой
Ей сделали вопрос:
Зачем с детя́ми здесь она
Сидит в такой мороз?

«Мой муж солдат, за край родной
Пошел он воевать,
И побираюсь я — детей
Мне нечем пропитать».

Глаза стыдливо опустив,
С улыбкой подошла
К нам тихо девушка, она
Погибшая была.

«Что ж, иль так сладок ей порок,
Что мерзнет здесь она?»
Нам грустно девушка в ответ
Сказала: «Я бедна!»

Я обратился к богачу:
«Голодной нищеты
Хотел ты жалобы узнать, —
Теперь их знаешь ты».

1877

136

Не шлю годам моим прошедшим я упрека
За нерасчетливый и дерзкий их порыв,
За гибель сил моих, растраченных до срока, —
Я вспоминаю их, в душе благословив.
Пускай в них радости и счастья было мало
И много сгибнувших надежд в них без следа...
Но кровь горячая мне сердце волновала
И пробуждала силы духа для труда.
Теперь не то — в моей груди, уже холодной,
Кровь не волнуется, как прежде, не кипит,
Исчез порыв к труду высокий, благородный,
Мой ум бездействует, и сердце крепко спит.

<*1878*>

137

Честь ли вам, поэты-братья,
В напускном своем задоре
Извергать из уст проклятья
На певцов тоски и горя?

Чем мы вам не угодили,
Поперек дороги стали?
Иль неискренни мы были
В песнях горя и печали?

Иль братались мы позорно
С ложью темною людскою?
Нет! Всю жизнь вели упорно
Мы борьбу с царящей тьмою.

Наше сердце полно было
К человечеству любовью,
Но от мук оно изныло,
Изошло от боли кровью.

Честны были в нас стремленья,
Чисты были мы душою, —
Так за что ж кидать каменья
В нас, измученных борьбою?!

Апрель-май 1878

138

Вот и степь с своей красою —
Необъятная кругом —
Развернулась предо мною
Зеленеющим ковром.

Взглянешь влево, взглянешь вправо —
Всюду ширь, и тонет взор...
Степь, тебе и честь и слава
За могучий твой простор!

Город шумный, город пыльный,
Город, полный нищеты,
Точно склеп сырой, могильный,
Бодрых духом давишь ты!

Рад, что я тебя покинул,
Душный город, где я рос,
Где едва-едва не сгинул
В бездне горя, в море слез.

Солнце там меня не грело
Золотым своим лучом, —
Здесь, в степи же, закипела
Снова жизнь во мне ключом.

Нет вокруг толпы народной,
Горьких жалоб не слыхать,
И в груди моей холодной
Разгорелась кровь опять.

Надо мной степные звуки
В вешнем воздухе царят,
Улеглись былые муки,
Скорби прежние молчат.

Закипают думы смело,
Силы крепнут и растут, —
И я вновь готов на дело,
На борьбу и тяжкий труд.

Начало июня 1878
Село Безенчуг. Самара

139

Догорела румяная зорька вдали,
И по степи вечерние тени легли...
И ни звука кругом, всюду тишь и покой,
Прожужжит только жук, промелькнув над травой.

Степь исчезла во тьме, а на небо взгляни:
Кто-то там высоко зажигает огни...
И над степью они, тихо зыблясь, горят —
В необъятный свой мир и зовут и манят.

И что скрылось в душе, притаилося днем,
То проснулось теперь и взмахнуло крылом,
И, стряхнув жизни гнет, в мир надзвездный парит,
И душа, умиляясь, молитвой звучит.

Июнь 1878

140. НА ОДРЕ

Посвящается И. И. Барышеву

Смолкли зимние метели,
Вьюги миновали,
Светит солнышко отрадно,
Дни весны настали.

Поле зеленью оделось,
Соловьи запели,
А меня недуг тяжелый
Приковал к постели.

Хорошо весной живется,
Дышится вольнее,
Да не мне, — меня злой кашель
Душит всё сильнее.

И нерадостная дума
Душу мне тревожит:
«Скоро ты заснешь навеки,
В гроб тебя уложат

И в холодную могилу
Глубоко зароют,
И от дум и от заботы
Навсегда укроют».

Пусть и так! расстаться с жизнью
Мне не жаль, ей-богу!
И без скорби я отправлюсь
В дальнюю дорогу...

В жизни радости так мало,
Горя же довольно.
И не с жизнью мне расстаться
Тяжело и больно.

Тяжело мне кинуть дело,
Избранное мною, —
Что, не кончив труд начатый,
Я глаза закрою.

Жаль мне то, что в жизни этой
Сделал я не много
И моею горькой песней
Дар принес убогой.

Ты прости же, моя песня! —
Петь нет больше мочи...
Засыпай, больное сердце!
Закрывайтесь, очи!

Июнь 1878

141. НА ЧУЖБИНЕ

И пенье птиц, и зелень сада —
Покойна жизнь и хороша!..
Кажись, чего еще мне надо?
Но всё грустит моя душа!

Грустит о том, что я далёко
От милых искренних друзей,
Что дни мои здесь одиноко
Идут без песен и речей.

К друзьям душа моя всё рвется,
И я хожу здесь, как шальной, —
Без них и песня не поется,
И жизнь мне кажется тюрьмой.

Мне не с кем здесь промолвить слова
И думы сердца передать,
И разорваться грудь готова...
О, как мне хочется рыдать!

Пускай друзья мои услышат
Среди дневных своих забот,
Что ими грудь моя лишь дышит
И сердце ими лишь живет!

Начало июля 1878

142. И. И. БАРЫШЕВУ

Когда расстанусь я с землей,
Сложив на груди руки,
И в домовине гробовой
Засну, покинув муки,
И песня скорбная моя
Замрет навеки-вечно,
Тогда ты вспомни, друг, что я
Любил тебя сердечно.
И пред тобою в этот миг
Воскреснет друг любящий,
И ты припомнишь вновь мой стих,
Болезненный, скорбящий, —
И скажешь ты: «Его уж нет, —
Он спит, скорбей не зная;
Но песня та, что спел поэт,
Звучит еще, рыдая».

3 ноября 1878

143

Не корите, други,
Вы меня за это,
Что в моих твореньях
Нет тепла и света.

Как кому на свете
Дышится, живется —
Такова и песня
У него поется...

Жизнь дает для песни
Образы и звуки:
Даст ли она радость,
Даст ли скорбь и муки,

Даст ли день роскошный,
Тьму ли без рассвета —
То и отразится
В песне у поэта.

Песнь моя тоскливa...
Виноват в том я ли,
Что мне жизнь ссудила
Горе да печали?

1878

144

Загорелась над степью заря,
На траве засверкала роса.
Поднялись степняки-косари,
Загуляла по степи коса!

Что ни взмах, то и сена копна.
Здесь трава высока и густа,
И гуляй, где ты знаешь, с косой,
Всюду гладь — без конца широта!

Здесь и дух степняка-косаря
Необъятно могуч и силен —
Не положит он рук от тоски,
Не опустит и голову он.

Если горе за сердце возьмет,
Навалится злодейка нужда,
Он кудрями лишь только тряхнет —
И кручины уж нет и следа.

И поет он про матушку степь,
Про родные равнины-луга...
И сверкает, сверкает коса —
И встают, точно горы, стога.

Я за то тебя, вольную степь,
Полюбил всей душой глубоко,
Что сама ты собой широка
И в тебе всё сильно, широко.

1878

145

Погоняй, ямщик, скорее!
Кони, мчитесь, мчитесь!
В степь безлюдную, глухую
Дальше уноситесь.

И меня в кибитке тряской
Мчите, колыхайте
И, как малого ребенка
В люльке, закачайте.

Я заснуть хочу, забыться
От тревог на время
И стряхнуть с души усталой
Дум тяжелых бремя.

Жизнь нерадостные песни
Мне так долго пела,
Что душа моя изныла,
Сердце изболело.

Мчитесь, мчитесь же вы, кони,
Гривами взвивая!
Убаюкай, укачай ты,
Степь, меня, глухая!..

1878

146. ПРОЩАНИЕ

(Из украинских мотивов)

Шли коровы из дубровы,
    Солнце опускалось, —
У дороги с казачиной
    Девица прощалась.

«Ты далёко, мой сердечный,
    Едешь-уезжаешь,
И меня ты сиротою
    В горе покидаешь.

Как-то буду без тебя я
Проводить денечки?
Как-то стану одиноко
Коротать я ночки?»

— «Ой, гуляй, моя голубка,
Без меня с другими;
Коротай деньки и ночки,
Как ты знаешь, с ними.

Ой, гуляй, моя голубка,
Ты с другими знайся, —
Только в правде этой, сердце,
Мне не открывайся».

— «Ты прости же, мой сердечный,
Голубь сизокрылый!
Благодарствую тебя я
За науку, милый!

Открывать я этой правды
Никому не буду,
И тебя я, мой сердечный,
Скоро позабуду!»

1878

147. ПРОСТИ!

Я уезжаю, друг, прости!
С тобой нам вновь не увидаться...
Не сожалей и не грусти,
Что нам приходится расстаться.

Лета неравные у нас —
И нам нейти одной дорогой..
Зачем же мучить нам подчас
Себя душевною тревогой?

Ты смотришь, друг, на жизнь светло,
И всё весна перед тобою...

А мне и летом не тепло,
И сердце стынет, что зимою.

Случайно мы с тобой сошлись
В степи глухой, в минуты скуки...
Зачем же мы отравим жизнь
Друг другу ядом жгучей муки?

Прости же, друг мой, навсегда!
И наша встреча будет тайной...
И если в жизни иногда
Тебе припомнюсь я случайно,

Не сожалей и не грусти,
Что разошлися мы с тобою, —
Тебе на жизненном пути
Не мог я счастья дать собою.

Ты расцвела едва душой —
И не жила и не страдала,
Меня ж житейскою борьбой
Давным-давно уже сломало.

1878

148

Исстрадался душой и измучился я...
Няня, няня! где ты, золотая моя?!.
Появись, покажись наяву иль во сне;
Спой мне прежнюю песнь, что певала ты мне,
Унеси ты меня от рыданий и слез
В чудный сказочный мир светлых, радужных грез,
Чтобы сердцем моим позабыться я мог
От тяжелой борьбы и житейских тревог.

1878

149

Над широкой степью
Хищный коршун вьется —
Ласточка по степи
Мечется и бьется.

Мечется, бедняжка,
Точно бы шальная,
Белой своей грудкой
В воздухе сверкая.

То мелькнет стрелою
Над травой высокой,
То начнет кружиться
По степи широкой.

Но напрасны бедной
Тяжкие усилья:
Хищный коршун зорок,
Да и сильны крылья.

Не уйти бедняжке
От когтей злодея:
Взмахи длинных крыльев
Всё сильней, быстрее. . .

Вот уж хищник близко. . .
И одна минута —
Как малютку-птичку
Схватит коршун лютый.

Разве уж помочь мне
Птичке горемычной?!
И ружье направил
Я рукой привычной. . .

Глухо степь дрогнула
С края и до края. . .
И упала птица
Хищная, степная!

1878

150. ИЗ УКРАИНСКИХ МОТИВОВ

В поле гладкая дорога
С Ромен до Полтавы;
И поехал той дорогой
Казачина бравый.

Расковался на дороге
Конь его буланый. . .
Ой, вернися, мой сердечный,
Воротись, желанный!

Без тебя я, мой соколик,
Что былинка в поле,
Свяну, высохну с кручины
В сиротливой доле! . .

Но казак не воротился —
Лишь махнул рукою
Да и сгинул на чужбине
Буйной головою.

<1879>

151. НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ

Приехал барин к кузнецу.
Он был силач немалый;
Своей он силою любил
Похвастаться, бывало.

«Эй, слушай, братец! . . под коня
Мне сделай две подковы:
Железо прочное поставь,
За труд тебе — целковый!

Я нынче с раннего утра
Охотиться собрался;
Уехал из дому, а конь
В до́роге расковался».

Кузнец за дело принялся.
Ведь барин тороватый, —
Так, значит, надо услужить,
Не по работе плата!

Кипит работа, и одна
Подкова уж готова.
Подкову барин в руки взял,
Погнул — и трах подкова! ..

«Железо, братец мой, плохо,
Поставь-ка ты другое:
Не хватит, верно, и на час
Коню добро такое».

Кузнец на барина взглянул
С усмешкою лукавой, —
И вновь подкову он сковал,
Сковал ее на славу.

«Ну, эту, барин, верно, вам
Сломать уж не придется».
И барин вновь подкову взял,
Погнул — не подается.

Он натянулся сколько мог:
Напружились все жилы...
Подкова чертовски стойка —
Сломать ее нет силы.

«Ну, эта, братец мой, прочна,
И куй по этой пробе;
Меня охотники давно,
Чай, ждут в лесной трущобе».

Подкован конь, и в землю бьет
Он новою подковой.
Кузнец за труд смиренно ждет
Обещанный целковый.

«Теперь я смело на коне
Отправлюсь на охоту.
Ну вот, мой милый, получи
Рублевик за работу».

— «Эх, барин, рубль-то нехорош,
Пускай хоть он и новый».
И, взявши в пальцы, как стекло
Кузнец сломал целковый.

Теперь уж барин поглядел
На парня: неказистый,
Лицом невзрачен, ростом мал,
Но жилистый, плечистый.

И вновь достал из кошелька
Ему он два целковых:
«Ну, эти будут хороши,
Хотя и не из новых?»

— «И эти, барин, негодны:
Металл-то не по чести!»
Кузнец и эти два рубля
Сломал, сложивши вместе.

«Ну, я, брат, дам тебе рубли
Теперь иного сорта:
Наткнулся в жизни я впервой
На этакого черта!»

И три рублевки кузнецу
Дает он за работу —
И силой хвастать с этих пор
Покинул он охоту.

Июнь 1879

152. ПЕСНЯ-БЫЛЬ

Ох, сторонка ты, сторонка,
Сторона степная!
Едешь, едешь — хоть бы хата...
В небе ночь глухая.

Задремал ямщик — и кони
Мелкою рысцою
Чуть трусят, и колокольчик
Смолкнул под дугою.

По степным оврагам волки
Бродят, завывая,
В тростниках свою добычу
Зорко выжидая.

«Эй, ямщик! ты дремлешь, милый?
Эдак поневоле
На зубах волков придется
Нам остаться в поле».

Встрепенулся парень, вскинул
Кверху кнут ременный
И стегнул им коренного:
«Эх ты, забубенный!»

И взвились степные кони,
Бешено несутся,
Колокольчика по степи
Звуки раздаются...

Едем, едем — хоть бы хата...
Огонечек в поле...
Отдохнул бы на ночлеге,
Рад бы этой доле!

Вдруг мне молвил, обернувшись,
Мой ямщик удалый:
«Эдак ехать, то в трясину
Угодим, пожалуй!

Здесь лишь чуть свернешь с дороги —
И затонешь живо».
Он сдержал коней — и песню
Затянул тоскливо:

«Ах ты, молодость,
Моя молодость!
Ах ты, буйная,
Ты, разгульная!

Ты зачем рано
Прокатилася,
И пришла старость,
Не спросилася?

Как женил меня
Родной батюшка,
Говорила мне
Родна матушка:

«Ты женись, женись,
Мое дитятко,
Ты женись, женись,
Бесталанный сын!»

И женился я,
Бесталанный сын, —
Молода жена
Не в любовь пришла,

Не в любовь пришла
И не по сердцу,
Не по нраву мне
Молодецкому.

На руке лежит,
Что колодинка;
А в глаза глядит,
Что змея шипит. . .

Ах, не то была
Красна девица,

Моя прежняя
Полюбовница:

На руке лежит,
Будто перышко;
А в глаза глядит —
Целовать велит...»

Ох, сторонка ты, сторонка,
Сторона степная!
У тебя родилась песня,
Песня былевая.

Глубока она, кручинна,
Глубока, как море...
Пережита эта песня,
Выстрадана в горе...

И встает в глазах печальный
Парень предо мною,
Загубивший свою долю
Волею чужою.

Слышу тихие слова я
Матери скорбящей
И рабы безмолвной мужа,
Робкой, всё сносящей:

«Ты женись, женись, мой милый,
Дорогой, желанный!
Ты женись, женись, родимый,
Сын мой бесталанный!»

И женился бесталанный...
Сгибло счастье-доля:
Что любил он, разлучила
С тем отцова воля.

Ох, сторонка ты, сторонка,
Сторона степная!
У тебя кручины-горя
Нет конца и края!

Июнь 1879

153. УМИРАЮЩАЯ ДЕВУШКА

Приподнимите занавеску... Как темно,
Как душно в комнате... Откройте в сад окно
И дайте воздухом весны мне подышать:
О, как не хочется так рано умирать!

Теперь уж зеленью оделися леса,
И птичек вольные звенят в них голоса...
Но мне травы лугов ногой моей не мять...
О, как не хочется так рано умирать!

Зачем весна моя так пышно расцвела
И сердце рано мне разбила и сожгла? ..
Увял мой вешний цвет — не цвесть ему опять...
О, как не хочется так рано умирать!

Что это? .. Гаснет солнца луч или очей
Уж меркнет свет? .. В очах всё сумрачней, темней...
Как сердце сжало мне, как тяжко мне дышать! ..
О, как не хочется так рано умирать!

Июнь 1879

154. И. И. Б ⟨ АРЫШЕ ⟩ ВУ

Живу на южном берегу,
Живу я, друг, скучая,
И песен петь здесь не могу —
Молчит душа больная.

Напрасно я бросаю взор
К тебе, на север дальный,
Но лишь встречаю выси гор
Да моря вид зеркальный.

И мне не виден край родной
И ты, мой друг любимый,
И сердце мне гнетет тоской,
Ничем не одолимой.

Я полетел к тебе бы, друг,
Напрягши все усилья,
Но грудь сжигающий недуг
Мои подрезал крылья.

Как подстреленный ворон, я,
Лишенный прежней силы,
Брожу, на сердце боль тая,
Печальный и унылый.

И жду, что вот придет черед,
И хрупкое созданье
Недуг томительный добьет
И прекратит дыханье.

Ноябрь 1879

155. В УКРАЙНЕ

Садится солнце. Едем тише. . .
Вдали виднеется село.
Чернеют хат беленых крыши
И ветхой мельницы крыло.

Вот подъезжаем, — хаты, хаты
И зелень яркая вкруг хат;
Садочки вишнями богаты,
И сливы зрелые висят.

И там и сям кусты калины,
И мак качает головой,
И рдеют ягоды рябины,
Как щеки девушки степной.

И залюбуешься невольно
Житьем привольным степняка.
«Здесь отпрягай, ямщик, — довольно:
Нам дальше ехать не рука! . .

Знать, люди здесь молились богу;
Смотри: какая благодать! . .

Здесь отдохнем и в путь-дорогу
Тихонько тронемся опять. . .»

Стемнело вдруг. . . Заря алеет,
С лугов прохладою несет,
Зеленой степи даль синеет,
И тихий вечер настает.

С полей вернулися девчата,
Пришли и паробки с работ —
И собрались у ветхой хаты,
Где старый дед-кобзарь живет.

«Сыграй-ка, старый, нам, дедуся, —
Кричат девчата старику, —
Про «Гриця» или про «Марусю»,
Про ту, что кинулась в реку».

— «Ой, надоели вы, девчата», —
Старик ворчит, а сам берет
Со стенки кобзу, и у хаты
Он сел — играет и поет.

Поет, и льется песня стройно
И жжет сердца девчат огнем. . .
А ночка синяя покойно
Плывет над дремлющим селом.

1879

156. ДЕД КЛИМ

Утро. Зорькой золотою
Зарумянился восток,
Из села выходит стадо,
Заливается рожок.

Пробудилася забота,
Принимается за труд,
По селу скрипят ворота,
Бабы по воду идут.

Пробудились в хатах дети,
Как птенцы из-под застрех
Показались, солнцу рады,
Слышен говор их и смех.

— Что ж, ребята, к деду Климу?
Он вчера нам говорил:
«Приходите! рой я пчелок
В новый улей отсадил.

Я вам, детки, этих пчелок
В новом улье покажу,
Накормлю досыта медом,
Сказку новую скажу».

Кто не знает деда Клима, —
Это старый пчеловод! . .
Дом покинул, в лес сосновый
Забрался и там живет.

Летом ходит за пчелами,
Собирает в ульях мед,
А зимой — иное дело:
Дед зимою зайцев бьет.

И в деревню он не ходит,
Надоела, вишь, ему, —
И спросите вы у деда:
Отчего и почему?

Дед ответит как-то тихо:
«Да уж нрав, знать, мой таков —
Не люблю я ссор и брани,
Разных дрязг и пустяков.

Ну, а там соседи, — знаешь,
Уберечься как же тут? . .
И горшок с горшком столкнется. . .
Ну их к богу, — пусть живут! . .

Я люблю свой лес и пчельник,
От деревни я отвык. . .»

Не пытайте — больше слова
Не ответит вам старик.

К деду старому на пчельник
Из соседних деревень
Соберутся ребятишки
И шумят там целый день.

Дед детей сердечно любит,
Не ворчит и не бранит —
То по пчельнику их водит,
То им сказки говорит.

И теперь толпою дети
К деду старому бегут:
Знают дети, что у деда
Ласку встретят, мед найдут.

И бегут они полями
Меж густой, высокой ржи —
И головками кивают
Василечки им с межи.

Хорошо детишкам, любо,
На душе у них светло, —
Солнце ласково так смотрит,
В поле тихо и тепло.

Миновали дети поле,
И бегут они тропой
По заросшей болотине
Под сосновый лес густой.

Вот и лес. И малых деток
Он накрыл, что темный свод,
И смолой своей душистой
Отовсюду обдает.

Чуть шумит вверху соснами
Перелетный ветерок,
Ниже темь и тишь такая...
Что за чудный уголок!

Вот и пчельник деда Клима:
Хатка, садик и прудок —
И угодника Зосима
Над калиткой образок.

За плетнем высоким, частым
Ульи темные стоят,
И над ульями день целый
Пчелы вьются и жужжат.

Старый Клим сидит у хаты;
Точно лунь, он весь седой,
На свои худые руки
Оперся он головой;

От густых, высоких сосен
На него ложится тень. . .
Деда взор так тих и ясен,
Точно светлый летний день.

Знать, чиста душа у деда,
Жизнь прожита не греша,
Что на божий мир он ясно
Смотрит — добрая душа!

Дед, увидя ребятишек,
Усмехнулся и привстал:
«Ну-тко, материны дети!
Марш на пчельник! — на привал!»

Рады ласке ребятишки, —
Детский смех их зазвенел. . .
Пчельник ожил, точно новый
Рой на пчельник прилетел.

Конец 1879

157. ПОЭТУ

Поэт! трудна твоя дорога,
На ней ты радости не жди:
Тебе страдать придется много
И много слез скопить в груди. . .

Но если ты призванью верен —
Иди! Борьбу веди со тьмой:
Будь сердцем чист, нелицемерен
И песни искренние пой.

Тебя унизят, поругают,
И чувства святость оскорбят,
И злобой душу истерзают,
И желчи ядом напоят...

Но ты, в венце своем терновом,
Тебе изранившем чело,
Прости врагам твоим суровым
Тебе содеянное зло!

И, пригвожден к столбу позора
И чуя в сердце желчи яд, —
Не шли за зло врагам укора:
«Они не ведят, что творят!»

1879

158

О счастьи и грезах не пой,
Мой чистый и юный певец.
Не думай, что должен ты петь, как нежный поет соловей, —
Ты трелью не тронешь сердец.
Пусть голос твой, словно стальной,
Поет лишь о бедах, страданьях и нуждах несчастных людей.
И если он будет разбит
О твердый сердец их гранит,
Борьба пусть тебя не страшит,
Пой громче, смелей.

Послушай, мой друг, я хоть стар,
Уверить хотел бы я всех,
Что близко то время, когда мы без всякого страха споем
Ту песнь не для праздных утех,
Не для пошлых забав иль для бар,

Но в бедных страдальцах той песнью вселим мы подъем
И веру, что дружной толпой
За светлой желанной судьбой,
Поверь, соловей нежный мой,
Мы смело пойдем.

1879 или 1880

159

В тихом сумраке лампада
Светом трепетным горит;
Пред иконой белокурый
Внучек с дедушкой стоит.

Говорит ребенку тихо,
Наклоняся, дед седой:
«Помолилися за всех мы,
Мой малютка дорогой.

Помолились за родных мы,
Помолились за чужих,
За людей, почивших в мире,
За трудящихся живых.

Помолились... но забыли
Помолиться мы за тех,
Кто томится в злой неволе
Без отрады и утех.

Чье в тоске сгорает сердце,
Гаснут очи под слезой,
Чья проходит жизнь сурово
За тюремною стеной.

Их не греет божье солнце,
Чуть в оконце им светя...
Так помолимся же богу
Мы за них, мое дитя!

Тяжела, горька их доля,
Скорбь да горе в их груди, —

Нет у них ни светлой веры,
Ни надежды впереди.

Даруй бог им облегченье
В темноте тюрьмы глухой,
Ниспошли им мир душевный
И сердечный дай покой.

Воскреси их упованья,
С горькой долей примири,
Светлой верой и надеждой
Путь их скорбный озари!»

И кладет дитя поклоны
При мерцающем огне
И за дедушкой молитву
Повторяет в тишине.

1878, 1880

160. ЗИМА

Белый снег пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Всё его одело.

Темный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно...

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

Труженик-крестьянин
Вытащил санишки,
Снеговые горы
Строят ребятишки.

Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи,
И избу соломой
Он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.

Он теперь покоен —
Всё кругом укрыто,
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.

Начало 1880

161. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Легкий сумрак ночи
Разлился кругом,
Светят неба очи
Трепетным огнем.

Ходит над дорогой,
Над селом родным,
Месяц светлорогой
Сторожем ночным.

Словно дива-птицы,
В небе облака
Мчатся вереницей;
Чуть журчит река.

Нивы, луг покрыты
Влажною росой;

Дремлет лес, повитый
Грезою ночной...

Тише всё, темнее, —
Не дрогнет листок;
Спит, дохнуть не смея,
Теплый ветерок.

Тишь кругом святая,
Всюду мир, покой...
Спит земля родная,
Сбросив жар дневной...

162. УДАЛОЙ

Перед воеводу
С грозными очами
Молодец удалый
Приведен слугами.

Он для всех проезжих
Страшной был грозою:
Грабил по дорогам
Смелою рукою.

Долго воевода
Взять его старался,
Наконец удалый
Молодец попался.

Перед воеводу
С грозными очами
Приведен он, скован
Крепкими цепями.

Плисовая куртка
С плеч его свалилась,
Над высокой грудью
Буйная склонилась.

По груди из раны
Кровь течет струею, —
Знать, что не дешевой
Куплен он ценою.

Грозно удалому
Молвил воевода:
«Сказывай, какого,
Молодец, ты рода?

Мать, отец кто были,
Что тебя вскормили,
Удальству, разбою
Рано научили?

Говори, сознайся
Ты передо мною:
Много ли удалых
Грабило с тобою?

Говори мне прямо,
Говори открыто,
Где твое богатство
Спрятано, зарыто?»

Перед воеводой
С грозными очами
Молодец удалый
Вдруг встряхнул кудрями.

Смело он рукою
Кудри расправляет,
Воеводе бойкой
Речью отвечает:

«Темный лес — отец мой,
Ночь — мне мать родная,
Удальству учила
Воля дорогая.

У меня удалых
Было только трое,
Что мне помогали
В грабеже, разбое.

Первый мой удалый —
Нож остроточенный,

А второй — тяжелый
Мой кистень граненый.

Третий мой удалый
По полю гуляет:
Он ездою быстрой
Ветер обгоняет.

С ними я в глухую
Ночку потешался —
Смело по дорогам
Грабил, не боялся.

Где ж мое богатство
Спрятано, хранится —
Этого тебе уж,
Видно, не добиться!»

Грозно воевода
Засверкал очами,
И зовет он громко
Стражу с палачами.

Два столба дубовых
Им велит поставить
Да покрепче петлю
Из пеньки исправить.

Сделано, готово;
Стража ждет и ходит
И к столбам дубовым
Молодца подводит.

Молодец не вздрогнет,
Не промолвит слова.
Грозный воевода
Спрашивает снова:

«Слушай же меня ты,
Молодец удалый:
Где твое богатство?
Расскажи, пожалуй.

Верь ты мне, клянуся
Здесь, при всем народе, —
Дам тебе я волю,
Будешь на свободе.

Если хочешь воли,
Расскажи, не мешкай!»
И промолвил громко
Молодец с усмешкой:

«Рассказать нетрудно.
Слушай, да не кайся,
И моим заветным
Кладом разживайся!

Всё мое богатство —
Можно побожиться —
В тереме высоком
У тебя хранится.

Ты сердечной тайны
Жениной не знаешь
И мое богатство
Крепко сберегаешь.

Ты ходил в походы,
Воевал с врагами —
Я с твоей женою
Пировал ночами.

Весело я с нею
Проводил те ночи,
Целовал уста ей,
Целовал ей очи...»

1862 или 1863

163. ПРАВЁЖ

Зимний день. В холодном блеске
Солнце тусклое встает.
На широком перекрестке
Собрался толпой народ.

У Можайского Николы
Церковь взломана, грабеж
Учинен на много тысяч;
Ждут, назначен тут правеж.

Уж палач широкоплечий
Ходит с плетью, дела ждет.
Вот, гремя железной цепью,
Добрый молодец идет.

Подошел, тряхнул кудрями,
Бойко вышел наперед,
К палачу подходит смело, —
Бровь над глазом не моргнет.

Шубу прочь, долой рубаху,
На «кобылу» малый лег...
И палач стянул ремнями
Тело крепко поперек.

Сносит молодец удары,
Из-под плети кровь ручьем...
«Эх, напрасно погибаю, —
Не виновен в деле том!

Не виновен, — церкви божьей
Я не грабил никогда...»
Вдруг народ заволновался:
«Едет, едет царь сюда!»

Подъезжает царь и крикнул:
«Эй, палач, остановись!
Отстегни ремни «кобылы»...
Ну, дружище, поднимись!

Расскажи-ка, в чем виновен, —
Да чтоб правды не таить!
Виноват — терпи за дело,
Невиновен — что и бить!»

— «За грабеж я церкви божьей
Бить плетями осужден,

Но я церкви, царь, не грабил,
Хоть душа из тела вон!

У Можайского Николы
Церковь взломана не мной,
А грабители с добычей
Забралися в лес густой;

Деньги кучками расклали...
Я дубинушку схватил —
И грабителей церковных
Всех дубинушкой побил».

— «Исполать тебе, детина! —
Молвил царь ему в ответ. —
А цела ль твоя добыча?
Ты сберег ее иль нет?»

— «Царь, вели нести на плаху
Мне головушку мою!
Денег нет, — перед тобою
Правды я не утаю.

Мне добычу эту было
Тяжело тащить в мешке;
Видно, враг попутал, — деньги
Все я пропил в кабаке!»

1872

164. САДКО

1. САДКО В НОВЕГОРОДЕ

1

На святой Руси, в Новегороде,
Жил богатый гость, звали Садкою;
Прежде Садко был бедняком-бедняк,
А потом казну мерил кадкою.

Где же Садко так разжился казной,
Отчего же так Садко стал богат? ..
Садко был гусляр, на пирах играл;
Садке грош дадут — Садко грошу рад.

Раз он ходит день — не зовут играть,
Ходит он другой — хоть бы кто позвал,
И на третий день Садке зову нет,
На четвертый день Садко грустен стал.

Он пошел тогда к Ильмень-озеру,
И над озером Садко стал играть;
Звуки чудные полились, дрожат —
Встрепенулася озерная гладь.

Всколыхнулося Ильмень-озеро —
И подводный царь перед Садкой встал,
Говорит ему: «За игру твою
Наградить хочу, — хорошо играл!

Награжу тебя, будешь в почести,
Золотой казной будешь ты богат.
Ступай в Новгород, бейся, Садко, ты
С новгородцами на велик заклад.

Заложи ты им свою голову —
А они в заклад пусть кладут товар, —
Что поймаешь ты в Ильмень-озере
Золотых трех рыб, золотых, как жар.

Как побьешься ты с новгородцами
На велик заклад — приходи сюда,
Закинь в озеро невод шелковый, —
Золотых трех рыб тебе дам тогда».

Всколыхнулося Ильмень-озеро,
Всколыхнулося во всю ширь и мочь —
И подводный царь под водой исчез,
И от озера пошел Садко прочь.

Входит в Новгород — Садко ждут давно
На почестный пир поиграть, попеть,

Зеленым вином Садко потчуют,
С зелена вина Садко стал хмелеть.

Захмелевши, он стал похвастывать,
На честном пиру похваляться стал,
Будто знает он чудо чудное,
Будто чудо то он не раз видал:

«В Ильмень-озере есть три рыбины,
Чиста золота чешуя на них».
Купцы Садке в том не поверили,
Говорят ему: «Нету рыб таких».

— «Я кладу в заклад свою голову, —
Говорит Садко богачам-купцам, —
Вы кладите же свой товар в заклад, —
Золотых трех рыб я поймаю вам».

На такой заклад трое вызвались,
Бились с Садкою на весь свой товар.
И связал Садко невод шелковый —
И поймал трех рыб, золотых, как жар.

И забрал Садко у купцов товар,
Стал в Новгороде Садко торг вести,
Нажил он казны, что и сметы нет, —
И в Новгороде Садко стал в чести.

2

Распахнув шубу меха куньего,
Раз идет Садко по Новгороду;
Входит на площадь он торговую,
Стал на площади, гладит бороду.

Заломив шапку соболиную,
Пред купцами он похваляется:
«Богачи, купцы новгородские!
Кто со мной казной потягается?

На казну свою я в Новгороде
Захочу — скуплю весь, что есть, товар,

До последнего горшка битого, —
Будет Новгород что пустой базар.

На другой-то день в Новегороде
По пустым рядам буду я ходить,
И у вас, купцы новгородские,
Будет нечего мне тогда купить».

Богачи, купцы новгородские,
На слова Садки подивилися,
В похвальбе ему поперечили,
На большой заклад с ним побилися,

Что не скупит он весь, что есть, товар, —
Без товару им не бывать, купцам,
И не быть тому в Новегороде,
Чтоб ходил Садко по пустым рядам.

Садко утром встал, призывает слуг,
Оделяет их золотой казной,
Посылает их по Новгороду,
Чтоб скупить товар весь, где есть какой.

Разославши всех, Садко сам пошел:
Сыплет золотом, по рядам идет,
Закупает всё чисто-начисто,
Закупает всё, что метлой метет.

Время к вечеру, и в Новгороде
Ничего купить не осталося,
И по улицам Новагорода
Кой-какая дрянь лишь валялася.

На другой же день Садко утром встал,
По Новгороду посмотреть пошел —
И товару в нем вдвое прежнего;
Всё опять скупил, что метлой подмел.

Вот на третий день Садко утром встал,
По Новгороду посмотреть идет —
А товару в нем понакладено
Втрое прежнего, — Садку зло берет.

Призадумался Садко, видит он,
Что приходится свой заклад пробить,
Что Новгороду не бывать пустым,
Что товары в нем не повыкупить.

И пошел Садко прямо на площадь,
Пред купцами он свою шапку снял,
Поклонился им низко-нанизко,
Поклонившися, Садко так сказал:

«Богачи, купцы новгородские!
Похвалился я, что казной богат;
Нет, не я богат, богат Новгород, —
Получайте вы от меня заклад!»

За слова свои похвастливые
Выдавал Садко им заклад большой,
Отсыпал Садко богачам-купцам
Ровно тридцать мер золотой казной.

1871

2. САДКО У МОРСКОГО ЦАРЯ

1

Едет Садко-купец на своих кораблях
По широкому синему морю;
Расходилась вдруг буря на синих волнах
Ко великому Садкину горю.

Ходит буря, ревет, корабли набок гнет,
Паруса рвет на мелкие части,
За волною волна в синем море встает,
И трещат корабельные снасти.

Струсил Садко-купец пред бедою такой
И поник головою в кручине:
Не придется, знать, Новгород видеть родной,
А придется погибнуть в пучине.

Говорит он дружине своей удалой:
«Много лет мы по морю ходили,
А морскому царю дани мы никакой
За проход кораблей не платили.

Знать, за это на нас рассердясь, царь морской
Причинить хочет злое нам горе.
Вы берите бочонок с казной золотой
И бросайте его в сине море».

И дружина бочонок с казной золотой
В волны синего моря кидает...
Волны, пенясь, кипят над морской глубиной,
Корабли, точно щепки, швыряет...

Видит Садко, что море всё больше бурлит,
Всё сильней и сильнее клокочет,
И дружине своей удалой говорит:
«Видно, царь головы данью хочет!

Так давайте же, братцы, кидать жеребья —
Кому жертвою быть синю морю;
Если ваш, то быть вам, если мой — буду я,
И кидайте меня — не поспорю».

Все берут жеребья, Садке в шапку кладут,
Садко в море с своим их кидает.
Жеребья всей дружины не тонут — плывут,
Только Садкин ко дну упадает.

«Выпал жеребий мой морю жертвою быть,
Заплатить дань своей головою;
Без меня к Новугороду, братцы, вам плыть,
Увидаться с сторонкой родною.

Посадите меня на дубовой доске,
Дайте гусли мои золотые,
На дубовой доске и с гуслями в руке
Опустите на волны морские».

На дубовой доске посадили его
И на синее море спустили;
Не взял Садко с собою добра ничего,
С ним одни его гусельки были.

И затихла вдруг буря на синих волнах,
Улеглася морская пучина.
И без Садки-купца на его кораблях
Понеслася по морю дружина.

2

На морской глубине, в светлом царском дворце
Ходят рыбы-киты и дельфины
И седые усы у царя на лице
Очищают от грязи и тины.

С неба солнца лучи светят в царский дворец,
Зажигают огни-изумруды.
Вот в палаты царя входит Садко-купец,
За плечом у него звонкогуды.

«А! здорово, дружище! давно тебя ждем, —
Молвил Садке морской царь, зевая,
Рот широко раскрыв и зубчатым жезлом
Прочь придворных своих отгоняя. —

Много лет ты возил на своих кораблях
Нашим морем без дани богатство, —
Так за это потешь ты игрой на гуслях
Нашу царскую милость в приятство».

Садко кудри с лица прочь рукою отвел,
Взял он гусли свои звонкогуды,
И придворных царя смелым взглядом обвел
И подумал себе: «Да, не худы!»

«Ладно! — молвил царю, — я потешить непрочь
Вашу царскую милость игрою».
И хватил по струнам во всю русскую мочь —
Моря гладь заходила волною.

Царь ладонями уши закрыл и кричит:
«Что за черт, за игра за такая?
Она царский наш слух нам совсем оглушит,
Это шутка для нас, брат, плохая!»

Садко руку отвел, замирает струна,
Звуки тихие чуть издавая, —
Над морской глубиной улеглася волна,
Перед солнцем горя и сверкая.

Точно муха, кружась, зацепляет струну,
Точно мошки, жужжа, где-то вьются,
Точно капли дождя тихо бьют о волну, —
Звуки стройные, чудные льются.

Точно кто-то, рыдая, глубоко скорбит
О потерянном счастье когда-то,
Точно тихая речь чья-то грустно звучит
О погибшей любви без возврата.

И под звуки игры у морского царя
Голова наклонилась седая;
Хороша, как поутру на небе заря,
Загрустилась царица морская.

Ей припомнился Новгород вольный, родной,
Ее девичья вышка-светлица,
Что стояла над Волховом, быстрой рекой.
И рыдает морская царица.

Загубил ее век — золотые деньки —
Сын боярский, свенчавшись с другою;
Она бросилась в Волхов-реку от тоски,
Да и стала царицей морскою.

И придворные все, рот разинув, ревут,
Точно горе какое стряслося,
И из рыбьих их глаз слезы льются, текут:
Всласть впервой им поплакать пришлося.

Садко дернул плечом и кудрями тряхнул —
И забегали пальцы быстрее,
И от струн побежал одуряющий гул,
Звуки льются живей и живее.

Точно дождик шумит, точно скачет волна,
Ударяясь о берег скалистый,
Зазвенела морская кругом глубина,
Понеслись гоготанье и свисты.

Ошалел царь морской, головою трясет,
Плечи сами собой так и ходят,
И руками вертит, и ногами толчет,
И, моргая, глазами поводит.

Скачет царь водяной, ходит фертом кругом,
И полой своей шубы он машет,
По хрустальным палатам вертится вьюном,
Приседает и с присвистом пляшет.

Садко день проиграл, проиграл и другой —
Звуки прыгают, скачут, дробятся;
Всё сильней и сильней пляшет царь водяной,
Так что начал дворец весь шататься.

Над морской глубиной волны, пенясь, кипят
И, свистя, друг на друга несутся,
И трещат корабли, мачты в воду летят,
Крики, стоны кругом раздаются.

Корабельщики все пред бедою такой
Затужились о ждущей их доле,
Что придется погибнуть им в глуби морской,
И взмолились святому Николе.

3

Два дня Садко играл и играет еще,
На щеках разгорелся румянец. . .
Кто-то Садку рукой тихо дерг за плечо. . .
Глядь — стоит перед ним седой старец.

«Перестань на звончатых ты гуслях играть, —
Говорит ему старец сурово, —
Нечестно православной душе потешать,
Непригоже — царя водяного».

— «Не моя, старче, власть на морской глубине, —
Я в воде здесь слуга подневольный,
И, играя, грущу по родной стороне,
Человек Новагорода вольный.

Не охотой попал на морское я дно,
С водяным мне не радость возиться,
Я и сам перестал бы играть уж давно,
Да ведь как от игры мне отбиться?»

— «А ты вырви колки из гуслей золотых,
Зашвырни ты их в море далече,
Возьми струны порви и скажи: нет других,
На чем стану играть, человече?

Будет царь водяной тебя в море женить,
Будет дочек давать тебе в жены —
Не бери, а то в море останешься жить,
Не увидишь свет вольный, крещеный.

Не прельщайся ты, Садко, морской красотой,
Хороши царя дочки на славу;
У царя водяного возьми ты женой
Некрасивую девку Чернаву.

И когда после свадьбы отправишься спать
Со своей молодою женою,
Ты не смей ее, Садко, ласкать, обнимать,
Не целуй — захлебнешься волною.

А когда спать ты ляжешь в палатах царя,
От жены молодой отвернешься, —
А как только поутру займется заря,
В Новегороде вольном проснешься».

Старец стал невидим. Садко струны рванул —
На гуслях точно струн не бывало,
И замолк под водою рокочущий гул,
И в палатах царя тихо стало.

Перестал царь морской и скакать и плясать,
Говорит так он Садке с грозою:
«Что ж ты, Садко, умолк, или нас потешать
Не желаешь ты больше игрою?»

— «Я бы тешить непрочь, да ведь как же мне быть, —
На губах наиграешь не много...
Царь, порвались все струны, других захватить
Не пришло мне в умишко убогой».

— «Делать нечего, вижу, вина не твоя,
А хотелось еще поплясать бы, —
Уж утешил бы всех своей пляскою я,
А особенно в день твоей свадьбы.

За игру твою, Садко, хочу наградить,
За большую услугу такую:
Я хочу тебя, Садко, на дочке женить,
Из царевен облюбишь какую».

— «Нет уж, батюшка царь, не изволь награждать, —
Награжденье твое — мне кручина,
Мне царевна морская женой не под стать, —
Я простой новгородский людина.

Для простого людина мне честь велика —
Взять женою царевну морскую.
Подопью иногда, раззудится рука —
Ни за что твою дочку отдую.

За царевною нужен великий уход,
Обувать, одевать — нужны слуги,
А для этого скуден мой будет доход, —
Не возьму твою дочку в супруги.

Царь, мне надо жену вот такую бы взять,
    Чтобы с ног сапоги мне снимала;
Как побью иногда, чтобы стала молчать,
    Говорить предо мной не дерзала.

Чтобы делала то, что ей делать велю,
    Моему не перечила б нраву;
Дай ты в жены мне лучше прислугу твою,
    Некрасивую девку Чернаву».

И женил его царь на Чернаве рябой,
    На нечесаной девке косматой;
Сорок бочек казны за Чернавой-женой
    Дал в приданое царь тороватый.

После свадьбы лег Садко в палатах царя,
    От жены молодой отвернулся,
И как только поутру зажглася заря,
    В Новегороде вольном проснулся,

И над Волховом, быстрой рекою, стоит,
    Недалеко от дома родного,
И пред ним сорок бочек с казною лежит,
    Награжденье царя водяного.

Вот и Садки суда принеслись по волнам,
    Удивленье дружине — загадка,
Что за чудо такое? — не верят глазам —
    Как ни в чем не бывал, стоит Садко.

1872

165. НЕМОЧЬ

1

Затужился, запечалился
Муж Терентий, сокрушается,
Ходит взад-вперед по горенке
Да кручиной убивается.

У Терентья, мужа старого,
Злое горе приключилося:
У жены его, красавицы,
Злая немочь расходилася.

Началась она с головушки,
Ко белым грудям ударилась,
Разлилась по всем суставчикам...
Брал он знахарку — не справилась.

И поили бабу травами,
И в горячей бане парили,
И с угля водою прыскали,
Да злой немочи не сбавили.

Немочь, знай, над бабой тешится,
Неподатная, упорная;
Знать, что немочь та не пришлая,
А людями наговорная...

2

Хороша жена Терентьева:
Заглядишься, залюбуешься;
Немочь злую ее видючи,
Разгрустишься, растоскуешься.

Вот лежит она в постелюшке,
Грудь высоко поднимается,
И ее густая косынька
По подушке рассыпается.

Жаром пышут щеки белые,
И под длинными ресницами
Очи черные красавицы
Блещут яркими зарницами.

Руки полные раскинуты,
Одеяло с груди сбилося,
Прочь с плеча рубашка съехала,
И полгруди обнажилося.

«Ох, Терентий-муж, Данилович,
Тяжело мне, нету моченьки! —
Говорит она, вздыхаючи,
На него уставя оченьки. —

Ты сходи-ка в ту сторонушку,
Где игрой гусляры славятся;
Пусть меня потешат песнями, —
Может, немочь и убавится».

Молодой жене Данилович
Не перечит, собирается;
Взявши шапку, за гуслярами
В дальний город отправляется.

8

Ходит муж Терентий городом,
Выбивается из моченьки,
А гусляров не видать нигде...
Время близко темной ноченьки.

Еле двигает Данилович
Свои ноженьки усталые;
Вот ему навстречу с гуслями
Идут молодцы удалые.

Идут молодцы удалые,
На гуслях своих играючи,
Звонкой песнею потешною
Люд честной позабавляючи.

Поклонился им Данилович:
«Ой вы, ой, гусляры бравые!
Причинили мне невзгодушку
Люди злые и лукавые.

Помогите мне в кручинушке,
Что нежданная случилася:
У жены моей, красавицы,
Злая немочь расходилася».

Рассказал им всё Данилович,
Как и что с женой случается,
Как она в постеле мечется,
Как огнем вся разгорается.

«Да, печаль твоя великая,
Сокрушеньице немалое!..
Что ж, мы немочь бабью вылечим,
Дело это нам бывалое.

Полезай в мешок холстиновый
И лежи в нем без движения;
Коль не хочешь — не прогневайся, —
Не возьмемся за лечение.

Мы пойдем в твои хоромины,
Словно с ношею тяжелою,
Потешать твою хозяюшку
Пляской бойкою, веселою.

Свой мешок под лавку бережно
Сложим мы, как рухлядь мягкую,
Станем петь, а ты смирнехонько
Притаись — лежи под лавкою.

Трудно будет мужу корчиться,
Да зато жена поправится,
От своей мудреной немочи
Навсегда она избавится».

4

Под окном жены Терентьевой
Ходят молодцы, играючи,
Мужа старого, Данилыча,
На плечах в мешке таскаючи.

Их игру жена Терентьева
Услыхала, поднимается,
И к окну она из спаленки
Скоро-наскоро бросается.

«Ой вы, молодцы удалые!
Вы, гусляры поученые!
Ваши песенки потешные!
Ваши гусли золоченые!

Вы Терентья не видали ли,
Не видали ли немилого,
Мужа старого, Данилыча,
Пса смердящего, постылого?»

— «Не тужи, жена Терентьева,
Что ты старому досталася, —
Не тужи, вернулась волюшка:
Ты одна-одной осталася.

Твой Терентий-муж, Данилович,
В чистом поле под ракитою,
Меж колючего репейничка,
С головой лежит пробитою.

Над седой его головушкой
Черный ворон увивается,
Да вокруг его пушистая
Ковыль-травонька качается...»

5

Молода жена с гуслярами
Песней, пляской забавляется,
А Терентий-муж под лавкою
Чуть в мешке не задыхается.

Ходит баба вдоль по горенке,
Пол подолом подметаючи,
Мужа старого, Данилыча,
Проклинаючи, ругаючи.

«Уж ты старый пес, Данилович,
Спи ты в поле под ракитою!
Я потешусь, молодешенька,
Вспомню молодость забытую!

Спи ты, тело твое старое
В чистом поле пусть валяется,
Пусть оно дождями мочится
Да песками засыпается.

Загубил мою ты молодость,
Света-волюшки лишаючи,
За дверями, под запорами
Красоту мою скрываючи...»

— «Эй, ты слышишь ли, Данилович,
Как жена здесь разгулялася,
Как ей весело да радостно,
Что ей волюшка досталася?

Над твоей она над старостью,
Муж немилый, издевается...»
И не вытерпел Данилович —
Из-под лавки поднимается.

Молода жена Терентьева
Побелела, зашаталася,
А из спаленки красавицы
Стенкой немочь пробиралася.

Миг один — и немочь скрылася...
Не поймаешь вольну пташечку!
Только видел муж Данилович
Кумачевую рубашечку...

1873

166. КАНУТ ВЕЛИКИЙ

Задумчив и скучен гуляет Канут
По берегу моря со свитой;
Тяжелые мысли Канута гнетут,
Виденья прошедшего грозно встают
В душе его, скорбью убитой.

Он властью других превзошел королей,
Далёко гремит его слава,
И много обширных земель и морей
Имеет Канут под рукою своей, —
Но многое до́был неправо.

Он грозный властитель и храбрый боец,
Его не пугает измена,
Незыблем его королевский венец;
Но многою кровью свой меч-кладенец
Омыл он, суровый сын Свена.

Тоска его сердце немолчно грызет;
Могучий, он царствовал славно,
Но властью своей угнетал он народ,
Но кровь неповинных к тому вопиет,
Кого он узнал лишь недавно.

Навек он отрекся от веры отцов,
Язычника грозный наследник,
И нет в нем жестокости прежней следов;
Но тщетно завет благодатный Христов
Ему возвестил проповедник!

Когда он крестился во имя отца,
И сына, и духа святого —
Свершилося втайне прозренье слепца:
Его озарило судьи и творца
Святое великое слово.

Гладь синего моря тиха и светла,
Вечерней зарею алеет;
Но смутен властитель, в душе его мгла,
Ему королевская власть не мила,
Былое над ним тяготеет.

Придворные видят, что надо развлечь
Упорную скуку владыки
И бремя печали с Канута совлечь;
И вот начинают хвалебную речь:
«Что грустен, король наш великий?

Что значит твой скучный и сумрачный вид?
Ты счастлив, король величавый!
Все царства земные возьмешь ты на щит!
Весь мир золотыми лучами покрыт
Тебя озаряющей славы!

И в мирное время и в грозной борьбе
Величье твое неизменно.
Ты стал повелителем самой судьбе.
Весь Север под властью твоею. Тебе
Нет равного в целой вселенной!»

Но к льстивым речам равнодушен Канут,
Утехи он в них не находит.
К ногам его синие волны бегут
И пеной морскою его обдают.
Всё ближе к волнам он подходит.

«Глядите, глядите! — льстецы говорят, —
Как волны морские покорно
Ложатся к ногам повелителя в ряд.
Глядите! и волны с Канута хотят
Смыть тень его грусти упорной!

Дивимся мы власти его и уму.
Кто в мире так силен и славен?
Он в жизни своей покорялся кому?
Но даже стихии покорны ему...
Он бог, он создателю равен!»

Тогда обратился властитель к льстецам
И молвил им грустно и строго:
«Не богу ль я равен, по вашим словам?..
Возможно ль утихнуть шумящим волнам
По воле могущего бога?»

В смущении свита стоит перед ним.
Придворные шепчут тревожно:
«Ответить нам должно, ответом своим,
Быть может, мы грусть короля усладим».
И все восклицают: «Возможно!

И волны воздать тебе славу и честь
Со страхом должны непритворным!»
Противна Кануту бесстыдная лесть!
И царское кресло на берег принесть
Велит он смущенным придворным.

На месте, куда достигает прилив,
Он кресло велит им поставить.
Поставлено кресло. Он сел, молчалив.
Льстецам он докажет, их лесть посрамив,
Что с небом опасно лукавить.

И вот, обратившись к шумящим волнам,
Канут говорит им: «Я знаю,
Что вы покоряетесь божьим словам.
Смиритесь! Я двигаться далее вам
На берег морской запрещаю!»

Сидит неподвижно могучий Канут,
Придворные жмутся в тревоге;
А волны морские растут и растут,
Одна за другою на берег ползут
И лижут Канутовы ноги.

Холодные брызги в придворных летят,
Одежда их пеной покрыта,
Шумящие волны им смертью грозят...
И прочь от Канута со страхом назад
Бежит посрамленная свита!

Их гонит суровый ревущий прибой,
Опасность льстецов испугала.
Канут поднялся, упираясь ногой, —
И кресло его набежавшей волной
В открытое море умчало.

Всё громче ревет и бушует вода,
И мечутся волны сердито.
Нельзя уже с ними бороться! Тогда
Король отступил — и подходит туда,
Где в страхе столпилася свита.

«Теперь вы скажите, — Канут говорит, —
Мне, верные слуги, велик ли
Король ваш божественный?..» Свита молчит;
Терзает льстецов опозоренных стыд, —
Они головами поникли.

Страх близкой опалы уста заковал
Им, гневом владыки убитым.
«Язык ваш лукавый меня приравнял
К тому, кто мне силу и власть даровал, —
Сурово король говорит им. —

Над нами святая небес благодать,
Дано нам создателем много;
Но знайте: движеньем стихий управлять
И море в границах его удержать —
Во власти единого бога».

1874

167. В ОСТРОГЕ

(Из поэмы «Беглый»)

Угрюма камера замкнутая острога,
Как зверя дикого огромная берлога.
Нависший потолок, и стены, и углы
Покрыты сыростью и плесенью, как мазью;
Кирпичный пол меж нар залеплен слизкой грязью...
Немолчный гам стоит, бряцают кандалы,
Пропитан воздух весь прогорклой смесью чада
С испариною тел и гнили; там и тут
Дымятся ночники вонючие... Как стадо,
Здесь заперт до утра острожный буйный люд...

Здесь заперт страшный зверь, стоустый, стоголовый:
Нет света и любви в душе его суровой,
В ней злоба на людей, в ней царство вечной тьмы.
Как волк подстреленный, в наморднике железном,
Рычит острожный люд, желаньем бесполезным
Томимый — погулять подальше от тюрьмы,

На воле рыскать вновь... Неужли в этом звере
Ничем не скажется погибший человек?
Неужли от себя, вступивши в эти двери,
Всё человечное навеки он отсек?..

. . . .

И в этой кутерьме, над этим страшным гамом
Вдруг песня поднялась высоко, как волна...
Послушаем ее — ведь мы привыкли к драмам, —
Быть может, что-нибудь расскажет нам она.

ПЕСНЯ

Ты шуми, шуми, дубровушка,
Грусть-кручину заглуши!
Только в бурю сердцу весело,
Не томит тоска души.

Ты не пой мне, пташка, песенку
Об родимой стороне;
Только песни ветра буйного
Любо ночью слушать мне.

Пусть зовут меня разбойником, —
Я людей губить не мог...
Не разбой, а бедность лютая
Привела меня в острог.

Посадили добра молодца,
Чтоб не крал, не воровал,
У прохожих на дороженьке
Кошельков не отнимал.

Из тюрьмы глухой я вырвался
И скитаюся в лесах;
Но и здесь я в злой неволюшке,
Хоть живу и не в стенах.

Я скрываюсь, вспоминаючи
Про голубушку-жену;
Сердце кровью обливается,
Жизнь и долю я кляну.

Терпит муку, горемычная...
Но еще того страшней
Вспоминать мне мать родимую
И покинутых детей.

Я пойду ль в село родимое —
Сыщут вора на дому,
Скрутят руки молодецкие,
Отведут меня в тюрьму.

Для чего бежал-бродяжничал,
Мне велят держать ответ...
Свет велик, да что мне радости?
В нем бродяге места нет.

Певец острожный смолк; но песни этой звуки,
В замкнутой камере напомнив о разлуке
С родимой стороной, о светлых днях былых,
О вольной волюшке, о роще и дубровах,
Отозвались в сердцах острожников суровых
И, смолкнув в тишине, носились долго в них.
И этот буйный зверь, который бесновался
За несколько минут, затих и присмирел:
Как слабое дитя, он чувству покорялся
И заглушить его не мог и не хотел.

А тот, кто песню пел, бежавший из Сибири
Бродяга, был один, казалось, в целом мире;
Не слыша ничего, задумчиво поник
Он русой головой и вниз глядел угрюмо...
Какая в этот миг его томила дума?
Что колыхнуло в нем заглохших чувств родник?
От скуки и тоски запел ли он случайно,
Иль горе тайное высказывал свое?..
Прошедшее его покрыто было тайной,
Он от чужих людей сберечь умел ее.

Не выдал он себя ни словом, ни намеком,
Но мыслью жил всегда в былом своем далеком;
Суровый и скупой на лишние слова,
Он душу открывал товарищам немногим,

Наедине грустил и к судьям нашим строгим
Являлся простаком, не помнящим родства.
Острожный люд любил несчастного собрата,
Хотя никто не знал, что́ он в душе своей
Заботливо таил; но мнилось, что когда-то
Бродяга этот был не лишний меж людей.

Быть может, он носил немало преступлений
На совести своей... Порой ложились тени
На бледное лицо и взор сверкал огнем...
Кто примечал за ним в те редкие мгновенья,
Тот чувствовал и страх и сожаленье...
Ведь этот человек, худой, с высоким лбом,
Отрекся от всего, что дорого и любо,
Что мило для людей, — от родины святой,
От имени, семьи, — и, всё отвергнув грубо,
Он стал между живых могилою немой...

А вечер между тем мучительно тянулся.
Острожный люд от дум тяжелых встрепенулся,
Как будто сожалел о слабости своей,
О том, что жизни ход, суровый и обычный,
Нарушил тишиной и грустью непривычной, —
Такая тишина для совести страшней
Допросов и суда... Не лучше ль буйным смехом
Тот голос искренний и грустный заглушить,
Который прогремел в душе преступной эхом,
И сразу оборвать ненужных мыслей нить!..

И снова крик, и брань, и хохот... Настроенье
Минутное прошло... Луч света на мгновенье
Блеснул из темных туч над бездной — и потух...
Блудящий огонек пронесся мимолетом
Над сумрачным, гнилым, заброшенным болотом —
И скрылся... Громкий крик немолчно режет слух.
Тот глупой остротой, другой нахальной сплетней
Спешат себя развлечь, стараясь об одном,
Что время как-нибудь тянулось незаметней...
И так проходит жизнь острожных день за днем!..

1875

168. БОГАТЫРСКАЯ ЖЕНА

1

Князь Владимир стольно-киевский
Созывал на пир гостей,
Верных слуг своих — дружинников,
Удалых богатырей.

Звал их яства есть сахáрные,
Пить медвяные питья;
И сходились гости званые,
И бояре и князья.

Много было ими выпито
Искрометного вина;
То и дело осушалися
Чаши полные до дна.

Обходил дружину храбрую
С хмельной брагой турий рог;
Только хмель гостей Владимира
Под столы свалить не мог.

Вот, как вполсыта наелися
И вполпьяна напились,
Гости начали прихвастывать,
Похваляться принялись.

Кто хвалился силой крепкою,
Кто несметною казной,
Кто своей утехой сладкою —
Богатырскою женой.

Кто товарами заморскими,
Кто испытанным конем...
Лишь Данило призадумался,
Наклонившись над столом.

На пиру великокняжеском
Он не хвалится ничем;

И насмешливо дружинники
Шепчут: «Глух он али нем?»

— «Ты почто, скажи, задумался? —
Князь Даниле говорит. —
Взор твой ясный темной думою,
Словно облаком, покрыт.

Али нет казны и силушки
У тебя, Данило-свет?
Платье ль цвётное изношено?
Аль жены-утехи нет?»

Встрепенулся свет Денисьевич,
Молвя князю: «Всем богат;
А своей я темной думушке,
Добрый княже, сам не рад.

На твоем пиру на княжеском
Собеседник я плохой;
И тебе я, княже, кланяюсь:
Отпусти меня домой.

Отчего — я сам не ведаю,
Грусть взяла меня теперь!..»
Встал Данило, князю-солнышку
Бил челом — и вышел в дверь...

2

И дружине молвил ласково
Князь Владимир, поклонясь:
«Все вы, други, пережены,
Не женат лишь я, ваш князь.

Между вами обездоленным
Я хожу холостяком:
Помогите же, товарищи,
Мне в несчастии таком.

Приищите мне невестушку,
Чтобы ласкова была,

И смышлена в книжной грамоте,
И румяна, и бела.

Чтоб женой была мне доброю,
Доброй матушкою вам,
Чтоб не стыдно государыней
Звать ее богатырям».

Князь умолк, и призадумались
Все его богатыри:
Сватом быть для князя стольного
Трудно, что ни говори!

Лишь Мишата не задумался:
«На примете есть одна, —
Молвил он, — лебедка белая,
Богатырская жена.

То жена Данилы славного.
Уж куда как хороша
Василиса свет Микулишна,
Раскрасавица-душа!

Ясны очи соколиные,
Брови соболя черней;
В целом городе Чернигове
Василисы нет умней.

Не уступит мужу книжному
В русской грамоте она,
И петью-четью церковному
Хорошо обучена».

С грозным гневом на Путятича
Князь Владимир поглядел:
«Спьяну, что ль, заговорился ты
Али в петлю захотел?

Разве я лишился разума?
Разве зверь я али тать?
От живого мужа можно ли
Мне жену насильно взять?»

Не сробел Мишата, вкрадчиво
Князю молвил он в ответ:
«Князь Данило ходит по́д богом —
Нынче жив, а завтра нет.

Коль слова мои не по сердцу,
То казнить меня вели;
Только прежде поохотиться
В лес Денисьича пошли.

В темных дебрях под Черниговом
Зверя тьма, а лову нет:
Прикажи поймать Денисьичу
Злого тура на обед.

На охоте всё случается:
С буйным зверем труден бой,
И не взять его охотнику,
Княже, силою одной».

Понял князь Владимир Киевский
Смысл лукавых этих слов,
И писать к Даниле грамоту
Он призвал своих писцов.

Те писцы писали витязю,
Чтобы он в лесах густых
Ради князя поохотился
На зверей и птиц лесных.

Поискал бы тура дикого,
С поля взял его живьем.
И отправил князь Путятича
С этой грамотой послом.

8

В светлом тереме Даниловом,
Призадумавшись, одна
У окна сидит красавица,
Богатырская жена.

Муж уехал поохотиться
В бор Черниговский чем свет;
Вот уж время близко к вечеру,
А Денисьича всё нет.

Скучно ей одной без милого,
Грусть-тоска ее томит...
Вдруг услышала: у терема
Раздается стук копыт.

Гость нежданный и непрошеный
У Даниловых ворот,
Привязав коня усталого,
Скоро к терему идет.

Не спросился слуг невежливый
Володимиров посол:
Он в светлицу бездокладочно
С княжьей грамотой вошел.

Василиса гневно встретила
Неучтивого посла
И неладным смердом княжеским,
Рассердившись, назвала.

А Путятич молвил, до земли
Василисе поклонясь:
«Не гневися, государыня,
Что вошел я не спросясь.

Не своей сюда охотою
Я приехал: князь велел;
В терем твой без воли княжеской
Я войти бы не посмел.

К твоему Даниле грамоту
Князь велел мне отвѐзти:
Получи; а за невежливость,
Государыня, прости».

Василиса закручинилась,
Прочитав княжой приказ:

Побелели щеки алые,
Слезы хлынули из глаз.

Поняла она из грамоты,
Что недоброе в ней есть,
Что замыслил князь Денисьича
Злою хитростью известь.

Кличет слуг к себе Микулишна
И велит седлать коня.
«Снаряжайте, слуги верные,
К мужу в поле вы меня!

Дайте платье молодецкое,
Принесите лук тугой!
Сердце чует горе лютое
И дрожит перед бедой...»

И катились слезы горькие
Крупным градом по лицу.
Слуги верные ретивого
Привели коня к крыльцу.

На коня она садилася,
Взяв колчан каленых стрел,
И, едва земли касаяся,
Конь, как вихорь, полетел.

4

Над собой беды не ведая,
Рыщет в поле богатырь.
Быстрый конь Данилу по полю
Быстро носит вдаль и вширь.

Настрелял с утра Денисьевич
Много дичи луговой;
Он охотой не натешится,
Не спешит к жене домой.

Вдруг он видит: от Чернигова
Не орел к нему летит —

Мчится вихрем добрый молодец,
Под конем земля дрожит.

Закричал Данило молодцу,
Меч подняв над головой:
«Стой, удалый, добрый молодец!
Говори, кто ты такой?

Если друг, то побратаемся,
Поведем любовно речь;
Если недруг — потягаемся,
У кого тяжеле меч».

Говорит проезжий молодец,
Шапку сняв с густых кудрей:
«Не узнал ты, свет Денисьевич,
Молодой жены своей!

Знать, не долго нам понежиться
И в любви пожить с тобой.
Перестань охотой тешиться,
Поезжай скорей домой!»

Тут прочла ему Микулишна
Володимиров ярлык,
Но Данило в хитрый умысел
Князя стольного не вник.

Отвечает он с усмешкою
Молодой своей жене:
«Вижу я, тебе кручинушка
Померещилась во сне.

Где же видано и слыхано,
Чтобы князь богатыря
За любовь и службу верную
Извести задумал зря?

Лучше в тереме хозяйничай,
Знай домашний обиход
И словами неразумными
Не пугай меня вперед.

Я на тура поохотиться
Рад для князя всей душой;
Только мало стрел осталося,
А запасных нет со мной.

Привези колчан мне маленький,
А большого не бери:
Много стрел ловцу не надобно —
Метко бьют богатыри!»

Говорит она: «Со стрелами
Я большой колчан взяла.
Не сердись, нужна при случае
В поле лишняя стрела.

Чует горе сердце вещее,
Ты словам моим поверь:
Тур не страшен для охотника, —
Человек страшней, чем зверь...»

С грустью тяжкою Микулишна
Крепко мужа обняла
И вернулася к Чернигову,
Путь слезами полила.

5

Рыщет витязь день до вечера
По лугам и по лесам;
Зверя-тура круторогого
Ищет он и там и сям:

В буераках и кустарниках,
В чащах диких и густых...
Вот уж день склонился к вечеру,
И дремучий лес затих.

Но не слышно по окружности
Рева турьего нигде...
Шепчет витязь опечаленный:
«Надо ж быть такой беде!»

Рыщет по лесу Денисьевич —
Как на грех удачи нет!
Не привезть и нынче витязю
Дичь на княжеский обед!

Снова день склонился к вечеру,
Нет в лесу души живой,
Только рысь порою быстрая
Промелькнет вдали стрелой.

Только вороны зловещие
С криком носятся вверху,
Громко каркая над витязем:
Быть невзгоде! быть греху!

Только холодом кладбищенским
Вдруг повеет нетопырь...
Ночи сумрачней, под дерево
Лег могучий богатырь.

Шею вытянув упругую,
Конь дыханием своим
Греет доброго хозяина
И печально ржет над ним.

«Что ты льнешь ко мне, ласкаешься,
Мой товарищ боевой? —
Говорит ему Денисьевич. —
Что поник ты головой?

Что своим дыханьем огненным
Жгешь ты мне лицо и грудь?
Иль боишься зверя лютого?
Или чуешь что-нибудь?..»

Конь трясет косматой гривою
И копытом в землю бьет,
Точно хочет что-то вымолвить,
Только слов недостает.

Лишь блеснул на небе розовый
Луч зари, предвестник дня,

Встал Данило с ложа жесткого,
Сел на доброго коня.

Едет он из леса темного
В поле счастья попытать...
Чу... вдали там что-то слышится:
Не идет ли с юга рать?

Мать сыра земля колышется,
И дремучий бор дрожит;
Словно гром гремит раскатистый,
Раздается стук копыт.

Стал Данило за кустарником,
Видит: с южной стороны
Грозно движутся два всадника,
Будто две больших копны.

Что-то будет, что-то станется?
Сердце екнуло в груди...
Видно, пасть в борьбе Денисьичу
С тем, кто едет впереди.

Скачет конь под ним, играючи,
Блещет золотом шелом...
И узнал Данило с горестью
Брата названного в нем...

Он одет в кольчугу крепкую,
Тяжела его рука;
И на смертный бой Денисьича
Он зовет издалека.

Словно сокол с черным вороном,
Близкой смерти вещуном,
Он с Алешею Поповичем
Мчится по полю вдвоем...

Дрогнув, слез с коня Денисьевич...
Сердце сжала злая боль...
Он с Добрынею Никитичем
Побратался для того ль?..

«Видно, князю я не надобен! —
Говорит он сам себе. —
Но по воле князя стольного
Не погибну я в борьбе.

Кровью брата и товарища
Я земли не обагрю,
Для потехи княжьей совестно
В бой вступать богатырю.

Не убить Добрыне молодца
В поединке роковом!»
И воткнул копье злаченое
В землю он тупым концом.

Сбросил с плеч доспехи твердые,
Грудью пал на острие —
И пробило молодецкую
Грудь злаченое копье.

Мать сыра земля зарделася,
Теплой кровью полита,
И душа Данилы чистая
Вышла в алые уста.

И когда борцы подъехали
Вызывать его на бой,
Только труп один безжизненный
Увидали пред собой.

6

Что за праздник в стольном Киеве?
Князь с дружиной удалой
На помолвку собираются
К Василисе молодой.

Многоценную, жемчужную
Он везет невесте нить...
Хочет сердце неподкупное
Ожерельями купить.

Весел князь Владимир Киевский:
Витязь преданный его
На лугу, в траве некошеной,
Спит, не слышит ничего.

Праздно вкруг его валяются
Стрелы, меч и крепкий щит,
Добрый конь бессменным сторожем
Над хозяином стоит.

Шею гордую, косматую
Опустил он грустно ниц
И от трупа грозным ржанием
Отгоняет хищных птиц.

Василиса убивается
В светлой горнице своей:
Не видать ей мужа милого,
Не слыхать его речей!

А Владимир по дороженьке
На ретивом скакуне,
Впереди своих дружинников,
Мчится к будущей жене.

Грудь высокая волнуется,
В жилах кровь ключом кипит,
К голубым очам красавицы
Дума пылкая летит...

Что стучит-гремит в Чернигове?
Что вздымает пыль столбом?
Поезд свадебный Владимира
К Василисе едет в дом.

И, предчувствуя недоброе,
Слуги в страхе к ней сошлись,
Говорят ей: «Государыня!
В платье мужа нарядись!

Из конюшни мужней лучшего
Скакуна себе бери!

За тобой идут из Киева
Князь и все богатыри».

Отвечает им красавица:
«Мне не надобно коня;
Не хочу, чтоб слуги верные
Пострадали за меня.

Перед князем неповинна я,
Перед богом я чиста.
Принимайте ж князя с почестью,
Отворяйте ворота».

Слезы вытерла горючие
Богатырская жена,
И велела платья лучшие
Принести к себе она.

Освежила в мыльне чистою
Ключевой водой лицо
И встречать гостей непрошеных
Смело вышла на крыльцо.

Словно дня сияньем ласковым
Небо пышно рассвело,
Словно утром рано на небо
Солнце ясное взошло.

То не зорюшка румянится,
То не солнышко блестит —
Василиса свет Микулишна
На крыльце резном стоит.

Тихо, словно очарованный,
Подошел Владимир к ней
И не может от красавицы
Оторвать своих очей,

И не может ей разумное
Слово вымолвить в привет...
Изойди всю землю русскую —
В ней красы подобной нет!

Низко князю поклонилася
Богатырская жена
И в дверях остановилася,
Молчалива и скромна.

Что ж в душе у ней таилося,
Князь того не угадал
И в уста ее сахарные
Горячо поцеловал.

И промолвил он Микулишне:
«Твой супруг в лугах погиб.
На охоте трудной до смерти
Дикий тур его зашиб.

Не вернуть нам к жизни мертвого,
Не роняй же горьких слез;
Я колечко обручальное
Молодой вдове привез.

Жить не след тебе вдовицею,
Век в кручине горевать,
Красоту свою и молодость
Погубить тебе не стать.

Будь женою мне и матушкой
Для моих богатырей,
Одевайся в подвенечное
Платье светлое скорей.

В путь-дорогу мы отправимся, —
Поезд свадебный готов».
Василиса воле княжеской
Покорилася без слов:

Нарядилась в платье цветное
И покрылася фатой,
И в рукав широкий спрятала
Нож отточенный складной.

7

Едет князь с невестой милою,
В стольный город свой спеша;
Всё сильней в нем кровь волнуется,
И горит его душа.

Но невесело дружинники
Молча следуют за ним;
Опустил Добрыня голову,
Тяжкой думою томим.

Шепчет он: «Владимир-солнышко!
В деле злом не быть добру!
Не подумавши затеяли
Мы неладную игру.

Всё мне братний труп мерещится,
Что неприбранный лежит;
Рана страшная, как грозное
Око, на небо глядит.

Извели мы ясна сокола,
Он попался в нашу сеть,
Но едва ли белой лебедью
Нам удастся завладеть».

Молча едут князь с невестою...
Слышно ржанье в стороне:
Это конь Данилов весточку
Подает его жене.

Василиса встрепенулася,
Придержала скакуна
И Владимиру, ласкаючись,
Тихо молвила она:

«В чистом поле ржанье слышится,
В небе вороны кричат...
Князь Владимир! Я отправлюся
В ту сторонку наугад.

Видно, там мой муж валяется, —
Отпусти меня к нему,
Я в последний раз убитого
Мужа крепко обниму.

Вдоволь я над ним наплачуся,
Труп слезами орошу;
Если ж с мужем не прощуся я —
Перед богом согрешу...»

Потемнел Владимир-солнышко,
Светлых дум пропал и след...
Отказать невесте — совестно,
Отпустить — охоты нет.

Голова на грудь склонилася,
Шевельнулась совесть в нем,
И на просьбу Василисину
Согласился он с трудом.

В провожатые Микулишне
Дал он двух богатырей,
И помчалася красавица
Ветра вольного быстрей.

8

Вот в долине, за кустарником,
Труп лежит в траве густой,
Точно дерево, разбитое
Беспощадною грозой.

В беспорядке кудри черные
Опустились над челом,
Истекает кровью алою
Грудь, пробитая копьем.

Изменила смерть холодная
Красоту его лица,
И раскинуты бессильные
Руки мощного бойца...

И, спрыгну́в с коня ретивого,
Точно первый снег бела,
Без рыданий, к мужу мертвому
Василиса подошла.

И, упав на грудь Данилову,
Горемычная вдова
Громко вскрикнула: «Злодеями
Ты убит, а я жива!

Для чего ж мне жизнь оставлена,
Если нет тебя со мной?
Не грешно ли мне, не стыдно ли
Быть Владимира женой!

И не лучше ль злому половцу
Мне отдать и жизнь и честь,
Чем с убийцей мужа милого
Целый век в слезах провесть?

Нет, не лечь на ложе брачное
Опозоренной вдове
И не быть с дружиной княжеской
И с Добрынею в родстве;

Не носить уборы ценные,
Жемчуги и янтари...
Подойдите и послушайте
Вы меня, богатыри!

Вы скажите князю стольному,
Чтоб валяться не дал нам
В поле он без погребения,
На съедение зверям.

Прикажите, други, плотникам
Сколотить нам гроб большой,
Чтоб не тесно было милому
Спать со мной в земле сырой».

Так сказала им Микулишна —
И пробила грудь ножом;
Из глубокой раны хлынула
Кровь горячая ручьем.

На груди супруга милого
Умерла его жена,
Жизнь без слез она оставила,
До конца ему верна.

9

Грозен князь Владимир Киевский
Возвратился в город свой
Не с красавицей княгинею,
А с глубокою тоской.

Не с весельем князя встретили
Горожане у ворот, —
Пусты улицы широкие,
Точно вымер весь народ.

Над богатым, славным Киевом
Тишь могильная стоит;
Лишь по улицам в безмолвии
Раздается стук копыт.

Грозен князь вошел в хоромины,
Молча слуги вслед идут,
И велел им князь Путятича
Привести к себе на суд.

И, дрожа от страха смертного,
Стал Путятич у дверей...
Не для пира-столования
Князь созвал богатырей.

Знать, прошла пора веселая
Шумных княжеских потех, —
Смотрят сумрачно дружинники,
Стольный князь суровей всех.

С гневом молвил он Путятичу:
«Как нам быть с тобою, сват?
Ездил в даль я за невестою,
А вернулся не женат.

Ты затеял дело хитрое,
Да пропал задаром труд:
Идут слуги в Киев с ношею,
Двух покойников несут.

Погубил слугу я верного —
И остался холостой.
Видно, князю не приходится
Володать чужой женой.

И не должно князю слушаться
Злых советников своих:
Злой слуга змеи опаснее,
На худое дело лих.

Мне же речь твоя понравилась;
Эта речь была грешна, —
И не смыть теперь мне с совести
Вековечного пятна.

Князь Владимир стольно-киевский
Щедрым слыл до этих пор...
Чем же мне тебя пожаловать,
Наградить за мой позор?

Все дела твои лукавые
И советы были злы, —
И за то, Мишата, жалую
Я тебя котлом смолы».

1875

169. ВАСИЛЬКО

1

Василько видел страшный сон,
Остановившись на ночлеге.
Ему приснилось, будто он
В глухом лесу, в худой телеге,
Лежит закован, недвижим,
И ворон каркает над ним,
И слышен стук мечей о брони,
И ржут испуганные кони.

Василька ищет Володарь
И громко кличет: «Брат, за нами!»
И хочет князь, как было встарь,
Тряхнуть могучими руками —
Но крепко скованы оне;
И хочет крикнуть он во сне,
Но вместо крика стон раздался:
Язык ему не покорялся.

Не мог он стоном заглушить
Шум боя, крик зловещей птицы...
Глаза он силился открыть —
Не поднимаются ресницы...
В немом отчаяньи, дрожа,
Он слышит — лезвием ножа
К нему вдруг кто-то прикоснулся,
И князь испуганный проснулся.

Прохлада ясного утра
Василька скоро освежила.
Уж рассвело. Кругом шатра
Бродили слуги. Слышно было,
Как отрок борзого коня
Седлал для князя; у огня
Проворный повар суетился;
Шум, говор в стане разносился.

Князь поднял край шатра. Пред ним
Открылся Днепр, залитый блеском,

И нежил слух его своим
Невозмутимо ровным плеском.
Василько влево бросил взгляд —
Там возвышался Киев-град, —
И сна дурное впечатленье
Рассеялось в одно мгновенье.

Верхушки киевских церквей
На солнце ярко золотились,
И от посада в глубь полей
Далеко нивы расходились;
Вдали степей синела ширь
И Феодосьев монастырь,
Высоким тыном обнесенный,
Венчал собою холм зеленый.

Отрадно стало и светло
В душе Василька. Грудь дышала
Спокойно. Утро принесло
Ему с собою дум немало.
Как львенок, вышедший впервой
На лов, тряхнул он головой,
Глаза его сверкали смело:
Он замышлял большое дело.

На съезде в Любече князья
Решили: княженецкой власти
Опоры нет; что воронья,
Мы Русь родную рвем на части.
Пусть каждый отчиной своей
Владеет в мире с этих дней,
И да не будет ссор меж нами...
Мы братья, — нам ли быть врагами?

Василько думает: «Пойду
Теперь я смело к Теребовлю
И хитрым ляхам на беду
Зимой дружину приготовлю.
Давно душа моя горит
Взять землю ляшскую на щит
И Руси недругов лукавых
Похоронить в глухих дубравах.

Потом в Дунай ладью спущу
И на болгар грозой ударю,
И ратной славы поищу
Себе и брату Володарю;
Сожгу их села, и в полон
Возьму детей, девиц и жен,
И потоплю в волнах Дуная
Всю силу славного их края.

Потом за помощью приду
Я к Святополку с Мономахом
И половецкую орду
В глухих степях развею прахом.
Я дам родимой стороне
Покой, хотя пришлось бы мне
Лечь головой в борьбе кровавой...»
Так думал правнук Ярослава.

Так он задумывал одно,
Но у Давыда с Святополком
Другое было решено
На их совете тихомолком.
«Василько, — думал князь Давыд, —
Мое добро себе рачит.
Покуда род его не вымер,
За мной не крепок Володимер».

«Возьми его, он ворог злой,
Не родич нам, — шептал он брату, —
Ужели хочешь Киев свой
Отдать ему, как супостату?
В крови потопит и в слезах
Он нашу землю. Мономах,
Его пособник произволу,
С ним заодно кует крамолу.

Как звери лютые, придут
Они с наемной силой вражьей,
Владимер Галицкий возьмут,
Отнимут стол великокняжий.
Нет правды, верь мне, в их сердцах!

И дикий половец и лях
На Русь пойдут за ними следом.
Иль замысл их тебе не ведом?

О том, что мыслит князь-изгой,
Мои дознались бояре:
Он запалит костер большой —
И нам, брат, сгибнуть в том пожаре.
Возьми ж его, пока он тут;
Напрасен будет после труд:
Мешать нам плохо волку в ловле,
Когда он будет в Теребовле.

Сам бог нам с властью дал устав —
Блюсти от зла свою державу».
И внял великий князь, сказав:
«Да будет так! Когда ж неправо
Ты молвишь — бог тебе судья.
Нам не простят того князья,
Противу нас найдут улики,
И будет то нам в стыд великий».

И князь на Рудицы послал
Василька звать на именины.
Там, недалеко от забрал
И киевских бойниц, с дружиной
Передвигаясь в город свой,
Стал станом княжич удалой,
Про то не ведая, что вскоре
Его постигнет злое горе.

2

Звонят к обедне. Стольный град
Проснулся. Ясен день холодный.
В стану Васильковом скрипят
Телеги с рухлядью походной.
Трясет серебряной уздой
И стременами конь княжой
Перед княжьим шатром закрытым,
Храпит и в землю бьет копытом.

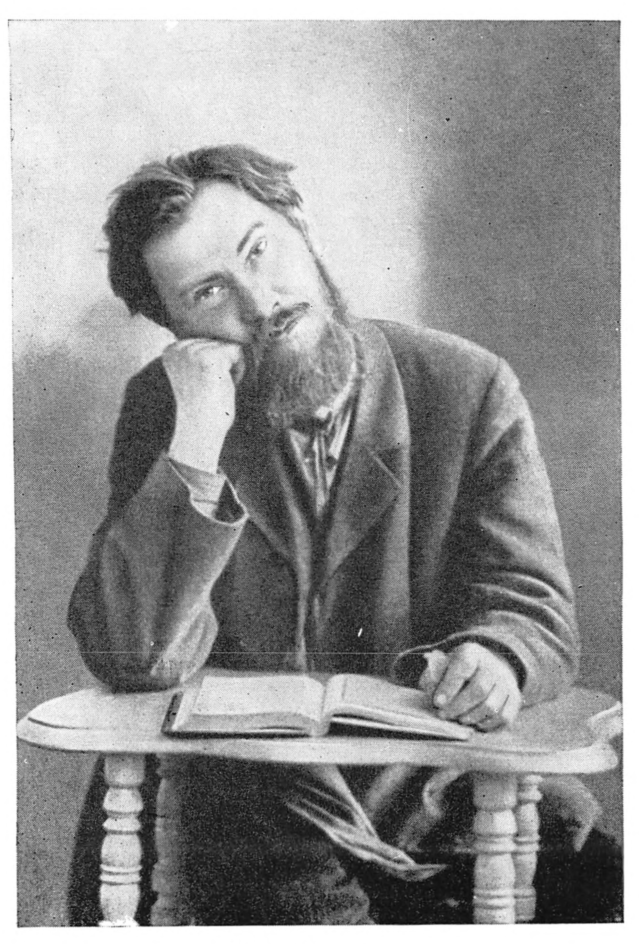
Кормилич княжичий, старик,
Торопит в путь дружину с князем.
«Нам впереди поход велик, —
Как раз обоз в грязи увязим.
Пойдем-ко, князь! Того и жди,
Польют осенние дожди,
И стой тогда в болотной тине!
Вели-ко стан снимать дружине!»

Василько вышел из шатра,
Чтоб нарядить, уладить сборы,
Проститься с берегом Днепра,
Взглянуть на киевские горы.
Быть может, долго не видать
Тех мест, где веры благодать
Над темной Русью просияла,
Где Русь крещенье восприяла.

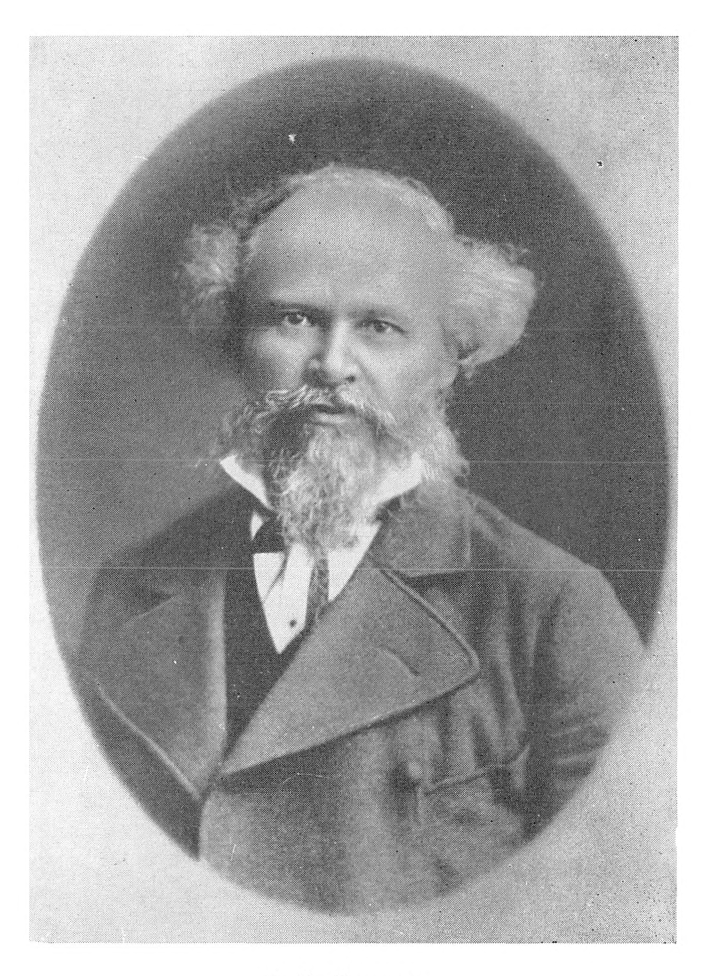
И грустно сердце сжалось в нем,
Как будто чуя скорбь и горе,
И вспомнил княжич о былом
И о княжой недавней ссоре.
«Мне, может, — думал он, — сулит
Судьба в грядущем ряд обид,
От близких родичей — истому,
И вместо славы — паполому.

В худое время мы живем,
За распри друг на друга ропщем;
Радеет всякий о своем,
А о земле, наследьи общем,
Никто не хочет пожалеть,
Отдав ее врагам на снедь.
Мы вместо мира, устроенья
Заводим ссоры да смятенья.

Великий прадед Ярослав!
Берег ты землю от печали,
Храня отеческий устав, —
И наши вороги молчали.
Могуч, как древле царь Давид,
Ты громкой славой был покрыт;



И. З. Суриков



С. Я. Дерунов

Но время тихое минуло —
И Русь в крамолах потонула».

Так Ростиславич размышлял
О распре — княжеской заразе,
А перед ним уже стоял
Посол от киевского князя
И молвил, низко поклонясь:
«Зовет тебя на праздник князь
И просит в Киев, господине,
Для именин приехать ныне».

«Мне дома быть пора давно, —
Князь отвечал, — гулять не время:
Рать будет дома неравно,
Да и других забот беремя.
Коль призван править князь землей,
Ему гостить в земле чужой
Не след: в семье владыка нужен...
Скажи: теперь я недосужен».

Ушел гонец; но вслед за ним
Великий князь прислал другого:
«Хоть на денек приди к родным, —
С гонцом княжое было слово, —
Об этом я прошу любя».
Давыд прибавил от себя:
«Пожалуй в Киев нынче, брате!
Куда спешишь? Не слышно рати!

Отказ твой семя к распре даст.
Ужели хочешь новой ссоры?
На злое дело князь горазд,
И в нем вражда созреет скоро:
Из друга сделаться врагом
Ему не диво, — знай о том.
Коль не приедешь к Святополку,
Не будет в съезде нашем толку».

Василько вымолвил: «Аминь!
О ссоре мне и думать больно».

Он стан отправил на Волынь
И сам поехал в Киев стольный.
Торопит он и бьет коня;
Но конь, уздечкою звеня,
Идет неспешно и лениво,
Храпит, потряхивая гривой.

Беспечно едет князь вперед.
Навстречу отрок приближенный
Спешит от киевских ворот
К нему, печальный и смущенный;
Он стал пред ним и говорит:
«Не езди, князь! Беда грозит!
Вернись — иль быть греху да брани!
Тебя возьмут, вернись заране!

Не езди: Киев — западня,
Поверь моей правдивой речи.
Верни ретивого коня, —
Твоя дружина недалече,
И ты, как дома, будешь с ней.
Уйди подальше от князей, —
Они лишат тебя удела,
В них мысль ехидная созрела».

«За что ж князья меня возьмут? —
Спросил Василько удивленный. —
Не верю я, нет правды тут,
Схватить нельзя же беззаконно?
Я Святополка не боюсь:
Не для того со мной союз
Скрепил он крестным целованьем,
Чтоб встретить гостя злодеяньем.

Ходил я всюду напрямик, —
Зачем назад мне возвращаться?
Я в битвах взрос и не привык
От юных лет врагов бояться».
Так Ростиславич отвечал
И путь свой в Киев продолжал:
Был княжич чист и прям душою,
Не знался с хитростью людскою.

Спокоен в Киев въехал он
И у хоромин княженецких
Остановился. Окружен
Толпой дружинников и детских,
Выходит к гостю на крыльцо
Великий князь; его лицо
Омрачено; с улыбкой странной
Он молвил: «Здравствуй, гость желанный!»

И ввел его он в тот покой,
Где князь Давыд, потупя очи,
Поникнув хитрой головой,
Сидел, темней осенней ночи.
Увидев гостя, вздрогнул он,
И на приветливый поклон
И речи князя молодого
Не может вымолвить ни слова.

Василько весел и не ждет
Грозы; а гром над головою,
И скоро час беды придет.
Великий князь кривит душою,
Кривит пред ним, а князь Давыд,
Немой, как рыба, вниз глядит.
Ждут слуги взгляда, и готовы
Для Ростиславича оковы.

8

Прошло с тех пор четыре дня.
В местечке Вздвиженье тревога:
И шум, и смердов беготня
В избе священника убогой.
Толпа Давыдовых людей
Теснится около дверей,
И двое слуг несут в ворота
В ковры завернутое что-то.

То князь Василько. Но зачем
В таком печальном он наряде
Лежит без чувств, бессилен, нем?

В глухую ночь, вчера, в Белграде,
Он был злодейски ослеплен.
Недавний сбылся князя сон!
Полуживой, он дышит еле...
Давыд достиг желанной цели.

Народом полон ветхий сруб,
Скрипят гнилые половицы;
На лавке князь лежит, как труп...
Лицо порезано, зеницы
Из впадин вырваны глазных,
И страшно кровь чернеет в них;
Разбита грудь его, и тело
Изнемогло и посинело.

Сняла с Василько попадья
Рубаху, кровью залитую,
И говорит: «Какой судья
Тебе назначил казнь такую!
Али так много грешен ты,
Что ни очей, ни красоты
Не пощадили?.. Вепрь не станет
Так мучить, тур так не изранит!

Давно на свете я живу,
Годам и счет-то потеряла;
Но ни во сне, ни наяву
Такой я казни не видала.
Худое времечко пришло:
Рвут людям очи, в братьях зло, —
Знать, нету в мире божья страху!»
И стала мыть она рубаху.

И слезы горькие свои
На полотно она роняла.
От плача старой попадьи
Очнулся князь... Не мог сначала
Припомнить он: что было с ним?
И, лютой жаждою томим,
Он простонал. Тот стон услыша,
Хозяйке стража шепчет: «Тише!»

Над ним нагнулась попадья;
Ее почувствовав дыханье,
Василько вымолвил: «Где я?»
И заглушив в себе рыданья,
Она, качая головой,
Сказала: «В Вздвиженье, родной!»
И грудь его с печалью тяжкой
Покрыла вымытой рубашкой.

Рукою грудь ощупал он
И через силу приподнялся;
Бледнеет стража: страшный стон
И вопль княжой в избе раздался.
Рыдая, он к скамье приник,
И проходили в этот миг
Перед духовными очами
Слепца видения рядами.

Припомнил он, честной как крест
На съезде братья целовали:
Надежды светлые на съезд
Они великий возлагали.
И вот — нарушен земский мир!
На страшный, вновь кровавый пир,
Для казни, прежних казней злейшей,
Призвал Василька князь старейший.

Припомнил он, как без причин
Он схвачен был по воле братской,
Как на глазах его Торчин
Точил свой нож в избе белградской.
Заране свет померк в очах...
Как дикий барс лесной в сетях,
Боролся княжич с сильной стражей,
Но не осилил злобы княжей.

Не мог он выдержать борьбы...
Василька на пол повалили
Немилосердные рабы
И грудь доской ему сдавили;
Уселись конюхи на ней,
Взмахнул ножом Торчин-злодей,

Несчастный вскрикнул и рванулся —
И теплой кровью захлебнулся...

И божий мир для князя стал
Безмолвно глух, как склеп огромный;
Без чувств и памяти, он спал,
Как труп под ризой смерти темной;
Но был недолог этот сон!
О! для чего проснулся он,
Зачем вернулося сознанье
К нему для нового страданья!..

Весь ужас участи своей
Теперь лишь понял князь несчастный;
Сознанье это смерти злей,
И князь зовет ее напрасно,
И с громким воплем говорит:
«Кто свет очей мне возвратит?
О, пусть господь воздаст Давыду
За кровь, за муку, за обиду! —

И, участь горькую кляня,
Припал Василько к изголовью. —
Зачем снимали вы с меня
Рубашку, залитую кровью, —
Перед всевышним судией
Предстал бы я в рубашке той —
И кровь ему б заговорила
Звончее труб, слышнее била!»

Лишь перед утром князь затих.
В избушке ветхой было жутко;
Едва мерцал, дымясь, ночник;
В сенях дремали слуги чутко;
Храпели кони у крыльца;
И попадья у ног слепца,
Очей усталых не смыкая,
Сидела, точно мать родная.

В его расстроенном уме
Не рассветало, сердце ныло;

Как в замуравленной тюрьме,
В груди темно и пусто было.
Его надежд блестящих ряд,
Всё, чем досель он был богат,
Всё было отнято с очами
И в грязь затоптано врагами.

И не видал несчастный князь,
На жестком ложе плача глухо,
Как вскоре стража поднялась,
Как ставень вынула старуха
И солнца луч блеснул в окно.
До гроба было суждено
Ему нести страданья цепи
И в мире жить, как в темном склепе.

4

Неудержимая летит
Повсюду весть о деле черном.
Для всех чудовищем Давыд
Стал ненавистным и позорным.
В стенах хором и тесных хат
Гремят проклятья, как набат, —
Клянут князья, бояре, смерды
Давыдов суд немилосердый.

Как в бурю грозная волна,
Весть о злодействе небывалом
Всем одинаково страшна —
И старикам и детям малым.
Молва стоустая донесть
Спешит нерадостную весть
До Перемышля на Волыни
И до Васильковой княгини.

Досель счастливая, она
Врасплох застигнута бедою
И вестью той поражена,
Как лебедь меткою стрелою.

Яд горя в грудь ее проник,
И светлой радости родник
Иссяк в душе. Заполонила
Ее тоска, ей всё постыло.

Ее Василько ослеплен!
Как с этим горем примириться?..
Бежит от глаз княгини сон;
Когда ж заснет, то муж ей снится:
Блестит на князе молодом
С высоким яловцем шелом,
И цареградская кольчуга
С крестом надета на супруга.

В руке Васильковой копье;
Глаза, как уголья, сверкают;
Когда ж он взглянет на нее —
Она, голубка, так и тает;
На сына взглянет — и вздохнет,
И на губах его мелькнет
Улыбка ласки и привета, —
И любо ей приметить это.

И снятся ей былые дни,
Дни невозвратного веселья...
Прошли-промчалися они!
Княгиню скорбь крушит, как зелье.
Ее супруг — слепец, в плену!..
Кто защитит его жену?
Кто приголубит крошку сына?
С кем в бой пойдет его дружина?

Едва ль его освободят
Его дружинники, бояре.
Но разве умер старший брат?
Иль воев нет у Володаря,
Давно испытанных в боях?
Иль не восстанет Мономах,
Всегдашний враг деяний темных,
Противу братьев вероломных?

И одолеть не в силах гнев,
Услыша весть о новом горе,
Владимир вспрянул, точно лев,
И шлет гонца к Олегу вскоре.
«Доколе нам коснеть во зле? —
Он пишет. — Всей родной земле
Грозит беда, — судите сами:
Давыд повергнул нож меж нами.

Коль не исправим зла того
И не упрочим мир желанный,
То брат на брата своего
Восстанет в злобе окаянной,
В крови потопится земля,
Селенья наши и поля
Возьмут враги, разрушат грады,
И сгибнут в распрях наши чада.

Раздорам надо быть концу, —
Давно мы ими Русь бесславим.
Придите, братья, к Городцу, —
Скорее вместе зло исправим,
Стоять за правду вы клялись».
И княжьи счеты улеглись
Перед бедою этой новой,
Исчез в них дух вражды суровой.

И Святославичи пришли,
Спеша исправить злое дело,
Туда, где грозный страж земли
Уже стоял с дружиной смелой.
К борьбе нешуточной готов,
Отправил в Киев он послов
С такою речью к Святополку:
Зачем затеял он размолвку?

Зачем нарушил клятву он —
Не изнурять земли враждою?
За что Василько ослеплен,
Давыду выдан головою?
Когда вина была на нем,
Зачем судил своим судом?

Об этом дал бы братьям вести,
Мы рассудить сумели б вместе.

«Не я слепил его — Давыд, —
Князь Святополк на то ответил, —
Великий грех на нем лежит:
Он сесть на стол Давыдов метил,
Хотел со мной затеять рать,
И стол и жизнь мою отнять,
И с Мономахом заедино
Взять Туров, Пинск и Погорину.

Не сам о том дознался я —
Мне обо всем Давыд поведал.
За то ль винят меня князья,
Что я Васильке воли не дал?
Вины своей не признаю
Пред ними. Голову свою
Сложить мне не было охоты.
Пускай с Давыдом сводят счеты».

«Уверишь братьев ты навряд, —
Сказали посланные мужи, —
Что не тобой Василько взят:
Ты взял, — вина твоя наруже».
И разошлися до утра,
Чтоб с новым днем по льду Днепра
Под стольный Киев перебраться
И с князем в поле посчитаться.

Не захотел пропасть в бою
Великий князь, объятый страхом.
Жалея голову свою,
Тогда бежать задумал к ляхам,
И, матерь русских городов,
Он Киев кинуть был готов;
Но не пустили киевляне
Его, боясь большей брани.

Нет, не успеет Мономах
Достигнуть утром переправы:
Чем свет весь Киев на ногах;

Но не воздвигнут величавый
Стяг Святополка у ворот,
Дружина княжья не зовет
Смущенных граждан к обороне,
И не стучат мечи о брони.

Великий князь, земли глава,
Боится пасть в бою открытом,
И Всеволожская вдова
Идет с отцом-митрополитом
В стан Мономаха; весь народ,
Сопровождая крестный ход,
Усердно молится иконам,
И полон город красным звоном.

Перед Владимиром склонясь,
Сказала старая княгиня:
«Будь милосерд, родной мой князь!
К тебе пришли мы с просьбой ныне.
Князь, покажи нам милость въявь
И новой скорби не прибавь
В правдивом гневе к нашим болям, —
Тебя о том мы слезно молим.

Земли защитник ты, не враг,
Не половчин, не Торчин ярый!»
Заплакал горько Мономах,
Услыша вопль княгини старой.
И говорит он братьям речь:
«Ужель нам землю не беречь?
Ее отцы трудом стяжали,
А мы терзать в раздорах стали!

Как сын, Василько мной любим, —
Но обреку ль бедам и мщенью
Людей, невинных перед ним
И не причастных преступленью?
Пусть бог воздаст его врагам
По их неправедным делам,
Но мы невинных не осудим».
И дал он мир земле и людям.

5

Волынь в тревоге. Снова рать,
И дух вражды опять повеял;
Князь Володарь заставил сжать
Давыда то, что он посеял.
Василько им освобожден;
За ослепленье и полон,
За муки все отмстить заклятым
Своим врагам идет он с братом.

Уже не в силах Мономах
Остановить кровопролитья,
И пробудил Давыда страх,
Как гром, от сладкого забытья.
Его советники бегут;
Но братья требуют на суд
Их, виноватых в грозной брани,
И ставят виселицы в стане.

И должен выдать их Давыд,
И должен сам понесть бесчестье.
Слепец разгневанный грозит
И Святополку страшной местью.
Став с Володарем на Рожне,
Предать разгрому и войне
Без сожаленья и пощады
Он хочет княжеские грады.

В душе Василька ночи тень,
И этот мрак, как смерть, ужасен,
А божий мир так светел. День
Весенний радостен и ясен;
Деревья в зелень убраны;
Тепло, но веянье весны
Грудь Ростиславича не греет:
В ней скорби лед, в ней злоба зреет.

Луч солнца ласково скользит
По золоченому оплечью —
Не видит солнца князь; громит
Он Святополка грозной речью.

«Вот чем мне клялся стольный князь!» —
Воскликнул он, остановясь
Перед дружиной боевою,
И поднял крест над головою.

«Он отнял свет моих очей,
Теперь отнять и душу хочет.
И так я нищего бедней!
Я рад бы плакать, но не точат
Мои слепые очи слез,
И грудь больную злее ос
Терзают страшные недуги...
За жизнь мою постойте, други!»

Пал Святополков скоро стяг.
Великокняжая дружина
Бежит, разбитая во прах.
Покрыта павшими равнина,
Где совершен упорный бой;
Но не ликует князь слепой,
Победы славной слыша звуки,
А говорит, поднявши руки:

«От верных ратников моих
Бегут и пешие и кмети
Уже не первый раз; для них,
Как пир, утешны битвы эти.
А я, несчастный, слыша гром,
Могу лишь в воздухе мечом
Махать, грозя врагам безвредно.
Меня не тешит крик победный.

На свете горько жить слепцу.
Что мне в моей ненужной силе,
Коль не могу лицом к лицу
С врагом сойтися? — Лишь в могиле,
Когда придет моя пора,
Увижу ясный свет утра
Я после долгой, страшной ночи,
И только смерть вернет мне очи!..»

1876

170. КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась, —
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты
Кудри, черные как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он, —
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жгет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во пойманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака!..»

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступеням
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!..»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

<1877>

171. КЛАД

(Бабушкина сказка)

1

На краю селенья
Хатка пошатнулась;
К хатке дружелюбно
Ивушка нагнулась.

Темными ветвями
Хатку приукрыла,
Чтобы жарким летом
Ей прохладно было.

В хатке одиноко
Век свой доживает
Бабушка Маланья, —
Кто ее не знает!

Здесь по всей сторонке,
В каждой деревушке,
С деда до ребенка
Знают о старушке.

Хворь кого прихватит, —
А пора-то — страда, —
В поле люд рабочий
В это время надо.

Ну, а как больного
Без призора бросить?
И бегут к старушке,
Домовничать просят.

Нет у ней отказа, —
Добрая такая!
За больным старушка
Ходит, как родная.

Любят ее дети
За привет да ласки, —
Бабушка Маланья
Говорит им сказки.

2

Ясный летний вечер,
В воздухе прохлада;
С поля воротилось
На селенье стадо.

Смолкли шум и говор:
Смучен люд трудами.
Ивушка над хаткой
Не качнет ветвями.

Тишь кругом такая —
Хоть бы где словечко...
Бабушка Маланья
Вышла на крылечко.

К бабушке Маланье
Дети собралися.
Глянь, у ней гостинцы
Для детей нашлися.

То-то детям любо,
То-то им утеха!
Сколько у малюток
Радости и смеха!

Пристают к ней дети,
Зная старой ласку:
«Бабушка Маланья,
Расскажи нам сказку!»

— «Что мне с вами делать?
Баловни вы, право!
Всё скажи вам сказку —
Только и забавы.

Прежде я вот много
Сказок этих знала,
Да перезабыла —
Старость доконала.

Памяти-то нету —
Вот беда-досада;
А сказать вам, детки,
Сказку, видно, надо.

8

Далеко отсюда
Есть село большое;
В том селе когда-то
Жили муж с женою.

Жили по крестьянству
Люди те богато:
Двор скотом был полон,
А достатком хата.

Жили эти люди
И нужды не знали;
Был у них сыночек,
Титушкою звали.

Был у них один он —
Ну и рос он в холе:
Белый и румяный,
Что цветочек в поле.

Титушку мать любит,
В нем души не слышит,
Только ей и дела —
На сыночка дышит.

То его умоет,
То его причешет,
Даст ему гостинца,
Сказкою потешит.

Летом соберутся
Дети на лужайку
И игру затеют
В городки иль в свайку.

Титушке с детями
Поиграть охота —
Мать его не пустит:
«Что ты, милый, что ты!

Не ходи — головку
Напечет там солнце;
Сядь вот здесь, на лавке,
И гляди в оконце».

А зимой катаньем
Тешатся ребята —
Титушке же выйти
Мать не даст из хаты.

«Не ходи — морозно,
Дитятко родное!
Ну как захвораешь, —
Горюшко мне злое!

Что мне, бедной, делать?
Я умру с печали...»
Годы проходили,
Годы миновали...

Титушка уж парнем
Стал из паренечка;
Мать же, как и прежде,
Холит всё сыночка.

Что он ни попросит —
Всё ему готово:
Сапожки со скрипом
Иль кафтанчик новый.

Никакой работы
Титушка не знает:
То лежит на лавке,
То в селе гуляет.

И жене с досадой
Молвит муж, бывало:
«Что ты его холишь?
Дурень выйдет малый!

Ты б его по дому
К делу приучала,
Чем к гульбе, к безделью.
Толку в этом мало!

Ну, как нас не будет,
Что он станет делать?
По миру скитаться,
У чужих обедать?»

Ну да где ж, бывало,
Столковать с женою:
Та горой за сына...
Муж махнет рукою...

Как-то раз с сыночком
Что-то приключилось:
Слег он, просит меду —
Меду не случилось.

Бросилася баба
Ночью, в непогоду,
С бураком к соседям
Раздобыться меду.

Где-то для сыночка
Меду отыскала;
Крепко застудилась
Да и захворала.

Только два дня баба
Мучилась на свете
Да и богу душу
Отдала на третий;

А за нею вскоре
И мужик убрался.
И один на свете
Титушка остался.

И в добре, достатке
Он недолго пожил, —
Что по дому было,
Всё проел да прожил.

И лежит день целый
Парень — голодает,
Как добыть трудами
Хлеб себе — не знает.

Сжалился над малым
Дедушка Порфирий;
Человек был умный
Он в крестьянском мире.

К дедушке Порфирью
Собирались часто
На совет крестьяне, —
Скажет что, и баста!

Как-то дед Порфирий
К Титушке заходит;
Помолившись богу,
Речь он с ним заводит:

«Ну, скажи, дружище,
Как тебе живется?
Как тобой хозяйство
По дому ведется?»

Титушка промолвил
Дедушке со вздохом:
«Ох, живется горько!
Ох, живется плохо!»

— «Слушай, Тит, — есть слово
До тебя такое,
Что свое хозяйство
Справишь ты плохое.

Я чужим достатком
Не хочу разжиться:
Своего довольно
Будет прокормиться.

Твой отец по дружбе
Рассказал мне это:
Клад — и клад немалый —
Схоронил он где-то.

Ты возьми-ка заступ, —
Дело на свободе, —
Да вскопай поглубже
Землю в огороде.

Может, клад отцовский
Где и попадется;
А тогда, ты знаешь,
Славно заживется».

Тит взялся за заступ, —
Малому в забаву:
В огороде землю
Он вскопал на славу.

Да на клад отцовский
Парень не наткнулся.
Посмотрел дед старый,
Только усмехнулся.

«Что, нашел?» — он молвил.
— «Нет, не отыскался».
— «Экая досада!
Где ж он затерялся?

Клад сыскать — не репу
Выдернуть, примерно;
Всё-таки отыщем
Клад мы этот — верно.

Огород-то вскопан —
Сделай-ка, брат, грядки,
Да на них с молитвой
Посади рассадки.

Посмотри — капуста
Важная родится,
А она для дому,
Знаешь, пригодится».

Титушка охотно
Делает и гряды,
И на них с молитвой
Садит он рассады.

«Огород исправен,
Пусть растет рассада,
А теперь ты в поле
Поищи-ка клада.

Заступом-то трудно, —
Взрой его сохою.
Приходи, я лошадь
Отпущу с тобою.

Ведь земля сохою
Глубоко берется;
Под соху, наверно,
Клад и попадется...»

Титушка и поле
Всё вспахал сохою...
Нет как нет всё клада,
Дуй его горою!

Дед выходит в поле, —
Титушка трудится
Так, что даже градом
Пот с лица катится.

«Что, нашел?» — дед молвил.
— «Нету, не попался».
— «Экая досада!
Где ж он подевался?

Ну, да это горе —
Горе не большое!
Ведь вспахать и поле —
Дело не худое.

Ты его пройди-ка,
Парень, бороною,
Да зерном засеем
Мы его с тобою.

Посмотри, какая
Рожь у нас родится!
Будут все соседи
На нее дивиться».

Взборонил Тит поле
И засеял рожью.
Вырастай, родная,
Благодать ты божья!..

И с тех пор к работе
Малый приучился;
Он с утра до ночи
Пó дому трудился.

Стал такой работник —
Не сыскать другого:
За́ пояс в работе
Он заткнет любого...

От трудов-работы
Зажил Тит богато:
Двор скотом стал полон,
А достатком хата...»

Бабушка умолкла;
Головой седою
Наклонилась к детям,
Гладит их рукою.

«Ну, ступайте, детки!
Время уж до хаты...
Станете трудиться —
Будете богаты».

— «Бабушка, а клад-то
Где же подевался?
Али не отыскан
Так он и остался?» —

Дети с любопытством
Бабушку спросили.
«Нет, сыскался, детки...
Он в труде да в силе».

1877

II

ПОЭТЫ «РАССВЕТА»

А. БАКУЛИН

Александр Яковлевич Бакулин, дед В. Я. Брюсова с материнской стороны, родился в 1813 году в городе Ельце в довольно богатой купеческой семье. В 40-х годах состояние семьи стало приходить в упадок. Во время сильнейшего пожара в Ельце сгорело все ее имущество.

Бакулину пришлось вести суровую борьбу за существование. Со временем дела его несколько поправились. С 50-х годов он становится на разные сроки владельцем мельниц или арендует имения в Тамбовской, во Владимирской губерниях, работает в них вместе с сыновьями. Умер Бакулин в Москве в январе 1894 года.

Писал Бакулин очень много (очевидно, начиная с 40-х годов до конца жизни). Он является автором множества басен, а также стихотворных сказок на русские фольклорные сюжеты, поэм, прозаических повестей, пьес, бытовых очерков и т. д.[1] Печатался Бакулин мало: при его жизни была издана одна маленькая книжечка — «Басни провинциала» (М., 1864) — без имени автора. В 1903 году В. Я. Брюсов опубликовал несколько стихотворений деда со своим предисловием.[2]

[1] Автографы его сочинений хранятся в ПД.

[2] Стихотворения и басни А. Я. Бакулина. — «Русский архив», 1903, № 3, с. 437—444.

172. КОШКА И ЩЕГОЛ

Басня

Глядела Кошка на Щегла, —
Не то чтобы она его хотела слушать,
А ей хотелося его бы скушать,
Да высоко висел, достать всё не могла.
Вдруг клетка сорвалась, на низ слетела,
А Кошка тут как и была:
Схватила бедного Щегла
И съела.

Как высоко ни стой,
А помни, милый мой:
Что можно вдруг упасть
И Кошке в рот попасть.

<1872>

173. ОСЕЛ И ЛИСИЦА

Басня

Раз встретилась с ослом лисица,
Ему поклон пренизкий отдала.
«Откуда ты бредешь, сестрица?»
— «Да вот у льва была».
— «Ну, что, о чем там толковали?»
— «Да всё о том мы рассуждали,
Кого б начальником поставить над скотами...
Была там речь и о тебе,
Да, говорит, нельзя: не нравишься ушами,
Тут я подумала в себе
(Уж это пусть останется меж нами):
Нельзя ль урезать их тебе вершка хоть два,
А я уж, так и быть, замолвила б у льва
За друга милого словечко,
Подумай-ка: почет и теплое местечко».
— «Да что ж, пожалуй, я готов».

А сколько есть не только что скотов, —
Людей,
Которые для выгоды своей,
Когда в виду ее имеют,
Не только что ушей —
Души не пожалеют.

<1872>

174. ЛУКА И ФОМА

Басня

Лука Фому, соседа своего, спросил:
«Корову продал?» — «Да».
— «На что?» — «Нужда».
— «Ты у меня бы попросил,
Я дал бы на нужду».
— «Да ты же видел всю голду,
Как старшина и староста меня <бранили>,
Чуть-чуть не засадили;
Ты подле ведь стоял,
Что ж ты тогда мне не сказал?»
— «Чай, ребятишки выли?»
— «Все выли, выл и я
И вся семья».
— «Жаль, жаль... А я бы дал...»

Жалетелей на свете много,
А помощь только жди от бога.

12 декабря 1891

С. ГРИГОРЬЕВ

Степан Алексеевич Григорьев родился в 1839 году в Перми. Ко времени издания «Рассвета» он вел торговлю галантерейным товаром. В начале 70-х годов пережил семейную драму, привлекшую внимание товарищей Григорьева. Еще раньше началась скитальческая полоса его жизни.

В начале 70-х годов Григорьев, очевидно, не раз бывал в Москве. Последние годы жизни он служил артельщиком на железной дороге, проживая сначала в Брест-Литовске, а затем на одной из маленьких станций неподалеку от него. На его долю выпадали новые беды и обиды, все они поведаны в его письмах, письмах Сурикова к товарищам и т. д. Изредка Григорьеву удавалось вырваться на короткий срок в Москву.

Умер он 3 ноября 1874 года в возрасте тридцати пяти лет, в Москве, в Мариинской больнице, от чахотки.[1] Гибель его была ускорена пристрастием к вину.

Печатался Григорьев, очевидно, с начала 70-х годов, преимущественно в «Иллюстрированной газете». Единственный сборник — «Стихотворения» (М., 1872) — посвящен автором Ивану Захаровичу Сурикову.[2]

---

[1] См. неопубликованное письмо Сурикова к В. Р. Зотову от 20 ноября 1874 г. (ПД).

[2] Рукописи писем и стихотворений Григорьева хранятся в ГБЛ и ПД.

175

Ах, люби меня, да не сказывай,
Про тоску мою не расспрашивай.
Не разведывай моей думушки,
Не ходи гадать к сватье-кумушке.
Откажися знать мое прошлое,
Детство горькое, детство пошлое!

Только будь ко мне ты внимательна
И на жизнь гляди обстоятельно.
Будь хозяйкою работящею,
Понимай нужду настоящую,
С делом справишься — рук не складывай,
Делать что тебе — предугадывай.

Помогай в нужде — не рассказывай,
Своих дум другим не навязывай.
И легко тогда наша жизнь пойдет,
И тоску мою, как крылом, смахнет.
Ах, взаимно жить нам охотнее,
Да и труд вдвоем повольготнее.

<1871>

176

Жаркое солнце над нивой гуляет,
Вольная пташка в лесу распевает,
Лоснится нива волной золотою,
Колос целуется с пыльной землею.
Песня за пашней вдали раздается —
По сердцу ядом страдание льется:
То завывает, то дико застонет,
Грубый напев оборвется, потонет...
Русская песня! зачем ты уныла?
Иль тебе жизнь одну грусть подарила?..

<1871>

177. ВЛАДИМИРКА

Звук цепей и скрип шагов
По степи морозной,
Гул суровых голосов,
Крик команды грозной.

Коней ржанье, во́лков вой,
Пустыри, проселки,
Вдоль дороги столбовой
Сосенки да елки.

По сугробам зайца след,
Песни вьюги, стоны,
Серебристый снега цвет,
Карканье вороны.

Небо звездное, луна
В радужном сиянье;
Впереди лишь даль видна,
А за ней — страданье. . .

<1871>

178. УТРОМ

Друг, проснись! давно зарею
Ночка темная сменилась,
И, умывшися росою,
Зелень снова оживилась.

Встало солнце. С солнцем этим
Пахарь ниву удобряет,
Хлеб насущный малым детям
Потом, кровью добывает.

За межою пашни дальной
Даже женщина боронит,
Горе песнею печальной
От себя бедняжка гонит!

Сердцу близки песни звуки.
День к труду нас призывает,
У нас разум есть и руки,
Труд нам счастье обещает.

<*1872*>

179

Ночь давно, и кругом
Мирный сон, тишина,
Серебристым серпом
Смотрит с неба луна.

Воздух влажен, душист,
Даль прозрачна, ясна,
Не шелохнется лист,
Полный неги и сна.

Дремлют нивы в тиши,
Колос тучный склоня;
В этот час у души
Много дум и огня...

<*1872*>

180. СОН БЕДНЯКА

Ночь и тишь над землей...
Лунным светом облит,
Храма крест золотой
В небе блещет, горит.

Спит село. Горе, труд —
Всё забыто пока,
В мир счастливый несут
Грезы сна бедняка.

Видит он новый дом,
В нем простор, чистота,
Крытый двор, много в нем
Птиц домашних, скота.

Полон хлеба амбар,
Сторожит его пес
(Если везть на базар,
Будет целый обоз).

Пахнет щами в избе,
На шестке ветчина.
Паном-пан сам себе,
Он сидит у окна.

Односельцы к нему
Занять денег идут,
Даже власти ему
Все почет отдают.

Но ребенка вдруг крик
Сон отрадный прервал,
И, проснувшись, мужик
В голове почесал.

Весь день думал бедняк,
Вея рожь на гумне:
Хорошо бы жить так,
Как он видел во сне.

Но, знать, доли такой
Бедняку не видать
И весь век свой с нуждой
Суждено коротать.

<1872>

181

Ветер воет за горой,
Вихри степью вьются,
Тучи черною грядой
По небу несутся.

Молнья брызнула, и гром
Глухо прокатился,
И мгновенно мрак кругом
Светом озарился.

Застонал дремучий лес,
Дико зашатался,
Как вторично гром с небес
С молнией прорвался.

Раздробите ж до корней,
Громовые тучи,
По лесам остатки пней
Пламенем летучим!

Пусть развеется, что прах,
Рухлядь вековая
И взрастет на тех местах
Сила молодая.

<1872>

182. МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Сильный холод, туман над землей,
Дым по крышам из труб расстилается;
Точно огненный шар без лучей,
Сквозь туман солнца свет пробивается.

И стоит в сжатом воздухе гул,
Звуки кованых санок визгливые,
Едет плотный купец, завернул
В воротник свои щеки красивые.

Нарумяненный нищий бежит
И свой нос прикрывает лохмотьями,
И лицо его ветер знобит;
Сыплет снег, обрывая с крыш хлопьями.

Дров два воза везет мужичок,
На базар не спешит, не торопится;
На пути встретил он кабачок,
Привернул обогреться, как водится

Обморозивши руки, в кабак
Обогреться спешит горький пьяница;

Угостившись за медный пятак,
Пьян и весел и жизнию хвалится.

А уж жизнь его — слезы глядеть:
Холод, голод, позор и ничтожество;
Но теперь он готов всем бы петь
Богачам про их бедность-убожество.

И идет он панелью — нейдет,
Громким смехом в слезах заливается,
То прохожий его подтолкнет,
То он сам, как былинка, шатается.

А панель так чиста и гладка,
Совершенно катку подобляется, —
Поскользнулась бедняги нога,
И он носом в панель ударяется.

Кровь и брань... Полицейский на грех
Подоспел, подхватил он сердечного
И повел... а вослед ему смех
Раздавался народа беспечного.

В лавку девочка, ежась, спешит,
В куцавейке, с ручонками голыми;
А мороз всё крепчает, трещит,
Стеклы окон рисуя узорами.

<1872>

С. ДЕРУНОВ

Савва Яковлевич Дерунов родился 5 января 1830 или 1831 года в деревне Большие Ветхи Пошехонского уезда Ярославской губернии. Родители его — крестьяне. Отец умер, когда Савве было семь лет. Семья жила бедно.

Десяти лет Дерунова отдали в другое село в услужение к родственнику в кабак. Через несколько лет (очевидно, в 1844 или 1845 году) его отослали в Москву к другим родственникам. Дерунов стал служить у них в пивной лавке. К тому времени он самостоятельно овладел грамотой и вскоре пристрастился к чтению, а затем и к сочинению песен и собиранию фольклорных материалов. Дерунов постоянно служил в пивных лавках, а в начале 50-х годов приобрел свою «портерную».

В середине 50-х годов он познакомился с «писателем-самоучкой» Ф. Ф. Венцовым, торговавшим в табачной лавке. Венцов и был его первым литературным учителем.

В 1856 или 1857 году Дерунов уехал в село Козьмодемьянское Пошехонского уезда, где и провел остальные годы жизни, лишь изредка выезжая за пределы своей губернии, в Москву и Петербург. Причиной возвращения в деревню Дерунов в автобиографии называет нездоровье. В селе он снял харчевню, затем приобрел около 50 десятин земли, на которой вел хозяйство.

Активно участвовал Дерунов в пореформенную пору в работе земских учреждений. Долгие годы был уездным, а затем губернским гласным, членом училищного совета — попечителем школы в Козьмодемьянском. Особенно много сил Дерунов уделял борьбе за права и совершенствование земской школы, за связь ее с крестьянской жизнью и трудом.

Он был человеком деятельным, интересы его широки и

разнообразны. Ему принадлежат труды по этнографии, сельскому хозяйству (особенно маслоделию), кустарной промышленности, народному образованию, земскому делу. За сельскохозяйственные продукты Дерунов не раз получал медали на различных выставках. Был удостоен звания члена-корреспондента Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии при Московском университете. Постоянно выступал с корреспонденциями о местных делах в провинциальной и столичной печати.

Письма Дерунова свидетельствуют о его несомненной образованности и многообразных интересах. Он был склонен ко всякого рода теоретическим размышлениям. В письмах к А. М. Скабичевскому[1] он, например, вспоминает о своих спорах с ним насчет значения естествознания и статей Д. И. Писарева. «Я еще не разучился верить в его авторитет и громадный талант», — пишет он 10 января 1894 года.

Дружеские отношения связывали Дерунова с другим литератором — ярославцем Л. Н. Трефолевым. Знакомство с Суриковым состоялось, видимо, ранее, чем тот взялся за собирание «Рассвета». Дерунов неоднократно (в автобиографии, в стихотворении «Юнцом на Зубовском бульваре...» и т. д.) заявлял, что тесное их знакомство завязалось в Москве в 1857 году. Однако если даже память не изменила в данном случае Дерунову, все же эта встреча могла носить лишь мимолетный характер. Суриков, обращаясь к Дерунову 13 мая 1872 года, пишет, в частности: «Извини, брат, мою бесцеремонность, что я начал мое письмо словами «Друг Савва Яковлевич», но что делать: так сорвалось или я так чувствовал».[2] По тону письма незаметно, что знакомство поэтов давнее.

В последние годы жизни Дерунов почти утратил зрение, письма и стихотворения последних лет записаны под его диктовку. Умер он 29 (по другим сведениям — 30-го) июля 1909 года.

Обстоятельная автобиография Дерунова, касающаяся первых десятилетий его жизни — дореформенного времени, частично опубликована в журнале «Родная речь» (1897, №№ 14—24).[3]

Первые стихотворения Дерунова появились в печати в начале 1860-х годов. В течение жизни он печатался в «Воскресном досуге», «Грамотее», «Развлечении», «Народном чтении», «Народной беседе», «Иллюстрированной газете», «Иллюстрированной неделе», «Мирском вестнике», «Будильнике», «Пчеле», «Живописном обозрении» и дру-

---

[1] ПД.

[2] ПД.

[3] Остальные главы, оставшиеся неопубликованными, хранятся в ПД.

гих. Он был участником едва ли не всех сборников стихотворений «поэтов-самоучек», изданных при его жизни: «Родные звуки» (вып. 1 — М., 1889, вып. 2 — М., 1891), «Наша хата» (М., 1891), «Звезды» (М., 1891), «Думы» (М., 1895), «Грезы» (М., 1896), «Нужды» (М., 1896—1897).

Подготовленные Деруновым к печати сборники его стихов не раз запрещались цензурой в Москве и Петербурге. Только в конце жизни, в 1904—1906 годах, ему удалось издать четыре тоненькие книжечки стихов (местом издания в них обозначено Пошехонье). Это первая («Бедный Ваня подкидыш»), вторая, третья и четвертая (все под названием «Стихотворения») «розовые книжки». Они адресованы «детям-грамотеям» (первые две) и «подросткам-грамотеям».

Основные псевдонимы Дерунова: Востробородов, Сербский, Слово-Добро.

183. УЧИТЕЛЬ

Осенью в сумерки улицей
Тихо старушка идет.
Дождик стучит, гололедицей
Грязную землю кует.

Палкой старушка застукалась
С краю, у кельи худой;
С шумом окошко откуталось —
Дедушка смотрит седой.

«Что тебе надо? Не стукайся,
Стекла не выбей — смотри!»
— «Полно, Матвеич, не гневайся,
Встань, подымись, отопри! . .»

Круто окошко закрылося,
Скрипнула дверь под крыльцом,
В улице грязь осветилася
Вмиг, и стемнело потом.

«Савишна, эк как промокнула,
Ну-ка, разденься скорей!
Дрожмя дрожишь, ты прозябнула,
Дождик пробил до костей.

Где пропадала, где бегала?
С год не видались с тобой! . .»
— «В городе, сына проведала,
Умер ведь Саша-то мой!

В Лавру ходила, молилася,
Шла взад, к селу подошла,
Весть мне от Саши прислалася:
Болен; к ему побрела.

Ныли усталые ноженьки;
Надо на Сашу взглянуть,
В город пришла я, с дороженьки
Некогда было вздохнуть.

Слышу, в больнице преставился
Саша, и ноги не шли,
Капали слезы, катилися, —
Шла, не видала земли.

Шла, из больницы встречается
Гроб одинокий, везут. . .
«Саша!» — кричу, обрывается
Голос, возница грозит.

Шла до кладбища, сердечушко
Билось, шептало: «Иди,
Сын твой в гробу, Александрушко,
Ног не жалей, проводи».

Вот и кладбище, пыль носится. . .
«Душу раба упокой!
Раб Александр поминается. . .»
Кинулась нá гроб шальной,

Крикнула: «Саша! Родимая
Мать я твоя, погляди!»

Кто-то вскричал: «Сумасшедшая,
Далее, прочь отведи!»

Памяти тут я лишилася,
Долго лежала больной.
Хворость прошла — захотелося
Знать мне, как умер сын мой.

Саша учитель был, детушки
Слушали, что он читал.
Старший на Сашу за книжечки
Что-то озлился, серчал.

Саша был горд, с старшим-набольшим
Смело о всем говорил,
В три дуги гнуть пред начальником
Спину свою не любил.

Злился начальник — озлобился,
Отнял и должность потом,
Детушки с Сашей прощалися,
Плакали горько о нем.

Как не заплакать — он маленьких
Детушек страстно любил.
«Вырасту, буду учителем», —
Бредил во сне, говорил.

Речи лились непонятные...
Плачет, на деток глядит,
Скажет: «В них силы могучие
Гибнут». И сам задрожит.

Саше нет должности — маялся,
Деток кой-где обучал;
С нужды ль, с натуги ль измучился,
Да и в больницу попал.

Боль доконала детинушку,
Всё он меня вспоминал:
«Эх, увидать бы хоть матушку!»
Умер, родной, не пождал.

Горько, Матвеич, я плакала,
Сердце щемило тоской;
Радость была — и та сгинула.
Как доживу я век свой?

Дряхлая старость подкралася,
Некому очи закрыть».
На́ печь старушка взбиралася
Слезы свои осушить.

1871

184. ДУМЫ ПАХАРЯ

Каплет дождичек, брызжет кругом,
Облака потемнели, сбегаются,
Из них грянул раскатами гром,
Небеса полосой растворяются.

В поле пахарь на лошадь кричит,
Она встала в бороздке, усталая;
Пахарь поднял косулю, стучит,
На лице грусть-забота немалая.

«Ну, родная», — лошадку махнул,
Пошла лошадь вперед, закачалася,
Пахарь молвил, глубоко вздохнул:
«Что за горе, за жизнь навязалася.

Сколько силы работай, положь —
Прибыль к осени выйдет бросовая,
И сбивайся с копейки на грош.
Не поймешь, что за жизнь бестолковая!

Отчего же такое житье
Мужик терпит и с ним не справляется,
Неисходное горе свое
Разрешить, извести не старается?

Иль незнанье всему голова,
Или люди?» Гроза разразилася,
Принагнулась с цветами трава,
Под дождем полегла, наклонилася.

<1872>

185. СТЕША

Ветер сердито в трубе
Свищет, поет, завывает;
Стужа хозяйкой в избе
Из угла в угол гуляет.

Сор и разбросанный хлам,
Видны лохмотья худые,
Стекол нет целых у рам,
Дыры повсюду сквозные,

Иней блестит из трубы,
Тает и капли роняет.
Люлька висит средь избы,
В ней паренек засыпает.

Старшие дети кричат,
По полу скачут, играют,
В рваных рубахах дрожат, —
Холодно, на́ печь влезают.

А горемычная мать
Горем убита, бедою,
Крика не слышит ребят,
Очи сверкают слезою.

Как неживая, она
Голову держит руками,
Щеки белей полотна,
Косы повисли прядями.

Смолоду вольной взросла,
Замуж пошла самоходкой,
С мужем согласно жила.
Стешу в селе звали «ловкой».

Первой жать, прясть и косить
В волости Стеша считалась,
Деток погодно родить
С бабой любою равнялась.

Сыто жилось от труда,
Стали им люди дивиться,
Да вот случилась беда,
С нуждою пришлось поводиться.

Рядом случился пожар:
Искру в сенях заронили,
Дом охватил сильный жар...
Сына в избе позабыли.

Бросился муж доставать
Стешин ребенка соседа, —
И не вернулся назад,
Не отыскали и следа.

Стеша осталась вдовой
С кучей детей — малолеток;
Сердце съедает тоской:
Как ей поднять своих деток?

«Мама! — ребятки кричат, —
Ты бы нам есть положила...»
И горемыки дрожат:
Стужа и печь остудила.

Стеша на деток глядит,
Горе ей грудь разрывает;
Ветер поет и свистит,
Вьюга в щелях завывает.

<1872>

186. ПЕСНЯ

Разбушуйтесь, ветры буйные,
Унесите, чтобы не было
Зла, неправды, дальше за море,
Жизнь о них чтобы не ведала.

На полях, лугах, дороженьках,
На селе, в семье согласная,
Жизнь иная придет — явится,
Будто зорька в небе ясная.

Разбушуйтесь, ветры буйные,
Унесите дальше за море
Зло, неправду с света белого. . .
Без них жить бы — горе не горе.

<1872>

187. ПЕСНЯ

Свищет за окошком,
Вьюга ходит, вьется;
Где-то на селеньи
Песенка поется.

Песенки мотивы
За сердце хватают.
Радость иль страданье
Звуки выливают?

Все, кажись, невзгоды
Все прошли, забыты,
Луч блестит свободы,
К знанью путь открытый.

Людям жизнь иная,
Новая настала;
Правда ль? Но в ответ лишь
Вьюга завывала.

Песня, та же песня,
Грустная, былая,
Над селеньем та же
Ночь висит глухая.

<1872>

188

Ярко в небе месяц
Над селом сияет,
Черные избушки
Светом обливает.

Снежные сугробы
Выше изб и тына,
Нет нигде прохода, —
То ли не картина?

Кое-где мелькает
Свет из окон бледно,
А заглянешь в избу —
Холодно и бедно.

Люди, как больные,
Ходят, точно тени,
Говорят, что это
Будто всё от лени...

Лень тут или горе,
Жизнь — тьма без рассвета?
Думаешь, гадаешь, —
Нет тебе ответа.

Жизнь ты, жизнь лихая,
Больно гнешь и давишь;
Силы, труд наш, слезы
В медный грош не ставишь.

<1872>

Д. ЖАРОВ

Дмитрий Егорович Жаров родился предположительно в 1845 году. Из всех авторов «Рассвета» меньше всего сведений сохранилось именно о нем. Известно, что по происхождению он был из крестьян деревни Мневники Московского уезда. Жил в Москве, занимался мелочной торговлей, а также, по свидетельству М. А. Козырева, был «сидельцем питейного дома».[1] Отличался необщительным характером, очень редко появлялся на сходках «поэтов-самоучек». В последние годы жизни у него был свой дом около Пресненской заставы. Умер Жаров в конце июля 1874 года,[2] 29 лет от роду (по воспоминаниям его дочери, сообщенным А. И. Яцимирскому, создателю «Музея русских самоучек»).

Жаров начал печататься, очевидно, в 1869 году, выступал со стихами в «Воскресном досуге», «Иллюстрированной газете». В самом начале своей литературной деятельности выпустил книжку «Стихотворения крестьянина Д. Жарова» (М., 1869).[3]

---

[1] А. И. Яцимирский, Иван Захарович Суриков в семье своих литературных преемников. — «Русская старина», 1905, № 4, с. 91.

[2] См. письмо Сурикова к Дерунову от 4 августа 1874 г. (ПД).

[3] Рукописи нескольких стихотворений Жарова хранятся в ПД.

189

Четыре года пролетело
С тех пор, как, преданный мечте,
Живу без средств, живу без дела
И в совершенной нищете.
При свете бледном вечерами
Из струн трепещущих перстами
Я извлекаю бедный звук.
Душа полна тяжелых мук.
В квартире тихо, лишь порою
Больные, старые часы
(Предмет уж ветхий для красы)
Плачевно вдруг над головою
Ударят, смолкнут, и потом
Всё тихо; только за окном,
Среди природы мертвой, сонной,
Бушует град неугомонный.

<1868>

190

Ой вы, жители кабацкие,
Люди темные, безвестные,
Бросьте помыслы дурацкие,
За труды примитесь честные.

Вы не пашете, не косите,
Только водкой угощаетесь —
В кабаки копейки носите
И до смерти упиваетесь.

Эх, пора вам, люди бедные,
Прекратить беседы шумные,
Все попойки ваши вредные,
Песни дикие, безумные.

Для себя и для отечества
За труды примитесь с рвением,
Чтоб про Русь всё человечество
Говорило с уважением.

<1870>

191. НА КЛАДБИЩЕ

Холм могильный травою зарос,
Возвышается ель над могилой;
На траве тень лежит от берез,
И вокруг вид печальный, унылый.

Ветра гулкий, порывистый шум,
Пташек звонкое, нежное пенье
Поселили во мне много дум,
И невольно я впал в размышленье.

Я из прошлого стал вспоминать
Погребенного вес и значенье
И не мог совершенно понять,
Почему стал он жертвой забвенья.

Он приличный имел капитал,
Все знакомством его дорожили,
Из тщеславья он денег давал,
Но ему их назад не платили.

Каждый друг к нему в дом приезжал
Аккуратно к началу обеда,
Он равно всех к себе принимал:
Опивалу, глупца, дармоеда.

Все друзья нагло льстили ему,
Доброту до небес возносили,
А меж тем ему шили суму
И злословить его не щадили.

И недолго большой его дом
Был приютом гуляк и нахалов:
Вдруг богач стал бедняк-бедняком —
Отшатнулась толпа опивалов.

Им на смену явилась нужда
С непосильной борьбой и мученьем;
Ему стоило много труда
Сжиться с ней и привыкнуть к лишеньям.

Как окончил суровый он путь,
Не доживши до полного века,
Добрым словом его помянуть
Не нашлося нигде человека.

Ломовой на кладбище отвез
Бедняка, и его хоронили
Два могильщика только, без слез
Гроб убогий в могилу спустили.

И немало промчалось годов,
Как в могилу его схоронили,
А к могиле же нет и следов,
Хлеб и соль его все позабыли.

Все пиры, что друзьям он давал, —
Слава их навсегда потемнела;
Вот что значит убить капитал
Для пустого и глупого дела!

<1872>

192. РАЗГОВОР

— «Ты куда это сына ведешь?»
— «Да хочу, сват, пристроить в ученье.
Был мальчишка мой прежде хорош,
А теперь с ним, поверишь, мученье,
Всё бы только ему баловать.
Хоть в селе есть учитель-то, к счастью».
— «Знать, к тому его хочешь отдать,
Что морочит здесь лекарской частью?
Не подумавши делаешь, сват,
Ты об нем расспросил бы вначале.
И отдашь, да воротишь назад,
Его все хорошо разузнали.
Мой Гришутка, сынок, у него
Год три месяца ровно учился —
И не знает сейчас ничего,
И не то чтобы очень ленился.
Этот фельдшер — дурной человек.

И откуда он к нам появился?
Нынче сына я крепко посек,
Ну да кой-чего я и добился.
Он мне всё дочиста рассказал:
Сын мой только всё время проказил,
Для учителя рожь воровал
Да в карман мой за деньгами лазил.
Вот чему он мальчишку учил,
Он всё наше село обесславил.
Кто не нес ему денег — тех бил,
На колена на целый день ставил.
Если школу построят у нас,
Будет можно и сына пристроить.
Деньги собраны, только тот час,
Знать, далек — и не думали строить!»
— «Ну, спасибо, родимый, тебе,
Лучше брошу я эти затеи, —
Неугодно, должно быть, судьбе,
Чтобы сын мой попал в грамотеи.
Может, люди и дело твердят,
Что не в пользу нам эти науки,
Только жалко, любезный мой сват,
Если будут безграмотны внуки!»

<1872>

193. СУМАСШЕДШАЯ

По зиме жил в столице Панфил, —
Он в деревню свою возвратился
Изнуренный, с потерею сил,
Хорошо, что хоть дома свалился.

Это было в начале весны,
День лежал, два лежал, а на третий
Он не мог узнавать и жены.
Марья плакала, плакали дети...

Пашню некому стало пахать,
Приготовить для топки дровишек,
Заморенную лошадь прибрать,
Приласкать и одеть ребятишек.

Чтоб в трудах за другими поспеть,
Шли крестьяне в поля спозаранок.
Как отрадно, приятно смотреть
На работу крестьян и крестьянок!

Лишь один был не в силах Панфил
Для работы подняться с постели;
Он был плох и вполне походил
На скелет, к концу третьей недели.

А когда же с постели он встал,
Скучно дома сидеть ему стало,
Через силу он пашню пахал,
Не хотел, чтоб семья голодала.

Тихо двигалось дело вперед:
Не хотели служить ему ноги,
Борозды две, не больше, пройдет,
Да и ляжет у самой дороги...

Раз над ним, как он пашню пахал,
Туча крупным дождем разразилась;
Он работу свою не прервал,
Хотя дело и плохо спорилось.

От дождя он дрожал, леденел,
Побледнел весь, сознанья лишился,
И, когда же совсем ослабел,
В борозду, словно сноп, повалился.

До двора сам дойти он не мог,
Под ним ноги, как трости, сгибались,
И опять бедный труженик слег,
И за жизнь его все опасались...

Очень мало Панфил пролежал
И на горе семейству скончался,
Для которого всем рисковал,
Даже смерти самой не боялся.

И когда Марья стала вдовой,
Не о пашне ей думать уж было,

На могиле под липой густой
Она целые дни проводила.

А домой по приходе вдова
Всё-то мужа к себе призывала;
По деревне ходила молва,
Что рассудок она потеряла.

И недаром, как на поле все
Поселяне рожь спелую жали,
То с серпом на пустой полосе
Ее с ранней зарею встречали.

<1872>

М. КОЗЫРЕВ

Матвей Алексеевич Козырев родился 6 августа 1852 года в сельце Крюкове Московского уезда в семье крепостного крестьянина. В 1859 году Крюково сгорело, и крестьян против их желания, с помощью казацких плетей перегнали в имение того же помещика в Смоленской губернии. Но на другой год Матвей Козырев с матерью вернулись ближе к родному дому — на железнодорожную станцию Крюково. Отец же уехал на заработки в Москву, стал легковым извозчиком. В 1862 году он привез в Москву и сына, которого отдал в услужение в маленькую табачную лавочку. К тому времени Козырев уже научился «от людей» читать и скоро горячо полюбил книги. Двенадцати-тринадцати лет он начал «сочинять».

В 1866 году отец открыл для сына табачную лавочку близ Тверской заставы. Здесь Козырев познакомился и подружился с одним из своих покупателей — Иваном Захаровичем Суриковым. В автобиографическом рассказе «На пути-дороге к свету» (вошел в книгу «Из народного житья-бытья») Козырев позднее рассказал об этом знакомстве. «В Иване Захаровиче он встретил все: брата, друга и учителя», — так говорится в рассказе про его юного героя. Козырев и Суриков долгое время были ближайшими друзьями. Лишь в последние годы жизни Сурикова между ними возникла известная отчужденность, хотя дружеские отношения по внешности сохранялись. Суриков, видимо, считал некоторые поступки и мнения Козырева, ставшие ему известными, нетоварищескими, предающими их дружбу. Козырев, по свидетельству одного современника, объяснял изменение отношений так: «когда тот предпочел ему поэта И. К. Кондратьева, то он охладел к Сурикову». [1]

[1] К. Хренов, Скромные таланты, М., 1910, с. 24—25.

Очевидно, в 90-е годы Козырев довольно близко познакомился со Львом Толстым, посещал его в Ясной Поляне, писал ему письма.[1]

Рослый, красивый, похожий на картинного купца, Козырев был заметной, яркой московской фигурой. В деловом отношении он преуспел много больше своих товарищей. Со временем он стал вести более или менее значительные дела: занимался извозом, очисткой мусора со дворов, имея для того рабочих; был владельцем костоваренного завода. В 1900 году приобрел свою землю в Бронницком уезде, недалеко от Москвы, поселился там с семьей и лишь зимы проводил в Москве.

Умер Козырев 10 октября 1912 года.

Дебютировал он в печати стихотворением «Раздумье старика» («Грамотей», 1871, № 9). Позднее в основном писал прозу: рассказы, очерки. Печатался в журналах и газетах: «Развлечение», «Воскресный досуг», «Иллюстрированная газета», «Пчела», «Будильник», «Московский листок», «Русский листок», «Новости дня», «Юная Россия», «Детское чтение» и других. Стихи Козырева включены в коллективные сборники «писателей-самоучек»: «Родные звуки» (вып. 1 — М., 1889; вып. 2 — М., 1891), «Думы» (М., 1895), «Нужды» (М., 1896—1897). Отдельным изданием его стихотворения вышли в составе «Библиотеки „Крошка"» под названием «Думы и грезы — нужды и слезы» (Киев, 1893).[2] Рассказы Козырева собраны в двух книгах: «Из народного житья-бытья» (М., 1878) и «Типы Замоскворечья. Очерки и рассказы из купеческого быта» (М., 1879; второе издание — под названием «Днем и ночью», М., 1896).

Основные псевдонимы Козырева: М. Крюков, Матвей Прутков (для юмористических произведений на «мелкие случаи»), Рыжая борода, Философ из Ямской и другие.

---

[1] См.: «Корреспонденты Л. Н. Толстого», М., 1940, с. 75.

[2] В письмах Козырева (хранятся в ГБЛ) есть упоминание о сборнике его стихов, изданном в 1881 г. в Москве. Однако разыскать такое издание не удалось.

194. НИЩИЙ

Летней жаркою порою
Солнце жгучее печет,
По селу с большой сумою
Старичок седой идет.

От окна к окну подходит
С обнаженной головой,
И во имя бога просит
Он с протянутой рукой.

И, крестяся, принимает
Подаянье из окна
Да печально вспоминает
Жизнь былую старина.

Было время, что когда-то
Сам он нищим помогал;
Жил исправно он, богато,
Злой нужды в глаза не знал.

Что ж такое разорило,
Кто обидел старика? —
Чарка хмельного сгубила,
Разорила бедняка.

И пришлось ему с сумою
Хлеб насущный собирать
Да в тяжелый час порою
Свою долю проклинать.

<1872>

195. ЖАТВА

Точно море, рожь высокая
Стоит тихо, не колышется,
За межой, чу... песня звонкая
Чья-то стройно льется, слышится.

Полосою ржи широкою
Идут жницы загорелые

И серпами рожь высокую
Жнут, снопами вяжут спелую.

И кладут копнами, кучами
Рожь-надежду, свое золото,
Что их силами могучими
Да кровавым потом до́быто.

Бог на помочь, люди добрые,
Дай вам силу да терпение,
Чтобы в пору вам, во времечко
Убрать золото — имение.

<1872>

196. РАССВЕТ

Темнота весенней ночи
　　В поле разределась;
Смеркли звезды, ночи очи,
　　Зорька загорелась.

Осветился лес дремучий,
　　Зеленью одетый;
Щелкнул, чу! певец могучий
　　Соловейко где-то.

И далеко лесом трели
　　Звонко покатились,
А верхушки стройных елей
　　Зорькой золотились.

В небе, следом за зарею,
　　Солнце появилось,
И, омытая росою,
　　Травка оживилась.

Сторона моя родная,
　　Ты, как утро это,
Рассветай, преград не зная,
　　Просвещеньем света!

<1872>

197. ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО

Что не вольный ветер в поле
Тополем качает,
То девица свою долю,
Плача, проклинает:

«Пусть бы долю мою злую
Море потопило,
Что девицу молодую
Счастьем обделила.

Наделила красотою,
Как она хотела;
Да, бедняжке, мне с любовью
Разойтись велела.

Век девичий доживаю
С горем да тоскою,
Горемычная, не знаю,
Что зовут любовью».

<1872>

Е. НАЗАРОВ

Егор Иванович Назаров родился в городе Ельце Орловской губернии в 1847 или 1848 году. Отец его — обедневший купец. Грамоте Назаров научился самоучкой, восьми лет. В юности был подносчиком в кабаке, служил на табачной фабрике, работал приказчиком. Жил он в Рязани, Москве, но преимущественно в родном Ельце. К середине 70-х годов завел крупное хлебное дело, но вскоре разорился.

Много времени уделял Назаров краеведческим разысканиям, работал для Орловской ученой архивной комиссии, подготовил и опубликовал труды по истории Орловщины, в частности Ельца. Последние годы, больной и одинокий, жил на скудное жалование члена Елецкой городской мещанской управы. В конце века с ним познакомился И. А. Бунин. [1]

Умер Назаров 20 октября 1900 года.

Его литературным дебютом было стихотворение в сборнике «Рассвет». Он участвовал также в других коллективных сборниках: «Родные звуки», вып. 2 (М., 1891), «Звезды» (М., 1891). Стихотворения и рассказы его публиковались в «Русском курьере», «Сыне отечества», «Гражданине», «Новостях дня», «Родине», «Орловском вестнике» и других изданиях. При его жизни вышли один за другим два стихотворных сборника: «Собрание стихотворений Е. И. Назарова» (М., 1888) и «Собрание стихотворений Е. И. Назарова (издание первое)» (Елец, 1889).

[1] Автобиографическая заметка. — И. А. Бунин, Полное собрание сочинений, т. 6, Пг., 1915, с. 326.

198. БЕДНОСТЬ

Бедность, бедность, нищета,
Ты всему виною,
Честь, рассудок, красота
Губятся тобою.

Чрез тебя бедняк идет
И в огонь и в воду
И невольно продает
Совесть и свободу.

Не мила с тобою воля
И легко в тюрьму попасть;
Чрез тебя, лихая доля,
Мать и дочь свою продаст.

И по улицам с сумою
Заставляешь ты ходить,
Чтоб с протянутой рукою
Подаяния просить.

<1872>, <1887>

199. ПОГОРЕЛЕЦ

(Встреча на улице)

В суровой, холстинной рубахе,
Оборванный, бледный, босой,
Стоит перед сытой толпой
С понуренным видом и в страхе
Недавно сгоревший крестьянин
(Известны пожары крестьянских жилищ).
Вчера еще был он хозяин,
Сегодня без крова и нищ.

Трудно просить подаянья тому,
Кто сам подавал и трудился;
Неволя надела суму,
Голод в семье поселился.
Кто-то из добрых прохожих
Подал копейку иль грош.

Два господина пригожих
Что-то шепнули под нос

И пошли стороною; мужик
Только и мог разобрать,
Что, мол, крестьянин привык
На судьбу свою вечно роптать.
«Притворяется, кажет заплаты,
Не оглянешься — тут же и пьян».
Осудили несчастного хваты
И сами пошли в ресторан.

Кто же, несчастный, пособит тебе?
В ком ты отыщешь участье?
В том, кто в житейской тяжелой работе
Изведал превратности счастья.
Кто сердцем о брате болеет
И знает, что значит «нужда»,
Тот камня поднять не посмеет,
С презреньем бежит он суда.

<1887>

А. РАЗОРЕНОВ

Алексей Ермилович Разоренов (или, как сам он подписывался: «Раззоренов») родился в 1819 году в сельце Малое Уварово Коломенского уезда Московской губернии. Он — сын крепостного крестьянина, позднее приписавшегося к московскому мещанству.

Грамоте Разоренов учился у приходского пономаря по Псалтырю и самоучкой. Первые десятилетия его самостоятельной жизни прошли в скитаниях и смене разнообразных занятий. Он был приказчиком, актером на маленькие роли в труппе Н. К. Милославского (50-е годы), лакеем, разносчиком, поваром, членом «золотой роты».

В середине 60-х годов Разоренов окончательно поселился в Москве и открыл мелочную овощную лавку. Газета «Народный голос» посвятила ему большой сочувственный очерк «Поэт-лавочник» (1867, 2 июня).

Описание Разоренова-старика оставил А. Коринфский: «В высшей степени оригинально было видеть старика лавочника в длиннополом (московском) полукафтане, декламирующего из-за прилавка целые монологи из «Гамлета», «Короля Лира», «Ляпунова», «Скопина-Шуйского», «Велизария» и других пьес и с чисто юношеским увлечением произносившего наизусть любимые места из «Демона», «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Громобоя».[1]

Умер Разоренов 21 или 22 января 1891 года.[2]

Стихи (песни в народном духе) он начал сочинять, очевидно, в 50-е годы. Однако, по свидетельству того же А. Коринфского, до

---

[1] А. К<оринф>ский, Памяти незаметного человека. — «Саратовский листок», 1891, 30 января.

[2] Сохранилась автобиография Разоренова, она опубликована в названной статье А. Коринфского и в журнале «Северный вестник» (1891, № 3, отд. 2, с. 107).

знакомства с Суриковым Разоренов и не думал о том, чтобы их опубликовать. Печатался он с начала 70-х годов в «Грамотее», «Воскресном досуге», «Иллюстрированной неделе», «Радуге», «Московском листке», «Новостях дня», «Русском курьере» и других изданиях. Его стихотворения включены также в коллективные сборники: «Родные звуки» (вып. 1 — М., 1889; вып. 2 — М., 1891), «Наша хата» (М., 1891), «Грезы. Сборник стихотворений, посвященный памяти поэта-крестьянина А. Е. Разоренова» (М., 1896), «Нужды» (М., 1896—1897). Книг стихотворений Разоренова нет. При его жизни вышло в свет «К неоконченному роману «Евгений Онегин», соч. А. Пушкина, продолжение и окончание, соч. А. Разоренова» (М., 1890).[1]

200

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его, —
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнем,
Всё не мило мне, постыло,
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

---

[1] Немногочисленные рукописи Разоренова хранятся в ГБЛ и ПД.

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая, —
Я должна его любить! . .

1850-е годы

201. ПЕСНЯ

Что не тученька,
Туча черная,
Через темный лес
Поднимается.

Нет, то грозный муж,
Горький пьяница,
Бить меня, злодей,
Собирается.

Бить за то, что я,
Ходя по воду,
С Ваней, мóлодцем,
Застоялася.

Говоривши с ним,
Позабылася, —
Поздно к мужу в дом
Воротилася.

Бей же, бей меня,
Нелюбимый муж,
Коротай мою
Жизнь постылую!

Как ненастный день,
День без солнышка,
Тяжела она
Мне без радости.

Бог прости моей
Родной матушке,
Что не по сердцу
Замуж выдала.

<1872>

202. НА КЛАДБИЩЕ

Заря, чуть теплясь, догорает;
Темнеет жаркий летний день,
И ночь неслышно опускает
Свою на всю окрестность тень.

Какая тишь, уединенье
Везде на кладбище царит!
Как всё полно успокоенья;
Кругом ни звука — всё молчит.

Полны какой-то грустной думы,
Деревья старые молчат,
Невозмутимы и угрюмы,
Свои могилы сторожат.

Молчат спокойные могилы,
Молчат заснувшие кусты,
И месяц бледный и унылый
Безмолвно смотрит с высоты.

Но не молчит в груди страданье, —
И, как палач, передо мной
Стоит о прошлом вспоминанье
И сердце рвет мое тоской!..

Здесь в тишине, уединеньи
Как я желал бы отдохнуть!
Забыть сердечные мученья
И тихим вечным сном заснуть!..

<1889>

203

Вот уж потухает
За горою день;
Стелет ночь повсюду
Сумрачную тень.

Тихо до ночлега
Я бреду один...
Нет живого звука
Средь немых долин.

Всё мертво и пусто
В этой тишине,
Только голос друга
Слышен будто мне.

«Помнишь ли меня ты,
Друг сердечный мой?
Где ты, что с тобою
В стороне чужой?»

Помню, друг мой, помню
Я тот горький час,
Как нужда и горе
Разлучили нас.

С той поры в чужбине
Я один брожу,
Всё ищу я счастья —
Да не нахожу.

Но, быть может, скоро
Дни мои пройдут,
И нужду и горе —
Всё с собой возьмут.

Так порой промчатся
В небе журавли,
Вскрикнут — и затихнут
В облачной дали!..

<1891>

И. РОДИОНОВ

Иван Дмитриевич Родионов родился, по-видимому, в 1852 году в городе Одоеве Тульской губернии. Его отец вел бакалейную торговлю, сын с малых лет помогал ему по лавке. Грамоте Родионов выучился дома. Около 1870 года он поселился в Москве, служил приказчиком, затем артельщиком Российского общества транспортирования кладей на товарной станции.

Для самоопределения Родионова имело большое значение его знакомство с Суриковым. Они подружились. Суриков был посаженым отцом на свадьбе своего товарища в ноябре 1873 года. Супруги Родионовы жили бедно, оба работали не покладая рук. У Ивана Дмитриевича рано развилась чахотка. Умер он в Ялте 12 июня 1881 года.

Печатался Родионов с начала 70-х годов. Дебютировал он в «Воскресном досуге», выступал со стихотворениями также в «Иллюстрированной газете», «Иллюстрированной неделе», «Грамотее», «Развлечении», «Ремесленной газете», «Неве», «Будильнике». Некоторые стихотворения Родионова собраны в книге «Нужды. Сборник стихотворений, посвященный памяти поэта-самоучки И. Д. Родионова» (М., 1896—1897). Печатался также под псевдонимом И. Евсеев. [1]

[1] Рукописное наследие Родионова (стихотворения, письма) хранится в основном в ГБЛ.

204

Смотрит месяц с неба
На столичный город,
Смотрит, где довольство
У людей, где голод.

Заглянул он в окна
Здания большого,
Залитые светом,
Этажа второго.

Видит: бал в разгаре,
Музыка играет,
У людей на лицах
Счастие сияет.

Все довольны жизнью
Иль хоть настоящим.
И спустился месяц
Вниз лучом блестящим,

И проник сквозь стекла
Он в этаж подвальный;
Грязны, малы окна
Свет дают печальный.

Видит месяц сцену
Жизни горемычной:
Муж жену, беднягу,
Бьет рукой привычной.

Всё дотла он пропил,
Не за что схватиться,
В голове ж бушует, —
Надо похмелиться.

А жена причиной,
Зло на ней срывает,
Отчего нет денег,
Что́ не добывает.

И напрасно мужу
Бедная клянется,
Что в дому нет гроша,
Ничего неймется.

Затвердил, что душу
Вышибет из тела,
Чтоб в другой раз денег
Прятать не посмела.

Вкруг толпятся дети,
Матку отымают,
Под кулак отцовский
Тоже попадают.

Грустно прочь отходит
Месяц от подвала,
Больно ему видеть
Сцену эту стало.

<1872>

205. УДАЛЕЦ

Наделила судьба
Добра молодца
Красотою лица,
Силой, удалью.

И чего для него
Больше надо бы —
Работа́й да прельщай
Сердца девичьи.

Убирай свой домок,
Приготавливай,
Да подругу себе
Принюравливай.

Да далеко зашла
Удаль молодца,

Захотелось ему
С ней помыкаться.

Захотел испытать
Жизнь он вольную,
Погулять, поглядеть
Русь раздольную.

И пошел он, не внял
Мольбам матери,
Не кидать чтоб ее
В горькой старости.

Год проходит, другой, —
Нету весточки,
Где живет, как живет
Добрый молодец.

Уж на третий дошел
Слух до матери,
Что идет ее сын
По Владимирке.

Что идет он, в цепях
Крепко скованный,
Что сгубила его
Удаль с волюшкой.

<1872>

206. ПОСЛЕ НАБОРА

Полно, полно, старуха, реветь,
Ты тоску своим ревом наводишь;
Сна лишилась совсем и не ешь,
Только дела, что по дому бродишь

Иль сидишь, где Петруха сидел,
Причитаешь по нем, как шальная;
Не один наш Петруха пошел —
Видно, воля уж божья такая.

Вот соседку так жалко подчас:
В два набора по сыну лишилась,
С малолетком осталась; нужда,
Муж пьянчуга, изба развалилась.

Нет помоги, работника нет,
Всё одна по хозяйству справляет,
Муженек же сидит в кабаке
Да добришко из дому таскает.

Ей простительно плакать, а мы
Ведь слезами гневим только бога,
Не одни, есть сынишка у нас,
Есть надежда, в работе помога.

Так грешно нам с тобою роптать,
А помолимся лучше, старуха,
Чтоб привел бог с тобою дожить
До тех пор, как вернется Петруха.

<1872>

207. ПОЖАР ОТ ГРОЗЫ

Поднялася туча черная,
Пронеслась гроза долинами,
Подошла к селу богатому,
Разразилась над овинами.

То-то стон поднялся, оханье,
Как пошел огонь попрыгивать,
Истреблять добришко жителей,
Жарить скот, скирды раскидывать.

Ошалели православные
От беды такой негаданной, —
Только крестятся да молятся,
На костер взирая пламенный.

Говорят всё речи умные:
Что пожар такой не тушится,

Что то́ божье попущение...
Эх, речей бы тех не слушаться!

В ту же ночь на месте двориков
Только остовы чернелися
Да кой-где ребятки малые
На пожарище виднелися.

Сорока дворов как не было,
Пяти душ не досчиталися,
Остальные ж без пристанища
И без хлебушка осталися.

Ходят по миру семействами,
Ходят, просят подаяния,
Говорят, что воля божия
Всё взяла их состояние.

<1872>

208. СЧАСТЛИВЕЦ

Счастливец тот, кто жизнь проводит
Без тайной внутренней борьбы,
Кому раздумье не находит
О коловратностях судьбы;

Кто не болит душой за братьев,
Убитых горем и нуждой,
Не шлет укоров и проклятьев
Тому, кто тем бедам виной;

Не прет рожна и не страдает
В сознаньи слабости своей,
А только, хвастаясь, блистает
Богатством пошленьких страстей;

Кому одна печаль-тревога,
Одно докучное дитя,
Чтобы гладка была дорога
Лишь только собственному «я»;

И это «я» по ней со славой
До дня расчета довести,
До остального ж — боже правый,
Трава хоть в поле не расти!

<1872>

209. ЛЖЕ-ЮРОДИВЫЙ

По селу в рубахе длинной
  Бродит день-деньской
Молодой парнина видный,
  Дармоед мирской.

Бродит он, народ морочит
  Дурью напускной;
Точно моль, труды их точит,
  Пройда записной.

Тут, глядишь, переночует,
  Там поест, попьет;
В благодарность уворует,
  Где что попадет.

А народ, как в святость, верит
  В этого плута,
Дармоедство его терпит,
  Хоть своя нужда.

У детей кусок отнимут,
  А ему дадут.
Чуть завидят — шапку снимут,
  В избу зазовут.

Верят, будто посещает
  Дом тот благодать,
Где блаженный побывает,
  Удостоит взять

Хлеб и соль с придачей гривны,
  У кого и двух;
Надают кусков холстины,
  Пирогов, ватрух.

Так живет себе пройдоха,
Благо слеп народ,
И живет куда неплохо
Без нужды, забот.

<1872>

210. ДОБРО И ЗЛО

Укажи кто-нибудь нам на зло —
И мы зло то согласно признаем;
Без указанья же, право, подчас
Мы и зло за добро повстречаем.

Да и как их, по чем отличить?
То и это в потемках творится;
Зло, как известно, боится кары,
А добро вечно света стыдится.

Ну и ходят по тайным путям,
А сойдутся — себя ж не узнают;
И войдут рука об руку в мир,
Рука об руку в нем и блуждают.

<1872>

211. С ГЛАЗУ

Над Еремой три невзгоды
Разразились сразу,
И твердит Ерема бедный:
Неспроста то — с глазу.

Уж как первая невзгода —
Хлеб не зародился,
А запаса нет в помине,
Весь давно подбился.

А вторая-то невзгода —
Холода настали,
Хату ветхую Еремы
Ветры разметали.

А как третья-то невзгода
В корень доконала:
С плеч последняя рубаха,
Износившись, спала.

И задумал наш Ерема
Порешить всё сразу.
Порешил .. Пошли допросы...
Неспроста то — с глазу! ..

<1873>

212

Не корите меня, не браните, —
Не любить я его не могла,
Полюбивши же — всё, что имела,
Всё ему я тогда отдала.

Поглядите, что сталось со мною:
Где девалась моя красота?
Где румянец, что спорил с зарею?
Где волнистых волос густота?

Где девичий мой смех серебристый,
Где беспечная резвость моя,
Где улыбка и взгляд мой открытый,
Чем пленила коварного я...

Где та кровь, что бежала по жилам
Огневою, горячей струей,
Где та страсть, что сжигала, томила,
Клокотала в груди молодой,

Где тот голос, игривость в движеньях?
Где та юность, та юность моя,
Что ему лишь, ему безраздельно
Отдала, безрассудная, я? ..

Отдала! .. Ничего не воротишь —
Ничего из былого назад,
Даже слабой надежды на счастье,
На его снисходительный взгляд...

Не корите меня, не браните, —
Я любила, люблю и сейчас
Той любовью горячей, безумной,
Что чужда, непонятна для вас.

Я готова забыть мое горе
И простить ему всё его зло...
Не корите меня, не браните,
Мне и так тяжело, тяжело!

<1876>

213. ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО

«Полно, полно мне шататься,
Людям докучать,
Пойду в сторону чужую
Долюшку искать.

Выйдет доля — буду жить я,
Нет — так утоплюсь,
Но продаться — не продамся,
В наймы не наймусь».

И пошел — прошел немало,
Доли не сыскал,
Свою волю добрым людям
Без торга отдал.

<1872>

214. ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО

Умер старый батюшка,
Умерла и мать;
Некому сироточку
Дочку приласкать.

Что же, что же делать мне,
    Сироте, одной,
В люди ли отправиться,
    Дома ль жить с тоской?

Выйду в сад зеленый я,
    Цветик посажу
И на этом цветике
    Так заворожу:

Будет рость — останусь я,
    Друга стану ждать,
Если ж нет — судьба моя
    В людях пропадать.

С каждым годом в садике
    Цветик тот растет,
К сироте ж работнице
    Жданный друг нейдет.

<1872>

И. ТАРУСИН

Иван Егорович Тарусин родился в 1834 году в селе Дединове Зарайского уезда Рязанской губернии. Грамоте выучился самоучкой.

В конце 50-х годов приехал в Москву, служил половым в трактирах, одно время содержал собственный трактир в Коломне. Несколько лет прожил в Петербурге (очевидно, с 1860 года). При отъезде его из Москвы А. Н. Плещеев, сочувственно относившийся к самому Тарусину и его первым поэтическим опытам, дал ему рекомендательное письмо к поэту Л. А. Мею. Мей сыграл значительную роль в образовании Тарусина, они стали друзьями.

В начале 70-х годов, а может быть и раньше, Тарусин вернулся в Москву. В 1874 году он перенес удар паралича, сделавший его калекой. Некоторое время Тарусин продолжал писать левой рукой. Последние годы жизни он провел в родном селе. Умер 22 июня 1885 года.

Тарусин писал стихи и прозу. Печатался с середины 60-х годов очень редко — в «Воскресном досуге», «Иллюстрированной газете».

215. ЗИМА

Ну-ка, зимка-зима,
Наступай поскорей:
Мы убрались с полей —
Ожидаем тебя,
И соломой избу

Уютили кругом,
И дровец-хворосту
Навозили на двор,
И телега давно
Убрана под навес,
И лошадушки корм
Поедают в клетях,
И лишь только бы путь
Позакрылся снежком,
Мы по снегу в санях
Встретим тройкой тебя.
А по тройке ямщик
Только свистнет кнутом, —
У красавиц девиц
Щеки вспыхнут огнем,
Алым вешним цветком:
Знать, румян да белил
Дед-мороз надарил.

14 ноября 1860

216. НЕВЗГОДА

У стола пустого
Праздничной порою
Думает крестьянин
Думу сам с собою.

Думает он думу
Про лихую долю,
Что нужды и горя
Натерпелся вволю.

Поедом заела
Мужика невзгода,
И бедняк не видит
Из нее исхода.

Первое — с женою
Доля не клеится;
Делает, что хочет,
Мужа не боится.

Не рачит о доме,
Бросила трудиться;
На уме лишь только
Как бы нарядиться.

Как бы в хороводе
Павою пройтися,
А изба, хозяйство —
Всё хоть провалися.

А второе — в лето
Хлеб не уродился,
Хоть не хуже прочих
В поле он трудился...

Третье ж — срок подушным,
Староста тревожит;
Просто отовсюду
Злое горе гложет.

Занял у соседа
Хлеб в зерне к посевам,
А отдать не в силах;
Тот стращает гневом.

Уведет, вишь, лошадь,
Сам хоть в воз впрягайся;
За неверность слову
На себя и кайся...

У стола пустого
Долго сам с собою
Думал горемыка,
Как тут быть с бедою.

<1872>

III

М. ЛЕОНОВ, С. ДРОЖЖИН

М. ЛЕОНОВ

Максим Леонович Леонов родился в августе 1872 года в деревне Полухино Тарусского уезда Калужской губернии. Проучился он в сельской школе всего полтора года. Десяти лет приехал с отцом в Москву, помогал ему в торговле. С детских лет увлекался чтением, чем вызывал постоянный гнев отца; приходилось читать тайком, по ночам. В своей автобиографии[1] Леонов рассказывает, что он решил сам писать стихи после того, как подростком прочитал стихотворения Сурикова.

Леонов был человеком исключительно деятельным. С конца 80-х — начала 90-х годов вокруг него создается кружок «писателей-самоучек». Впоследствии Леонов собирал разнообразные материалы о своих товарищах, задумал издание обширного сборника, отражающего их литературные труды. Он был издателем и редактором нескольких коллективных сборников произведений «самоучек», в которых и сам участвовал. Проявлял инициативу в разнообразных направлениях: от создания в начале XX века кружка «Друзья мира» (после ноты русского правительства, призывавшей другие европейские правительства к разоружению) до открытия бесплатной библиотеки-читальни в родном селе.

К началу XX века Леонов оставляет торговлю, становится литератором-профессионалом, выступает в печати с публицистическими произведениями, рассказами, очерками. По временам занимается различными книгоиздательскими и книготорговыми предприятиями.

В 1905—1910 годах в произведениях Леонова начинают сильнее звучать мотивы борьбы и гнева, активизируются связи с освободительным движением. Основанное им издательство «Искры» выпустило в свет книги «Пауки и мухи» К. Либкнехта, «За что борются люди, ходящие с красным знаменем» и другие. Есть сведения о том,

---

[1] Хранится в «Музее русских самоучек» (ПД).

что Леонов произнес речь на похоронах Н. Э. Баумана. Он неоднократно подвергался арестам и другим наказаниям за издание и распространение «недозволенной» литературы.[1]

После резких выступлений конкретно-обличительного характера в газете «Раннее утро» (они содержали критику тюремных порядков, а также намеки на видного чиновника) Леонову было предложено покинуть Москву. В конце 1910 года он переезжает в Архангельск, где организует издание газеты «Северное утро» (Леонов — ее фактический, а с октября 1916 года и официальный редактор). После установления советской власти в Архангельске работал в местном Губоно, в отделении РОСТА, газете «Трудовой Север», в середине 20-х годов — продавцом отдела детских игрушек. Умер в 1929 году.

Поэзии Леонов отдал дань в основном в молодые годы. Дебютировал он в московской газете «Вестник» 28 февраля 1887 года. Его стихотворения входят во многие сборники: «Родные звуки» (вып. 1 — М., 1889; вып. 2 — М., 1891), «Звезды» (М., 1891), «Думы» (М., 1895), «Грезы» (М., 1896), «Нужды» (М., 1896—1897), «Блестки» (вып. 1—2, М., 1890). Произведения разных жанров печатались им в «Родине», «Задушевном слове», «Народном благе», «Свете», «Русском курьере», «Новостях дня», многих провинциальных изданиях. Отдельными сборниками стихотворения публиковались трижды: «Первые звуки. Стихотворения Максима Леонова» (М., 1889), «Стихотворения. Издание второе, дополненное» (М., 1898), «Стихотворения и рассказы. Издание третье, дополненное» (М., 1905). Основные псевдонимы Леонова: Максим Горемыка, М. Дунин.

217. ДЯДЯ СИДОР

«Здравствуй, дядя Сидор,
Долго не видались!»
—«Да, долгонько, барин,
Правда, не встречались!..

[1] В. А. Ковалев, Поэт-суриковец М. Л. Леонов. — «Русская литература. Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. I», М. — Л., 1957, с. 257—259.

А беда-то, слышал,
У меня какая?
В гроб меня загонит
Женка молодая!..»
— «Как жена? да что ты!
Разве повенчался?..»
— «Вот уж год, сударик,
И второй начался...»
— «Кто ж тебя сосватал?»
— «Сам, родной, женился;
Видно, враг попутал,
Вот и окрутился!
Взял ее, сиротку,
Разодел богато,
Для нее поставил
Новенькую хату.
Всем ей потрафляю,
Да не тут-то было!
Видно, с мужем старым
Ничего не мило:
Ходит молчаливо,
Друга вспоминает,
По ночам частенько,
Слышу я, рыдает.
Стану утешать я —
Взглянет так сурово...
Да, надел я, барин,
На себя оковы!
А не ждал, не чуял
Я беду такую...»

И повесил старый
Голову седую.

<1889>

218

От тоски-злодейки
Да от злой кручины
Пролегли глубоко
На лице морщины.

От тоски-кручины
Кудри уж не вьются;
Про любовь и счастье
Песни не поются.

Запоешь ли песню,
Песню удалую —
Голос оборвется,
Запоешь другую...

В поле вьюга стонет,
Злобно завывает
И в лесу деревья
Старые качает.

Слыша эту песню,
Сердце больно бьется;
Хочешь петь про радость —
Про тоску поется;

Хочешь ты смеяться,
Хочешь веселиться —
А слеза невольно
По щеке катится...

<1891>

219. ОСЕНЬЮ В ДЕРЕВНЕ

Хмурый день осенний,
Дождик моросит,
Ветер злой, сердитый
Ставнями стучит.

Мглою обложились
Рощи и леса;
Смолкли перелетных
Птичек голоса.

Тучи дождевые
По небу плывут,
И с утра до ночи
Всё дожди идут.

Улица безлюдна,
Улица пуста,
Изредка услышишь:
Скрипнут ворота

И к колодцу баба
С ведрами пройдет...
Дождь без перерыва
Всё идет, идет...

<1891>

220. РОДНАЯ ПЕСНЯ

Песня печальная, песня унылая
Слышится где-то в тиши;
Звуки, как ветер осенний, тоскливые
Льются из скорбной души.

Доля суровая, доля жестокая
В песне слагается той,
Жизнь горемычная, жизнь одинокая,
Жизнь с бесконечной тоской!..

<1898>

221. РОДИНА

Тихий шум дубравы,
Песня соловья,
Робкое журчанье
Горного ручья;

Темный лес дремучий,
Пестрые луга...
Родина! о, как ты
Сердцу дорога!..

<1898>

222

Под зеленым навесом березы
Мы стояли обнявшись с тобою,
Ты роняла горячие слезы
И смотрела мне в очи с мольбою.

А до нас доносилися звуки
Соловьиной чарующей трели.
Мы хотели все высказать муки,
Но невольно друг друга робели.

Мы молчали, но этим молчаньем
Говорили мы много с тобою,
Хорошо ты меня понимала,
Да и ты была понята мною.

Мы пришли сюда, чтобы проститься,
Но «прости» с наших уст не срывалось,
И безумная мысль о разлуке
Позабытою так и осталась.

Ты шептала мне нежное слово,
Я твоей красотой восхищался;
А сквозь листья нависшей березы
Месяц ласково нам улыбался.

<1898>

223. ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Не взирай на мрак и голод,
Поднимай-ка выше молот,
Опускай и не робей
И по стали крепче бей.

Пусть огонь летит и свищет,
Пусть себе исхода ищет,
Ты на искры не взирай —
Сталь сильнее накаляй!

Пусть на твой удар, со стоном,
Сталь ответит гулким звоном,
Ты героем будь, кузнец,
И из стали скуй венец.

Наряди в венец свободу
И пошли ее к народу,
Что в неволе злой живет
И к себе свободу ждет.

Не взирай на мрак и голод,
Подымай ты выше молот,
Опускай и не робей
И по стали крепче бей.

Скуй, кузнец, из крепкой стали
Цепи, чтоб они сковали
Тех, кто много-много лет
Омрачал науки свет.

Пусть они в цепях узнают,
Как томятся и страдают,
Как с цепями любо жить,
Как отрадно их носить.

Не взирай на мрак и голод,
Поднимай-ка выше молот,
Опускай и не робей
И по стали крепче бей!

<1906>

224. ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ

Я песню крестьянскую вам пропою,
Послушайте, братья, вы песню мою:
Та песня в крестьянской избе рождена,
В ней только лишь правда и правда одна.

Мы света не знаем, во тьме мы живем,
Работаем много, но с голода мрем,

А с нами скотина от голода мрет —
Не знаем, кто лучше на свете живет.

И землю мы пашем, и косим, и жнем,
Одна лишь забота и ночью и днем —
О хлебе, чтоб только себя прокормить,
Да подать исправно казне заплатить.

О, подать! Зачем это всё и на что?
Мы платим, но сами не знаем мы то.
Плати! Не заплатишь — корову сведут,
И лошадь и всё у тебя продадут.

Какое им дело, что с голоду мрешь,
Что по миру скоро с сумою пойдешь?
Оброк им скорее давай-подавай,
А сам ты с семьею ложись умирай.

Слыхали мы часто и слышим сейчас,
Что деньги, которые грабят у нас,
Идут на обжорство и пьянство вельмож.
На них не придет никогда вот падёж!

Какое им дело, что голодны мы,
Что мы задохнулись от мрака и тьмы?
Им только оброки давай-подавай,
А сам ты с семьею ложись умирай.

Да где ж справедливость законов твоих,
Мой боже! Ведь создал злодеев ты их,
Ведь дал ты им образ не хищных зверей,
А твой, в доброте бесконечной твоей.

За что же так терпим мы голод, нужду,
Мы трудимся вечно (и слава труду!) —
Они же, как трутни, в довольстве живут
И, словно клопы, кровь крестьянскую пьют.

О боже! Да где же законы твои,
Когда же придут для нас светлые дни?
Им только оброки давай-подавай,
А сам ты с семьею ложись умирай.

<1906>

С. ДРОЖЖИН

Спиридон Дмитриевич Дрожжин родился 6 декабря 1848 года в деревне Низовка Тверской губернии. Родители его были «временнообязанными» крестьянами (отец в первые годы жизни Дрожжина занимался извозом в Москве), семья постоянно жила в большой нужде. Осенью 1858 года Дрожжин был отдан в школу к деревенскому дьячку, но в 1860 году родители решают отправить мальчика на заработки в Петербург. По приезде в столицу он стал служить половым в трактире при гостинице. Тяжелый труд и обиды скрашивались лишь любовью к пению песен, которым Дрожжин научился в родной деревне, и все сильней разгоравшейся страстью к чтению.

До середины 90-х годов в скитаниях по России ему пришлось сменить множество профессий и занятий. Он был приказчиком в табачной лавке и магазине газовых свечей, чернорабочим, лакеем у помещиков, секретарем «у одного князя», доверенным по поставке дров Николаевской железной дороги, агентом Волжского пароходного общества «Самолет», продавцом в книжных магазинах. Жил он в Москве, Петербурге, Ташкенте, Харькове и других городах. Часто возвращался в родную Низовку, но нужда вскоре заставляла снова отправляться на поиски заработка.

Городское житье Дрожжина было богато разнообразными испытаниями. Порой наступали полосы острейшей нужды, приходилось закладывать последние теплые вещи или ночевать «на гранитных ступенях набережной Большой Невы, на Адмиралтейском бульваре или в Александровском парке», как рассказывал потом сам поэт в своих автобиографических записках. Выпадали на его долю и полицейские гонения.

Вместе с тем год от года умножались литературные знакомства и связи Дрожжина. В 1879 году он вступает в переписку с Суриковым, получает от него в подарок книгу стихотворений. Подружился Дрожжин с Н. А. Соловьевым-Несмеловым, принявшим энергичное

участие в подготовке и издании первой книги стихотворений Дрожжина (вышла в 1889 году). Знакомится он и с другими литераторами, издателями. Редактор «Русской старины» М. И. Семевский предложил ему написать обстоятельную повесть о своей жизни. Автобиография Дрожжина была опубликована в «Русской старине» в сентябре-декабре 1884 года.

С конца 80-х годов начинают выходить сборники стихотворений Дрожжина. Он принимает решение навсегда вернуться в Низовку. С 1896 года он снова крестьянин, трудится с семьей на своей земле. Дрожжин продолжает поэтическое творчество, а также записывает фольклорные произведения.

Известность поэта-крестьянина растет. В Низовке его навещают товарищи по литературному делу, друзья-писатели. С 1903 года Академия наук назначает Дрожжину пожизненную пенсию 180 рублей в год. Позднее за его стихотворения Академия наук присуждает премию (1910 г.) и почетный отзыв (1915 г.). В 1914—1915 годах в Низовке открывается народная школа и народная библиотека-читальня его имени.

После Февральской революции Дрожжин входит в состав волостного комитета. После Октября он активно участвует в общественной жизни села, заботится о росте грамотности. Выходят новые книги его стихов. Умер поэт 24 декабря 1930 года, незадолго до того отметив свое восьмидесятидвухлетие.

Дрожжин писал стихи с 1865—1866 годов. Дебютировал в печати в 1873 году стихотворением «Песня про горе добра молодца» в журнале «Грамотей» (№ 12). В течение жизни печатался во многих журналах и газетах: «Слово», «Свет», «Русское богатство», «Дело», «Родник», «Детское чтение» и других, участвовал в коллективных сборниках. При его жизни всего было издано 32 сборника его стихотворений.[1] Важнейшими среди них являются «Стихотворения 1866—1888 гг., с записками автора о своей жизни и поэзии» (СПб., 1889), «Поэзия труда и горя» (М., 1901), «Новые стихотворения» (М., 1904), «Стихотворения. 1866—1888. Третье, значительно исправленное и дополненное издание, с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии» (М., 1907), «Баян. Стихотворения» (М., 1909), «Песни старого пахаря» (М., 1913), «Песни крестьянина» (М. — Л., 1929), «Пути-дороги. Избранные стихи» (М., 1929). Основные псевдонимы Дрожжина: Низовский, Черноземный.

---

[1] См. «Список основных изданий сочинений С. Д. Дрожжина» в кн.: С. Дрожжин, Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. Ильина, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1949, с. 281—284.

225. ПЕСНЯ

Много с детских лет
У меня в груди
Задушевных дум
Притаилося.
Много в ней любви,
Чувства теплого
Для родных, друзей
Сохранилося.
Только в мире я
Сиротой живу,
У чужих людей
В злой неволюшке.
От чужих людей
Веет холодом,
Словно осенью
В непогодушку.
А и выйдут дни
Счастья-радости,
Да и те нуждой
Отравляются.
Лишь одна тоска
Безысходная
В сердце молодца
Уживается.

1867

226. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Уснули поля под туманом,
Покрылася травка росой,
И звезды стоят караваном,
Блистая над сонной землей
Замолкли и скрылися птицы,
В деревне кругом тишина,
Лишь где-то измученной жницы
Тоскливая песня слышна.

Погасли в убогих избенках
Один за другим огоньки,
И сторож, как будто впросонках,
Бьет в край деревянной доски.

1869

227. ПЕСНЯ РАБОТНИКА

(На мотив Томаса Гуда)

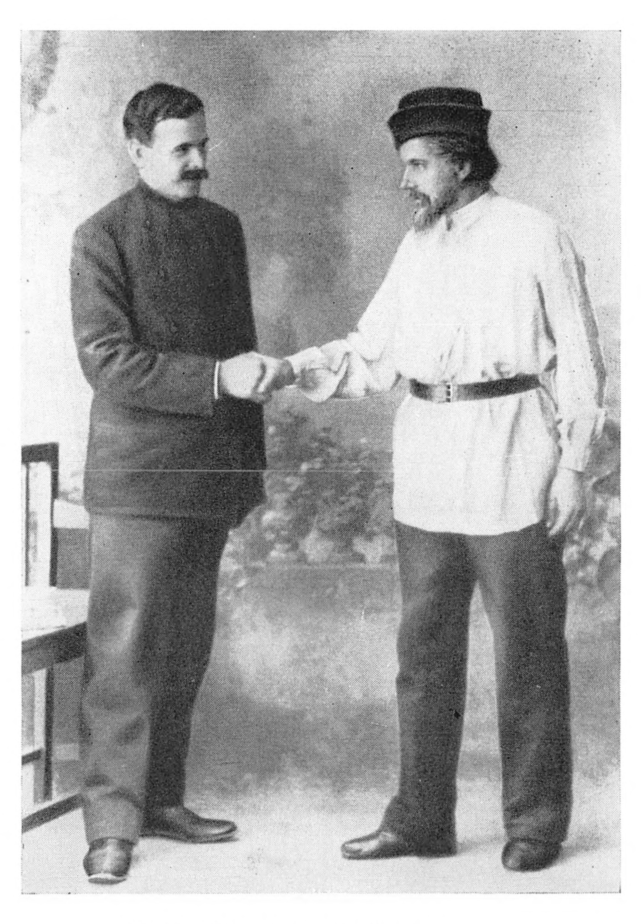
Пускай я не знаю минуты отрадной,
Пусть тучи висят надо мной,
Я буду работать и жить постоянно
Для блага отчизны родной.
Давайте работы! Я молод душою,
И силы немало во мне,
Давайте хоть соху, хоть грабли с косою,
Топор или цеп на гумне!
Давайте работы! Мне каждое дело
Легко и привычно, пока
Смотрю я на светлую будущность смело
Рабочей семьи бедняка.

1869

228. ПЕСНЯ

По дороге вьюга снежная
Крутит, пылью рассыпается,
На леса, поля безбрежные
Словно туча надвигается
И летит путем-дорогою
Над деревнею убогою.

Что мне эта непогодушка,
Холод, зимняя метелица,
Когда ждет меня зазнобушка,
Молодая красна девица,
Ждет, и грудь ее кипучая
Вся полна любовью жгучею.



М. Л. Леонов и С. Д. Дрожжин

С. Д. Дрожжин

Молодецкой сладкой думою
Бьется сердце одинокое,
Как войду я в ночь угрюмую
На крыльцо ее высокое,
Как открою дверь дубовую
И увижу чернобровую.

1869

229. РОДИНА

Кругом поля раздольные,
    Широкие поля.
Где Волга многоводная —
    Там родина моя.

Покрытые соломою
    Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые.
    И едут мужики.

Ребята загорелые
    На улице шумят,
И, словно вишни спелые,
    Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
    Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
    Широкий путь лежит.

Идешь, идешь — и края нет
    Далекого пути,
И хочется мне белый свет
    Обнять и обойти.

Август 1871

230. ПЕСНЯ ПРО ГОРЕ ДОБРА МОЛОДЦА

1

Ах ты горе, горе горькое,
Где ты, горе, зародилося?!
Отчего в избе крестьянина
В темный угол приютилося?!
Не даешь ты света-волюшки,
Вяжешь крылья соколиные,
Заглушаешь во беседушке
Речи-песни соловьиные!..
Ах ты горе, горе горькое,
Ты слезами всё облитое,
Среди холода и голода
Злой тоскою перевитое;
От тебя деваться некуда,
Не поборешь тебя силою,
Не разжалобишь покорностью
И нуждою терпеливою...

2

Ой ты горюшко великое,
Разудалый добрый молодец,
Забубенная головушка,
Беззаботный, горький пьяница.
Уж на что же ты, крестьянский сын,
Полагаешься, надеешься?
На полях трава не кошена,
Борона, соха заброшена.
Все пожали рожь высокую,
На гумно свезли до осени,
Лишь твоя одна полосынька
Не пожата и не скошена.
Как у всех-то избы крытые,
Новым тесом и соломою,
Уплатили люди добрые
Все повинности крестьянские.
А твоя изба от времени
Вся сгнила и покачнулася,

Хлеба нет в амбаре зернышка,
Недоимки накопилися.
Уж и все-то люди добрые
Ходят в праздники нарядные,
Ты ж идешь понуря голову,
На тебе шапчонка рваная
И худой кафтан с заплатами,
Из лаптей торчат онученьки,
Все мочалами опутаны,
Да и лыком изукрашены.
Выйдешь ты на сходку пьяненький
С головой своей повинною...
Мир галдит, а ты словечушка
Им не выскажешь разумного.

3

Ах, пропала твоя волюшка,
Твоя сила непомерная,
Загубила тебя, молодца,
Любовь к милой неизменная,
Что с тобою в лето красное
В чистом поле повстречалася,
Своей ласкою приветила,
А потом и насмеялася.
До тех пор ты, добрый молодец,
Не имел тоски-заботушки,
Не пил чары зелья пьяного,
Не знал устали в работушке;
На пиру ты был почетный гость,
Дома — сам-большой работничек,
Был кормилец отца с матерью
И родной семьи помощничек;
А теперь с тобой что сталося?!
Словно сам себя пугаешься,
Как под вечер к целовальнику
По задворкам пробираешься.

8 октября 1871

231. ЖНИЦА

Ой ты, поле мое, полюшко,
Ты раздолье, поле чистое!
По тебе шумит-волнуется,
Словно море, рожь зернистая.
Скучно девице, нет моченьки
Жать серпом колосья зрелые, —
Закружилася головушка,
Разгорелось лицо белое.
Поздним вечером красавица
С милым другом распрощалася,
Он в дороженьку отправился,
Сиротой она осталася.
Вся до колоса пожатая
Рожь к ногам ее склоняется,
А на сердце красной девицы
Грусть-тоска не унимается.

14 октября 1871

232. ПЕСНЯ

Ах, уж я ль, млада-младенька,
Темной ночью не спала,
Темной ночью не спала,
Друга милого ждала.

На рассвете в сад зеленый
Тихо вышла я гулять,
Тихо вышла я гулять,
Грусть по милом разогнать.

Я сказала ветру: ветер,
Грусть-тоску мою развей,
Грусть-тоску мою развей,
Слезы с глаз моих обвей!

Соловью сказала: громче
Ты мне песенку пропой,
Ты мне песенку пропой,
Чтоб услышал милый мой;

Чтоб услышал, разгрустился
И пришел ко мне скорей,
И пришел ко мне скорей,
К бедной любушке своей.

11 февраля 1875

233. СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Подражание А. В. Кольцову

Пришла пора весенняя,
Цветут цветы душистые,
Слетаются-сбираются
Все пташки голосистые.
Поют в полях, поют в лесах,
С куста на куст порхаючи, —
Заслушалась красавица,
Про друга вспоминаючи.

Стоит, глядит задумчиво
Куда-то в даль незримую
И звонким колокольчиком
Заводит песнь любимую;
Далеко эта песенка
В родных полях разносится,
Звенит, душой согретая,
В другую душу просится.

Всё в этой песне слышится:
Любовь, глубоко скрытая,
И счастие далекое,
И горе пережитое.
Под вечер добрый молодец,
Окончив пашню черную,
Пустил коня и к девице
Пошел дорогой торною.

Никто не знал, что сделали
С красавицей девицею
Певуньи-пташки вольные
С весною-чаровницею.

А ночка, ночь весенняя
Все тайны, что проведала,
Хранить и ясну месяцу
И звездам заповедала!

13 февраля 1875

234. МОЯ МУЗА

1

Моя муза родилась в крестьянской избе,
Ни читать, ни писать не умела,
Только сердце простое имела
И, мой славный народ, о тебе
Много искренних песен пропела.

2

Моя муза родилась крестьянкой простой
И простым меня песням учила,
Из деревни родной часто в город большой
За собою певца уводила.
Когда пели мы с ней, то бедняк забывал
Всё, что в сердце его наболело,
Когда пашню пахал иль железо ковал,
С этой песней работа кипела;
По селам, деревням, по большим городам
Она тихою грустью звучала
И участье ко всем горемычным людя́м
У счастливых людей вызывала.

4 марта 1875

235. ПЕСНЯ

«Ах, о чем ты, ласточка,
Вольная касаточка,
Распеваешь?
Что, девица красная,
Моя зорька ясная,
Ты вздыхаешь?»

— «Если бы мне вволюшку
Не светило солнышко
Да не грело,
Я тогда бы, пташечка,
Вольная касаточка,
Не запела.
Если бы удалого
Молодца кудрявого
Я не знала —
Так бы, черноокая,
Грудью одинокою
Не вздыхала.
Ах, не вздыхала!»

6 мая 1875

236. ПЕСНЯ ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

Судьба забросила меня
В далекий край,
Прощай, о родина моя,
Навек прощай!
Прощай, деревня, с красотой
Твоих долин,
Без друга я в земле чужой
Умру один;
Умру один, но песни звук
Пускай летит
Туда, где мой сердечный друг
О мне грустит!
Мне доля скромная дана
Певца полей, —
Как птица песнь моя вольна,
Я весел с ней.
Люблю тебя, родная Русь,
Люблю, как мать,
И за тебя я не боюсь
Всю жизнь отдать.
Пусть о тебе мой каждый стих
И песнь моя

Летят стрелой из уст моих
Во все края;
Пускай на ниве пахарь твой
Ее поет
И радость в жизни трудовой,
Как я, найдет.

20 апреля и 11 мая 1875

237—238. *ПЕСНИ РАБОЧИХ*

1

Труд да горе, капли пота
Пополам с слезой,
И тяжелая забота
С вечною нуждой.

Ломота в костях, мозоли
С грязью на руках,
Жизнь без счастья и без воли
В четырех стенах.

Холод, голод и страданье
Тела и души,
И за всё, как подаянье,
Медные гроши.

Солнце весело проглянет,
Птичка запоет, —
Песню ей в ответ затянет
Труженик народ.

И в стенах угрюмых льются,
Плачут голоса,
А над песнею смеются
Взмахи колеса.

2

Часы бегут,
Гнетущий труд
Ничем не нарушая,
А впереди,
Того и жди,
Нужда задавит злая.

От горя, бед
Во цвете лет
Мы силу-мочь теряем
И в нищете
По простоте
Душевной погибаем.

У нас всегда
Одна беда
Сменяется другою,
Покуда гроб
Не скроет поп
Могильною землею.

12 и 18 августа 1875

239. Н. А. НЕКРАСОВУ

Ударь в свои струны, певец,
Зови свою музу, и снова
Неси за свободное слово
До гроба терновый венец.
Пой песню свою о свободе,
Пускай ей внимает народ, —
И будешь ты славен в народе,
И песня твоя не умрет.

1875

240. ДВЕ ПОРЫ

Н. В. Верещагину

Кончен зимушки праздник суровый,
Солнце весело смотрит с небес,
Пенье птичек разносится снова,
И шумит густолиственный лес.
Подымаются озими всходы,
В гнездах писк раздается галчат.
Торжествует родная природа,
Каждый кустик мой радует взгляд.
Лишь деревня с рядами избенок
Да испитые лица людей
И лохмотья худых одежонок
Нарушают гармонию в ней...
Вот на кляче с сохой выезжает
Мужичок из широких ворот
И сердито ее понукает,
Сам усталый, насилу идет.
«Ну же, ну! Ты кормилица наша, —
Понукает лошадку мужик, —
Как с тобою мы пашенку вспашем,
Дам овса тебе целый осьмик.
Отпущу тебя в праздничек в поле,
Наедайся там вдоволь травой.
Ну же, ну!! Наша горькая доля
Одинакова, видно, с тобой...»
И мужик озирает сурово
Чернозема широкую гладь.
Понукая кормилицу, снова
Начал землю сырую пахать.
И большими пластами ложится
Под сохою сырая земля,
Тихо солнышко за лес садится,
Одеваются мраком поля.
Отдыхает наш пахарь унылый,
А когда петухи пропоют, —
Принимается с новою силой
За вседневный тяжелый свой труд:
То он ходит весь день за сохою,
То по лесу стучит топором,
То на травке зеленой с косою,

То на ниве родимой с серпом...
Так проходит и летняя порушка,
И осенние дни настают.
Светит холодно красное солнышко,
В небе серые тучки плывут.
Снова речку сковало морозом,
И хрустит под санями снежок;
В рукавицах больших за обозом
В теплой шубе идет мужичок;
Белым инеем шапка блистает,
И замерзли усы с бородой;
У ворот он коня отпрягает
И к колодцу идет за водой.
Головою уткнувшись в колоду,
Лошадь потная с жадностью пьет
Мужичком принесенную воду
И, встряхнувшись, на отдых идет...
Непроглядная ночь до рассвета
Над родною деревней царит,
Снится пахарю чудное лето:
Солнце на небе жарко горит,
И он, весел, идет за сохою,
Возвращается рано с полей,
Окруженный довольной семьею
И любовью жены и детей.
Но лишь только бедняк просыпается,
Слышит — вьюга шумит за окном,
Снежной пылью она рассыпается
И поет над убогим двором;
Плачут дети, жена молодая
Хмурит черные брови дугой,
А за прялкою бабка седая
Им грозится костлявой рукой.

5 августа 1876

241. ШВЕЯ

В углу сыром подвала
Свеча едва горит,
Ребенок громко плачет,
И маятник стучит;

Стучит однообразно
На стенке у окна,
А ночь глядит сурово,
Темна и холодна.

Ребенок громко плачет,
Мать бедная с тоской
Сидит и шьет рубашку
Усталою рукой.

Слипаются у швейки
Дремотою глаза,
И каплет за слезою
Непрошеной слеза;

От горьких дум, заботы
Душа ее болит,
Ребенок громко плачет,
И маятник стучит.

1876

242. СМЕРТЬ КОНЯ ПАХАРЯ

Полдень. Жаркое солнце высоко взошло,
И ясна неба даль голубая,
В поле тихо кругом, и тепло, и светло,
Лишь чернеет опушка лесная...

Ходит пахарь межой, кафтанишко на нем
Весь в пыли, и худая шапчонка,
Ходит он за сохой, то и дело кнутом
Изнуренную бьет лошаденку.

Перед ним и над ним утомительный зной,
Словно пламя пожара, пылает,
Слышно, овод жужжит, комаров целый рой
В ясном воздухе тучей летает.

Льется с пахаря пот, с каждым часом длинней
Тень на рыхлую землю ложится,
Ветерок не шумит, на раздолье полей
Только жаркое солнце глядится.

Много лет мужику была сивка верна,
Вместе голод и труд выносила,
Вдруг в тяжелой сохе пошатнулась она —
И на пашне свой дух испустила.

Тут склонился мужик, стал безумно рыдать,
Разводя безнадежно руками...
Дальше горе его ни пером описать
И не высказать больше словами.

30 июня 1877

243. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Вечную память над гробом споем
Тем, кто на свете жил честным трудом,
Нажил мозоли одни на работе
И, умирая, в предсмертной заботе
Нам завещал не отчаянье в жизни,
А, прозревая величье отчизны,
Верил, что колос нальется зерном,
Вечную память споем!

Тем, кто за волю на ниве кровавой
Умер, венчанный народною славой;
В слово живое кто мысль воплощал
И в тишине свое дело свершал —
К счастью стремился в годину невзгоды
С верою в силу родного народа,
Духом не падал в призваньи святом, —
Вечную память споем!

11 августа 1877

244. ПЕСНЯ

«Что так жалобно ты, кукушечка,
Во сыром бору всё кукуешь?
Ах, о чем, скажи, моя душечка,
Красна девица, ты тоскуешь?

Словно темный день, под окном сидишь,
Речью сладкою не порадуешь.
Для чего печаль от меня таишь
И на что, мой друг, ты досадуешь?
На мою ль любовь, али с волею
Расставаться жаль тебе, милая?
Аль обижен я своей долею,
Аль беру тебя замуж силою?»
— «Оттого, мой друг, я печалюся,
Оттого томит горе душу мне,
Что, когда с тобой повенчаюся,
Я должна век жить у твоей родне».

15 сентября 1877

245. ПОХОРОНЫ

<Из цикла «На смерть Н. А. Некрасова»>

Не склонялися ивы плакучие,
И не буря стонала в полях —
В злую стужу, в морозы трескучие
Опускали мы в землю твой прах.
Только слышалась песнь похоронная
Да несмелые речи друзей,
Да светилося солнце холодное
Над сырою могилой твоей.
Зато слава твоя вековечная
На Руси никогда не умрет —
Будет петь твои песни сердечные
Освобожденный народ.

Декабрь 1877 — январь 1878

246. НА ПУТИ

Измучены нуждой, подавлены трудом,
Мы крест тяжелый свой без жалобы несем.
Ни края, ни конца, ни света на пути,
Но мы должны вперед хоть ощупью идти.
С надеждой светлою, с желанием в груди —
Зарю счастливых дней увидеть впереди!

Пусть тьма кругом, как ночь осенняя, царит
И терн колючий нас мучительно язвит, —
Пока своим лучом свобода не блеснет,
Мы будем всё идти, хоть ощупью, вперед!

11 марта 1878

247. РОВНЮШКА

М. А. Дрожжиной

В дни осенние, дождливые
Мы с тобой сошлись, слюбилися;
Оба, в горе терпеливые,
Не в хоромах мы родилися.
И моя избушка дымная
Мне теперь чертогом кажется,
Как головушка кручинная
На груди твоей уляжется...

8 июня 1878

248. ПОЭТУ

Поэт, с душою чистой,
С умом пытливым и живым,
Иди дорогою тернистой
К народу с словом огневым;
Борись с неправдой и пороком
Во славу родины своей,
В грядущем будь ее пророком
И пробуждай к добру людей.

23 сентября 1878

249. ДОМОВОЙ

С. А. Бердяеву

Снежную пыль подымает
Ветер над крышей гнилой,
По двору ходит-гуляет
Дедушка сам домовой.
В инее шапка большая

И до колен борода...
Смотрит на деда, мерцая,
С темного неба звезда.
Горе... крестьянин лишился
В зиму лошадки гнедой,
Вспомнив об ней, разгрустился
Дедушка сам домовой...
Как же не вспомнить родную:
Он сосунком ее знал,
Часто, бывало, густую
Гриву сплетал-расплетал,
Гладил мохнатой рукою,
Вдоволь поил и кормил,
Чтобы лошадке весною
Больше прибавилось сил...
С кем теперь пахарь угрюмый
Выйдет к полоске родной?
Думает горькую думу
Дедушка сам домовой...
Ветер в прогнившие щели
Рвется и шарит, как вор,
Снегом холодным метели
Кутает плотно забор.
А на дворе запустенье,
Всё посмело, как метлой,
Ходит один в озлобленьи
Дедушка сам домовой.

12 декабря 1878

250

Честным порывам дай волю свободную,
Начатый труд довершай
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай!

Теплой любви — векового призвания —
В сердце своем не гаси,
Чудною силою — светочем знания
Будь на Руси!

30 марта 1879

251. 24 АПРЕЛЯ 1880

(Памяти И. З. Сурикова)

Вешнее солнце пропало из глаз,
Темная ночь наступила.
Так перед нами он, бедный, угас
В блеске таланта и силы.
Пой, терпеливый, униженный люд,
Песни родного поэта,
В них воспевается честность и труд,
Слышится слово привета.

1 мая 1880

252. ДУНЯША

1

Быстро тучи проносилися
Темно-синею грядой,
Избы снегом запушилися:
Был морозец молодой.
Занесла кругом метелица
Все дороги и следы...
Из колодца красна девица
Достает себе воды, —
Достает и озирается,
Молодешенька, кругом,
А водица колыхается,
Позадернутая льдом...
Постояла чернобровая,
Коромысло подняла
И свою шубейку новую
Чуть водой не залила.
Вдоль по улице, как павушка,
Красна девица идет,
А навстречу ей Иванушка
Показался из ворот;
И, взглянув ей в очи ясные,
Тихо молвил на пути:
«Бог на помощь, девка красная,
Дай мне ведра понести!»

Вдруг ведерочки дубовые
Стал Ванюша подымать
И с улыбкой чернобровую
Обнимать и целовать.
Поцелуем красна девица
Заглушила поцелуй...
Разгуляйся ты, метелица,
Ветер, в сторону подуй!..

Долго, долго перед хатою
Ваня радостный стоял
И в мечтах своих женатую
Жизнь такую рисовал:
«Как женюсь, то избу новую
Справлю нынешней весной;
Все отдам рубли-целковые
До копеечки одной;
Чтоб жила, не знала милая
Ни печали, ни нужды,
Я возьмуся с новой силою
За крестьянские труды.
Год от года по монеточке
Накоплю я их опять,
Там, глядишь, пойдут и деточки, —
Пусть за ними ходит мать,
Пусть родная утешается
В годы старости своей...
А когда она скончается,
Сами вынянчим детей.
Мальчуганов отдам в школу я,
А девчонки-то и так...»
Вот какую жизнь веселую
Рисовал себе бедняк.

2

Ой ты, удаль молодецкая!
Ой, холодная зима!
Зазнобила дочь отецкая,
Свела молодца с ума.
Для чего она родилася
Краля-кралечка лицом

И зачем сошлась-слюбилася
С разудалым молодцом?
У нее ли есть богатые
И наряды, и казна,
А у молодца за хатою
Лишь соха да борона.
На дворе у ней скотинушка
И всего полным-полно,
У него ж нужда-кручинушка,
Горе горькое одно!

8

Столбовой большой дорогою
Тихо тащится обоз.
Над сторонкою убогою
Затрещал сильней мороз.
И, как песня многодумная,
Песня грустная моя,
Загудела вьюга шумная
И окутала поля.
Ходят, словно угорелые,
По деревням мужики
И, скучая сутки целые,
Наполняют кабаки.

Эх, недаром в песне сказано:
«Некручинну в горе быть,
Горе лыком перевязано,
А и в горе надо жить».
К бедняку ж оно привяжется —
Так ворота растворяй...
Вот и Ваня с ним ватажится:
«Целовальник, наливай!»
Он кричит и все рублевики
Вынимает напоказ, —
Ой вы, милые соколики,
Хоронил я долго вас,
Ведь трудами добывалися
Вы по гривенке одной
И на свадьбу припасалися:

Свадьбы нет — так пир горой!»
И гуляет с ним до зорюшки
Деревенский бедный люд.
Над Иваном злое горюшко
Потешается и тут.
Словно с другом обнимается,
Вместе пляшет трепака,
И поет, и заливается
Посредине кабака.

4

Вот уж верба распушилася,
Солнце светит веселей...
Над деревней проносилася
С криком стая журавлей.
Раздавался в отдалении
Громкий звон колоколов...
В доме Дуни слышно пение,
Топот пьяных мужиков.
Пир, что море разливанное,
Весел староста, а дочь
За столом сидит печальная
И угрюмая, как ночь.
Из груди ее рыдание
Вырывается порой,
И чуть слышно причитание
Под узорчатой фатой.
«Ты прости-прощай, гуляньице,
Радость прежняя моя,
Во неволе с гореваньица,
Как цветок, увяну я...
Ох, весной сухому деревцу
Не расти, не расцветать,
С старым мужем красной девице
Только плакать да вздыхать!» —
Причитает чернобровая,
Утираючись платком.
Вдруг раскрылась дверь дубовая,
И вослед за женихом
Ваня твердою походкою
Шел в толпе и на ходу

Молвил: «Ворона с лебедкою,
Хоть умру, а разведу!»
Нож сверкнул в руке, кидается
Он на старого — и вмиг,
Пораженный в сердце, валится
Дружкам на руки жених...
Вся толпа заволновалася,
А невеста от стола
К добру молодцу бросалася
И в объятьях замерла.
Но едва девицу милую
Он успел поцеловать,
Как ему со всею силою
Стали рученьки вязать.

5

Жарко солнце разливается
На раздольные поля,
Как невеста, разряжается
Оживленная земля.
Словно бархатом оделися
Все кусточки и леса,
И над ними разносилися
Божьих птичек голоса.
Уж крестьяне сохи, бороны
Стали весело справлять
И на все четыре стороны
Горстью зернышки бросать.
Пашня черная виднеется
По приволжским берегам,
А за Волгою белеется
На пригорке божий храм;
В храме сладостное пение,
Посредине белый гроб
И в убогом облачении
Деревенский старый поп;
В гробе Дунюшка покойная
Спит, покрытая парчой,
И слышна молитва стройная:
«Со святыми упокой!»

1880

253. ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА

Взлелеянный душою
И созданный тобой,
Твой стих гремел порою
Небесною грозой;

Он возвестил народу
Зарю грядущих дней,
И братство, и свободу,
И равенство людей;

Восславил всё, что к свету
Стремилося из тьмы,
И лаврами за это
Тебя венчали мы.

7 декабря 1880

254. ПЕСНЯ

По каменьям течет реченька,
Течет реченька бурливая,
Раскипелося по девице
В груди молодца ретивое.
«Если ты на свет родилася
Уж такая распригожая,
На цветочек на лазоревый
Средь муравушки похожая,
Не зноби меня, зазнобушка,
Красотою ненаглядною,
Выйди к молодцу удалому
На свиданье в ночь туманную;
Словом ласковым, приветливым
Разгони тоску, разлапушка!»
— «Рада б выйти, да про девицу
Пробежит худая славушка».
— «Ты, от матушки украдучись,
Не селом иди — сторонкою,
По заулку, огородами,
Через поле да задворкою!»

— «Стороной пойду я, девица, —
Злые люди догадаются;
По заулку, огородами —
Псы зубастые разлаются.
Если любишь, добрый молодец,
Посылай ты сваху к батюшке,
Мы ему тогда поклонимся
И возьмем согласье матушки».

22 декабря 1880

255. В ИЗБЕ

Невеселая картина:
　　Дождь стучит в окно,
Чуть горит в светце лучина,
　　По углам темно.

Стены мокрые от пота,
　　Каплет с потолка;
Здесь живет нужда-забота,
　　И тоска, тоска

Людям душу надрывает
　　Дни и круглый год.
У светца старик зевает,
　　Молча крестит рот;

Рядом в грязной рубашонке
　　Внук его сидит.
Старый дедушка ребенку
　　Сказку говорит,

Мир волшебный открывает
　　Перед ним, шутя,
И под сказку засыпает
　　Малое дитя.

В избу сноп внесла соломы
　　Горемыка мать,
Постлала и от истомы
　　Стала засыпать.

Лишь отцу его не спится,
Он сидит угрюм
И не может позабыться
От тяжелых дум.

5 января 1882

256. ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Вышел внук на пашню к деду
В рубашонке, босиком,
Улыбнулся и промолвил:
«Здравствуй, дедушка Пахом!

Ты, я вижу, притомился,
Научи меня пахать,
Как зимой, в избе, бывало,
По складам учил читать!»

— «Что ж, изволь, коли охота
И силенка есть в руках,
Поучися, будь помощник
Деду старому в трудах!»

И Пахом к сохе с любовью
Внука за руку подвел;
Внук тихонько бороздою
За лошадкою пошел...

Бодро, весело лошадка
Выступает впереди,
А у пахаря-то сердце
Так и прыгает в груди.

«Вот, — он думает, — вспашу я
Эту полосу, потом
Из кошницы дед засеет
Золотым ее зерном;

Уродится рожь густая;
А весною — благодать,
Как начнет она по зорькам
Желтый колос наливать;

Уберется васильками,
Словно море, зашумит,
Выйдут жницы на полоску,
Серп на солнце заблестит.

Мы приедем на телеге
И из связанных снопов
На гумне намечем много
Золотых тогда скирдов!»

Долго издали на внука
Смотрит дедушка седой
И любуется глубоко
Проведенной бороздой.

18 и 22 мая 1884

257—259. *НА СЕНОКОСЕ*

1

Сенокосные дни наступили опять.
В синем небе заря занимается,
Пахнет сеном в полях, а кругом благодать,
Лету красному всё улыбается!
Встречу солнцу с межи поднялися цветы,
Лес зеленый вдали чуть колышется.
Сколько всюду разлито живой красоты,
Что за песня, за музыка слышится!!

2

Кончен день трудовой, жар томительный спал,
Тихо веет прохлада душистая.
У опушки лесной кто-то косу клепал,
Пела птица вдали голосистая.
За копною заплакал ребенок больной,
Мать над ним молодая склонилася,
Обласкала его, и у груди родной
В сладких грезах дитя позабылося.

8

На раздолье полей брызнул луч золотой,
Над рекою туман подымается,
Вышли рано косцы, и трава под росой
От могучего взмаха широкой косой
Перед ними к земле нагибается;

Ветерок от реки чуть ее шевельнет,
Чуть затронет под корень скошенную...
В жаркий полдень с небес солнце жжет и печет,
С молодых косарей градом катится пот,
Упадая на грудь утомленную...

От соснового леса на скошенный луг
Скоро длинные тени ложилися,
Встали копны зеленого сена вокруг,
Тут и там в темноте теплым вечером, вдруг
Ярко вспыхнув, костры задымилися...

Кто прилег отдохнуть, кто завел разговор
Про покос, про года урожайные...
А с глубоких небес из-за леса и гор,
Сквозь вершины дерев, на широкий простор
Солнце слало им взгляды прощальные.

15 июня 1884

260. ДУМЫ

На мотив Т. Г. Шевченко

Стонет ветер, дождь в окно
С вечера стучится,
Все в деревне спят давно,
Только мне не спится.

Лампы бледный огонек
Избу освещает,
Мать, прижавшись в уголок,
Дремлет и вздыхает.

Сам сижу я за столом,
　　Как всегда угрюмый,
И невесело пером
　　Выражаю думы,

Что ложатся предо мной
　　Черными строками,
Веют на душу тоской
　　И грозят бедами.

Для чего из головы,
　　Как душа живые,
Предо мной роитесь вы,
　　Думы огневые?

И что так расстаться жаль
　　С вами, мои дети,
Когда горе да печаль
　　Мне от вас на свете?

9 ноября 1884

261. В СТОЛИЦЕ

Д. В. Гарину

Туман окутал небосклон,
Давно проснулася столица,
По улицам и гул, и звон,
И смех, и сумрачные лица;
Плетется нищий, и вдовица,
И горемычный, бедный люд
Спешит на свой поденный труд.
Клубится дым из труб огромных,
Среди машин неугомонных
Работа жаркая идет.
Никто здесь песен не поет —
Все только заняты работой
И ежедневною заботой,
Чтоб, кончив день свой трудовой,
Не быть без крова и без хлеба
И в миг, когда стемнеет небо,
Не ночевать на мостовой.

Вот закрывается завод...
Огни погасли, и народ
Опять по улицам толпою
К ночлегу мирному идет.
А вот, с склоненной головою,
По скользкой лестнице сквозь мрак
Проходит ощупью бедняк
В свой уголок; ему в нем жутко...
Он отдается здесь вполне
Воспоминаньям о жене
И о покинутых малютках
В родной далекой стороне...
Ожесточенно проклинает
Свою судьбу он, что не знает
Себе век счастья, что нужда
Глядит в лицо ему всегда
И, словно коршун, грудь терзает;
Что жизнь проходит трудовая
Однообразной чередой,
И гибнет сила молодая,
И всё грозит ему бедой.

1884

262. ПРАЗДНИК ОСЕНИ

Как повеяли
Ветры буйные,
Тучки серые
Расходилися.
От дерев листы
Пожелтелые
Вместе с пташками
Разлетелися.

Вянет травушка,
Частым дождиком
Ко сырой земле
Прибивается.
Осень празднуют
Мужики в селе,

От гумна дымок
Расстилается.

На заре стук-гром
Часто слышится, —
Молотить спешат
Рожь до зернышка

Да ссыпать в мешки
Этот чудный клад,
Впору добытый
Ими с полюшка.

1886

263. СИРОТИНКА

Ах, зачем вы, леса,
    Леса темные,
Круглый год предо мной
    Зеленеете?
Только я ли одна,
    Молодешенька,
Всё живу сиротой
    Горемычною;
Во слезах провожу
    Дни и ноченьки,
Надрываю тоской
    Сердце бедное.
Научите меня,
    Люди добрые,
Как мне жить, чтоб забыть
    Свое горюшко,
Когда мать и отец
    Спят в могилушке
На погосте родном
    Под ракитою,
Когда брат и сестра
    Меня кинули
И как нет уж со мной
    Друга милого?

1886

264. ПЕСНЯ МИКУЛЫ СЕЛЯНИНОВИЧА

Хорошо весной
Поле чистое,
Муравой-травой
Ты украшено
Да цветочками
Всё душистыми
В утро майское
Принаряжено.

От сырой земли
Рожь-красавица
К небу синему
Подымается,
Там поет-звенит
Пташка вольная,
Колокольчиком
Заливается.

Есть где, молодцу,
Разгуляться мне,
С кем померяться
Крепкой силою.
Когда выйду я —
Не погневайся, —
Красоты твоей
Не помилую.

Вольной пташкою
Не заслушаюсь,
Распашу твою
Гладь зеленую,
Развернусь с косой
И всю травушку
Соберу в стога,
Засушенную.

Рожь серпом кривым
Срежу спелую,
Смолочу ее

Я до зернышка,
Уложу в мешки,
Поклонюсь тебе
И скажу: «Прощай,
Чисто полюшко!»

3 мая 1887

265

В полях еще туман седой,
Как облако, клубится;
На землю месяц молодой
Задумчиво глядится.

Уже пастух прогнал стада,
И зорька заалела...
Вспорхнула ласточка с гнезда
И весело запела.

Склонившись, вторил песне той
С вершины лес сосновый,
И коростель во ржи густой
Ответил песнью новой.

За ним другие голоса
Повсюду зазвучали,
И голубые небеса,
Казалось, им внимали.

1887

266

Жавороночек
Над проталинкой
Высоко летит,
Поет жалобно,
Громким голосом
Заливается.
У меня ль в груди,
Добра молодца,

Не могу понять,
С чего грусть-тоска
Пуще прежнего
Разгорается:
Оттого ли, что
Безо времени
Моя силушка
Богатырская
По чужим людям
Размоталася!
Аль с того ли, что
Душа-девица
Вдруг в недобрый час
Изменила мне,
Над моей тоской
Насмеялася.

1887

267. НА МОГИЛЕ В. М. ГАРШИНА

Кончилась жизнь молодая и сильная,
Теплой любовью к народу обильная!
Плачь же, родимый народ!
И помолися за душу почившего,
Вместе с тобою не раз пережившего
Жизненный гнет. . .

1888

268

Эх ты, голь-нищета,
Ты, мужик, простота
Задушевная!
Уж и ты ли, мужик,
К злой нужде не привык
С самой младости?
Уж и ты ль не ходил
На войну и не бил
Врагов полчища?

Уж тебя ли, бедняк,
Не сжимал кто в кулак
За работою!
Всё ты снес на себе,
И за это тебе
Память вечная!

15 октября 1889

269. ВЕСЕННЕЕ ЦАРСТВО

Вернулось царство вешних дней:
Звенит по камушкам ручей,
Река шумит,
И с криком стая журавлей
Уж к нам летит.

Смолою пахнет от лесов,
Краснея, почки лепестков
Вздохнули вдруг,
И миллионами цветов
Покрылся луг.

Настала чудная пора!
Свалилась с плеч моих гора
Гнетущих бед,
Я на работу со двора
Иду чем свет.

Железо землю бороздит,
А солнце весело глядит
В сияньи дня
И всё ласкает и живит
Вокруг меня.

Из норки черный жук ползет,
И сеть прозрачную плетет
Себе паук,
Летит пчела и издает
Протяжный звук.

На распустившийся цветок
Садится пестрый мотылек,
Качаясь в нем,
Пока не тронет ветерок
Его крылом.

Лошадка весело межой
Идет, а солнце за горой,
Кончая день,
Уже бросает над землей
Ночную тень.

Пора на отдых! В деревнях
Зажглись огни; на небесах
Взошла луна,
Покой на вспаханных полях
И тишина...

1889

270. ПЕСНЯ

Как по травке ветерок
По муравке веял,
В огороде старичок
Конопельку сеял:
«Уродися, конопель,
Высока, добротна,
Чтоб жена мне на постель
Наткала полотна!»
В эту пору молода
У ворот стояла
И к нему из-за пруда
Голубей сзывала:
«Гули, сизые мои,
В огород влетайте,
На здоровье из земли
Конопель сбирайте,
Чтобы мне, младой, потом
Уж ее не брати
И за мужем-стариком
Поскони не мяти!»

1889

271

Я для песни задушевной
Взял лесов зеленых шепот,
А у Волги в жар полдневный
Темных струй подслушал ропот;
Взял у осени ненастье,
У весны — благоуханье;
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.

1891

272. ПОД ЧЕРЕМУХОЙ

Вошел я в огород; черемухой душистой
Пахнуло мне в лицо, — она, как снег, белела.
Кругом и надо мной послышалось жужжанье
Протяжное пчелы, и на траве зеленой
Присел я отдохнуть под сень ее густую,
И вспомнил прошлых дней беспечные года,
Все игры детские и легкие печали,
Как это облачко в лазури голубой. . .
Бывало, так же я весеннею порою
Засиживался здесь, взор к небу устремляя,
Где тучки плавали иль солнце огневое
Лучи земле родной с любовью посылало
И, всё животворя, дарило мошке каждой
Привет горячий свой и светлую улыбку.
Как радовался я на вскопанные грядки,
Когда перистый лук, заботливой рукою
Родимой бабушки посаженный на них,
С бобами сочными всходил и красовался!
А старый дед пахал за этим огородом,
И пашня черная виднелася сквозь тын,
И жаворонок пел, и каркали вороны,
За дедом в борозде сбирая червяков. . .
Хоть с каждою весной бессмертная природа
Напоминает мне об этих чудных днях,
Но я теперь сижу понурившись, как крест
От частых зимних бурь на кладбище забытом.

1891

273. ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Холодно в избенке,
Жмутся дети-крошки.
Иней серебристый
Запушил окошки.
Плесенью покрыты
Потолок и стены,
Ни куска нет хлеба,
Дров нет ни полена.
Жмутся, плачут дети,
И никто не знает,
Что их мать с сумою
По миру сбирает,
Что отец на лавке
Спит в гробу сосновом,
С головой покрытый
Саваном холщовым,
Крепко спит, а ветер
Ставнями стучится,
И в избушку грустно
Зимний день глядится.

1892

274. ПЕСНЯ

Не полынь с травой повиликою,
Не крапивушка разрастается —
То за мною ли, горемыкою,
Злое горюшко увивается.
Всё грозит бедой неминучею,
Не дает пожить, как мне хочется,
При безвременьи вьется тучею,
Черным вороном всюду носится.
Будто осенью, вянет маков цвет —
Моя молодость беспросветная;
На борьбу с нуждой больше силы нет,
А в груди любовь безответная.

1894

275. В ЗАСУХУ

Печаль и скука одолела,
Несносный жар меня томит,
Вчера одно село сгорело,
Сегодня лес горит!
Воды на Волге по колено,
Не свищет больше пароход,
С полей давно убрали сено,
И жатва настает.
Сосед мой ходит озабочен:
Надежды нет на урожай,
Оброк за целый год не плочен,
Хоть в гроб ложись да умирай!
Его хозяйка нездорова,
И просит хлеба детвора;
За долг последнюю корову
Кулак уводит со двора.
Бедняк глядит унылым взором
Вокруг себя; сам чуть живой,
И кулаку с немым укором
Вослед качает головой.

1897

276

Не нужно для меня ни блага богачей,
Ни почестей правителей могучих;
Отдайте только мне спокойствие полей
И глушь лесов дремучих.
Пускай зеленый сад перед моей избою
Дает прохладу мне в весенний жаркий день,
Пусть радует мой взор и Волга под горою
И ряд родимых деревень;
Чтоб видел я народ довольный и счастливый,
Без горя горького, без тягостной нужды, —
Тогда, с своей семьей работая над нивой,
Воспел бы я его труды!

14 августа 1898

277. БАБУШКИНО ГОРЕ

Из родной деревни
Часто в города
Гонит на работу
Горькая нужда.
Так, не кончив в школе
Никаких наук,
От нужды уехал
Мой родимый внук.
Жив ли он, сердечный?
Или где-нибудь
Бедствует, в работе
Надрывая грудь?
Может, где плетется
Медленно селом,
По большой дороге
Просит под окном —
Просит Христа ради,
Или, может быть,
Бродит, где не зная
Голову склонить?
Думает старушка,
Бедная, в тоске,
И слеза катится
По ее щеке.

1898(?)

278. ПЕСНЯ

Ах ты гой
Удалой
Добрый молодец,
Не грусти ты и спой
Песню русскую!
Спой про лес
До небес,
Про долинушку,
Про народ,
Как поет
Он «Лучинушку»;

Как с нуждой,
Да бедой
Живет-мается,
Как без хлеба зимой
Пробивается...
И присел
И запел
Добрый молодец,
Заиграл, загудел
В гусли звонкие.

13 ноября 1901

279

Не грусти о том,
Что согнут трудом,
Что не ведаешь
Счастья-радости;
Что от юных лет
Среди горя-бед
По чужим углам
Ты скитаешься;
На борьбу с нуждой
Иди, песни пой
И гляди вперед
Ясным соколом!
Не клони пред ней
Головы своей
И, не дрогнув, стой
Под ударами.

9 августа 1902

280. УДАЛЬ

Будь что будет со мной,
Ничего не трушу
И за правду готов
Положить я душу!
Если горе грозой

Надо мною грянет,
Буду биться, пока
Сил моих не станет!
Если радость когда
Солнцем улыбнется,
Буду жить без тоски
Сколько поживется!
Постучится нужда —
Растворю ворота:
Не велика и с ней
Молодцу забота.

18 мая 1903

281. К РОДИНЕ

Как не гордиться мне тобой,
    О родина моя!
Когда над Волгою родной
    Стою недвижим я,

Когда молитвенно свой взор
    Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
    На темные леса.

Как хороша ты в теплый день
    На празднике весны,
Среди приветных деревень
    Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
    На поле весь народ
Среди свободного труда
    Все силы отдает!

Каким восторгом мою грудь
    Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
    С тобой наедине!..

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю,
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всем в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

20 сентября 1904

282. В ШКОЛЕ У ДЬЯЧКА

Мне детство далекое снится:
Зимою метелица злится
И ветер гудит у ворот.
В убогую школу учиться
Мать бедного сына ведет.
Дрожит он в худой одежонке,
Мороз ему щеки знобит;
Пред ними за речкой, в сторонке,
Где сельские жмутся избенки,
Убогая школа стоит...
Едва над лесною вершиной
Заря занималась вдали,
Как мать с своим первенцем-сыном
К той школе убогой пришли.
Мерцали две сальные свечки,
Виднелся в углу образок,
Неслись голоса, а за печкой
Трещал без умолку сверчок.
На мать и на сына взглянули
Ребята, замолкнув на миг,
И снова глаза все уткнули
На буквы священные книг;
И снова указкой водили
По темным и мудрым строкам
Иль азбуку громко твердили,
Читая ее по складам.
Учитель был славный в той школе,

Дьячок из того же села,
Куда по своей доброй воле
Мать сына учить привела.
Недолго сын бедный учился...
Ученье пошло ему впрок,
Недаром им после гордился
До смерти учитель-дьячок:
Он, выйдя из школы, скитался
В нужде по большим городам,
И разуму там набирался,
И правду сказать не боялся
От сердца всем добрым людям.

4 февраля 1905

283. ВОЛЯ

Ах ты воля, ах ты воля,
Воля дорогая!
Отчего совсем не знаю
Никогда тебя я?

Во леса ли, во болота
От меня укрылась,
Аль во травушке зеленой
В поле схоронилась?

Аль не люди ль, люди злые,
Тебя, волю, взяли —
И в тюрьме железной цепью
Крепко приковали?

До седых волос напрасно
За тобой я рвался,
С детских лет искал по свету
И не доискался.

1 апреля 1905

284. МАТЬ

Холодно зимою
Людям, тяжело. . .
Вижу я родное
Милое село;

Вижу я: избушка
В стороне стоит,
Бедная старушка
На печи лежит.

Словно птичка в поле,
Рядом внук родной
Щебетал о воле
Теплою весной;

Щебетал о небе
Ясном, о цветах,
О траве и хлебе
На родных полях. . .

Смуглая сестренка
Беззаботно с ним
Заливалась звонким
Голосом своим;

Бабушка, лаская,
Гладит их рукой
И, слезу роняя,
Думает с тоской.

Думает в кручине,
Забываясь сном,
О родимом сыне
В городе большом.

Дума эта бродит
Далеко у ней. . .
Вдруг невестка входит,
Полотна белей.

«Экая ведь стужа!..» —
Баба начала.
«Матушка, об муже
Весточка пришла!»

— «Весточка? Какая?
Говори скорей!
Да смотри, родная,
Не всполошь детей!»

Баба возле печи
Дух перевела
И без слез, без речи
Камнем замерла.

Всё понятно было...
И старушка мать
О кормильце милом
Стала причитать.

Тут вскочили дети,
Начинали выть,
Как-то им на свете
Сиротами жить...

А мороз суровый
С вечера крепчал,
По задворью с новой
Силою трещал;

Чаще раздавался
Треск его лихой,
Будто потешался
Он над их бедой.

<1906>

285. ИЗ ПЕСЕН РАБОЧИХ

Хлеба — лишь хлеба нам дайте за труд.
Боже, когда же голодных поймут
Сытые люди, когда
Тронет их наша нужда?

Возле палат и дворцов
Или фабричного зданья
Стыдно просить подаянья —
Тем, кто здоров;
Каждый с охотой
Ведь на работу
Будет готов.
Только бы сила
Не изменила,
Хворь не пришла
Или могила
Не унесла...
Будем жить в мире всегда,
Ни перед кем никогда
Не унижаться
И от святого труда
Все мы питаться!

<1906>

288. СТАРОЙ ПОДРУГЕ

Помнишь, как с тобой в углу
Мы сидим, бывало,
А в окне и на полу
Солнышко играло.

Серый кот у ног твоих
Нежно щурил глазки,
И слагал тебе я стих,
Расточая ласки.

Как была ты хороша,
Как тогда играла!..
А теперь, моя душа,
Ты старушкой стала,

Не играешь, не поешь,
Разве скажешь только,
Что и сам я был хорош,
А теперь нисколько.

<1906>

287. ПЕСНЯ ПЛОВЦА

Пусть гром гремит,
Пусть буря стонет, —
Мой челн бежит,
В волнах не тонет.

Он к берегам
Меня выносит
И там врагам
Навстречу бросит.

Пусть враг со мной
Тогда сразится, —
За край родной
Готовый биться,

Пойду вперед
Я прямо в сечу
И за народ
Душой отвечу.

24 июня 1906

288. ОЗИМЬ

Как солнце скроется с небес —
Запышет зорькой темный лес
И в мрак оденутся поля;
Уснет родимая земля,
Долины, горы все уснут
И с ними весь крестьянский люд,
Чтоб с новой силой завтра встать,
Сохою поле распахать,
Зерном засеять всё и ждать,
Когда на каждой полосе
Оно взойдет во всей красе
Зеленой озимью, и вдруг
Когда над нею, словно пух,
Снежок бесшумно полетит,
Закроет и запорошит,
Глубоко вьюгой заметет,

Покуда в гости не придет
Весна-красавица, опять
Не станет колос наливать
И не пошлет в родимый край
За труд обильный урожай.

25 августа 1906

289. ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

А. А. Коринфскому

В деревне, чуть заря вечерняя займется,
Играет молодежь, сплетаясь в хоровод,
Звучит гармоника и песня раздается
Такая грустная, что за сердце берет.
Но грусть сроднилася с крестьянскою душою,
Она всегда в груди измученной живет
И разгоняется лишь песнею родною.
Отпряжен от сохи, средь поля конь усталый
Пасется в табуне; вхожу я тихо в дом,
Чтоб за ночь отдохнуть и чтоб на зорьке алой
Проснуться и опять с товарищем-конем
На поле целый день трудиться с силой новой,
Взрывая борозды, иль, срезав рожь серпом,
Душистые снопы возить на ток готовый.
А теплый вечер так порой душист и ясен,
Когда разносится народной песни стих.
О, как ее язык и звучен и прекрасен,
Как много слышится в ней мук пережитых!

14 октября 1906

290. ЗА РЕШЕТКОЙ

Вдали от родных, за тюремной стеной,
Поет свою песню певец молодой, —
О родине милой он громко поет,
И грустная песня за сердце берет,
И ширится-льется далеко она,
Как вздох из железной решетки окна,
Туда, где на горке виднеется храм,

Под старую крышу, к полям и лесам,
Туда, где жена молодая в слезах,
Где матери бедной покоится прах,
Где катится Волга вперед и вперед
И снова певца на свободу зовет.

12 июня 1907

291—292. *НА МОГИЛЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО*

1

К тебе, пророк — певец Украйны,
Я из России ледяной
С своею музою печальной
Пришел на холм могильный твой.
Дай мне приют на время в хате
Во имя братства и любви
И песни петь о бедном брате
Вслед за тобой благослови!

2

Перед твоей святою тенью,
Перед твоим святым крестом
Стою, молюсь и вспоминаю,
Как ты всю жизнь страдал и нес
Его, певец Украйны милой,
И стал нам дорог за могилой.

Июль 1907
На пароходе под Каневом

293. ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Темная осень суровая,
Ставнями ветер стучит. . .
Прибрана горенка новая,
В зыбке ребенок кричит.

Вижу, к малютке склоняется
С тихим рыданием мать:
Муж ее охает, мается,
С печи не может уж встать.

В долгие ночи сердечного
Кашель удушливый бьет;
После труда бесконечного
Скоро бедняк отдохнет, —

Скоро под белой холстиною
Ляжет вдоль лавки большой...
Вчуже пред этой картиною
Я цепенею душой.

24 сентября 1907

291. НОВЫЕ ПТИЦЫ — НОВЫЕ ПЕСНИ

Славные птицы бог знает откуда
К нам прилетели.
Новые песни — такие, что чудо, —
Громко запели!

Весело, смело певуньи взлетали
С ветки на ветку,
Только охотники злые хватали
Часто их в клетку.

Славные птицы, лишенные воли,
Всё ж не боялись
Петь свои песни, и в чистое поле
Дружно все рвались.

Чтобы по-прежнему узникам слиться
Там с голосами
Пташек свободных и с ними укрыться
Под небесами.

Между 1905 и 1907(?)

295. ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Н. И. Познякову

Учитель наш, душою чистый,
Как золото пред нами ты блестел,
И взор твой ясный и лучистый
Вперед с надеждою глядел.
Ты думал: вот настанет время,
Весь будет грамотным народ,
И молодое наше племя
Счастливым заживет.
Но умер ты, и не дождался
Рассвета этих чудных дней. . .
А мрак всё более сгущался
Над бедной родиной твоей.

18 октября 1910

296. ПОСИДЕЛКИ

Старая бывальщина

В зимний вечер с белой церковью
Чуть виднеется село,
Все к нему пути-дороженьки
Белым снегом замело.

Как в гробнице, Волга-матушка
Под сугробами лежит,
А кругом ее метелица —
Вьюга буйная шумит.

На краю избушка тесная,
Чуть мерцает огонек;
Собрались девицы красные
И уселися в кружок.

Пели песни, песни грустные,
Все про девичью любовь,
Про неволю, про замужество
Да про злую про свекровь.

Между ними разудалые
Добры молодцы сидят,

Шутят шутки молодецкие
Да гостинцы им дарят.

У всех девушек приветливо
Смотрят бойкие глаза,
А у Дуни, что жемчужная,
Навернулася слеза.

Она видит, как с подругою
Милый друг ее сидит
И с веселою улыбкою
Прямо в очи ей глядит.

Речи сладкие, любовные
Он нашептывает ей
И не сводит с красной девицы
Своих ласковых очей.

Дуня смотрит, пряжу тонкую,
Как бывало, не прядет;
Песня грустная и звонкая
Пуще за сердце берет;

Пуще грудь ее волнуется
И вздыхает тяжело. . .
Скоро полночь. Одевается
В мрак родимое село.

Разошлись девицы красные,
Старики и дети спят,
Только слышны за околицей
Разговор и смех ребят.

Только звездочки небесные
Ярко светят, да в окне
Огонек еще виднеется
От избушки в стороне.

Там Дуняша-сиротинушка
У светца сидит с тоской,
И у ней с тоски-кручинушки
Слезы катятся рекой.

26 октября 1910

297. ВЕСНА-ЦАРИЦА

К нам идет весна-царица
И теплом на землю дышит,
В поле каждую былинку
И ласкает и колышет.

Где волшебница ни ступит,
Там цветочки расцветают,
Хоры птиц и насекомых
Воздух пеньем оглашают.

Взглянет на небо — там туча
Грозовая соберется
И на землю благодатным
Частым дождиком прольется.

После зноя от прохлады
Оживет земля сырая
И алмазами заблещет
Всюду травка полевая...

Шлет весна привет и ласку
Нашим пахарям родимым
И дает им много силы
За трудом неутомимым.

4 марта 1911

298

Ах ты батюшка, светлый месяц наш,
Что ты светишь нам не по-летнему,
Между тучками быстролетными
Всё туманами покрываешься?
Что, дубровушка, ты нахмурилась,
Почернела вся и шумишь-гудишь
В непроглядную ночку бурную
И, при ясном дне призадумавшись,
Разбросала вкруг листья желтые?
Где твоя краса, поле чистое,
Твой цветами луг изукрашенный,

С хлебом полосы заповедные,
Что так тешили сердце пахаря?
Знать, пришел конец лету красному,
Подошла пора непогожая,
С темной осенью зима лютая
С бурей вьюжною приближается.

11 октября 1911

299. ПЕСНЯ

Заиграй-ка, балалайка,
Ты запой-ка
Песню старую, родную,
Нашу «Тройку»!
Аль как вьется снег пушистый
При дороге,
Как на ней стоит девица
В злой тревоге;
Смотрит в дальнюю сторонку
Да вздыхает,
Долго смотрит и про друга
Вспоминает.
Спой, как умер одинокий
Горемыка,
Аль веселую какую
Расскажи-ка, —
Чтобы с улицею избы
Вкруг ходили
И от пляски все суставы
Говорили.

12 октября 1911

300. ПЕСНЯ

Калинка, калинка,
Не стой над водой,
Не красуйся, не равняйся
Со мной, молодой!

Ты тогда со мной равняться,
Калинка, могла,
Как у батюшки, у матушки
На воле я жила,

У родимой пела пташкою,
Резвилася всегда,
Никакой тоски-заботушки
Не знала я тогда.

А теперь у злой свекровушки,
У свекора-отца
Вся завяла и скатилась
Красота моя с лица.

1 ноября 1911

301. НА РОДИНЕ

Родные, милые картины
Я снова вижу пред собой!
Вот и село, вот и овины,
Вот поле с рожью золотой.
Вдали чернеет лес сосновый,
Всегда принять меня готовый
К себе под сладостную тень;
Там, под крутыми берегами,
Среди знакомых деревень,
Я вижу Волгу и с лесами
Опять поля; а там дорожка
Куда-то вьется далеко. . .
Ах, если б счастия немножко,
Как здесь жилось бы мне легко!

9 февраля 1912

302. ПЕСНЯ

Не жена ему
Я венча́нная,
Да люблю его,
Окаянная.

Для него ли я,
Друга милого,
Дом родной, отца,
Мать покинула.
Без него от слез
Я не вижу дня. . .
Словно зельем он
Опьянял меня.
По полям весной
Всё гулял со мной
До тех пор, пока
Не сходил к другой. . .
И теперь за ней
Он гоняется,
А со мной, злодей,
И не знается.

12 февраля 1912

803. ИЗ МРАКА К СВЕТУ

Подите все с дороги прочь,
Кому не нужен жизни свет,
Кому нужны, чтоб длилась ночь
И море всех народных бед,
Кому не нужно, чтоб народ
К свободе двигался вперед. . .
Подите, жалкие кроты,
Рабы житейской суеты, —
Довольно, долго длилась ночь,
Подите все с дороги прочь.
Не стойте больше на пути
И не мешайте нам идти
Своей дорогою прямой
К свободной жизни трудовой.

7 декабря 1913

304. ПЕРЕД ЧЕРНИЛЬНИЦЕЙ

На письменном столе передо мной с орлом,
Стоящим на скале, чернильница с пером,
Что поднесли зимой в Москве золотоглавой
Писатели-друзья, венчая громкой славой
И лаврами меня с моею музой строгой
За то, что сорок лет я шел прямой дорогой,
Ни разу не свернув, и в городе и в поле
Пел громко о труде и о крестьянской доле,
С желаньем радостным в измученной груди
Зарю счастливых дней увидеть впереди!
Но сорок лет прошло, она еще не всходит,
По-прежнему народ во тьме глубокой бродит,
И много думает, и верует, и ждет,
Что это времечко желанное придет.

30 декабря 1913

305. ПЕСНЯ

Расцвела моя черемуха в саду...
Ныне утром ты шепнула мне: «Приду!
Жди меня, как станет ночка потемней!»
Приходи же, моя радость, поскорей!

Я хочу тебе в последний раз сказать,
Можно ль, милая, мне сватов засылать
И не полно ли украдкою с тобой
Нам сходиться под черемухой густой.

25 февраля 1915

306. ПОЭТ И ЧИТАТЕЛЬ

С каким сердечным замираньем
Нам говорит родной певец:
О чем писать? И где страданьям
Найти желаемый конец?
Куда бы он ни кинул взгляд —
От сельских хижин до палат

Рабы влачащия оковы
Свободных песен не поют
Как дикари они живут,
Мирятся с долею суровой,
Всегда тюрьму одну да кнут
Законом Бога ставят
За то их чем попало бьют
И мучают и давят.

С. Дрожжин

Москвы и Петрограда, —
Как за кладбищенской оградой,
Вокруг немая тишина. . .
А на окраине война
Кипит, и кровь рекою льется,
И шлет родная сторона
Туда детей. А враг неймется,
Ведет с мечом за ратью рать,
Грозит нам Русь завоевать. . .
И, полный горького смущенья,
Опять вопрос он задает:
О чем писать? Дадут ли плод
Слова в минуты вдохновенья,
Когда по-прежнему в волненьи
Молчит подавленный народ? . .
Куда ж идти, к чему стремиться,
В чем благо общее найти? . .
Певец идет, и на пути
Не знает, где остановиться,
Какую песню завести.
— О, пой нам, пой, Баян народный,
Как прежде, гордый и свободный,
Иди в деревни, громко пой
О честной жизни трудовой,
Пой песню каждой капле пота, —
Пускай на ниве в летний зной
И за фабричною стеной
Спорится наша с ней работа,
Пускай напев ее простой
По стороне твоей родной
Звенит от края и до края;
Пускай твоя в нем мысль живая
И каждый созданный твой стих
Рабов бездушных и немых
Ко благу общему разбудит,
И Русь тебя не позабудет.

Рабы, влачащие оковы,
Свободных песен не поют;
Как дикари они живут,
Мирятся с долею суровой,

Всегда тюрьму одну да кнут
Законом бога ставят, —
За то их чем попало бьют,
И мучают, и давят.

1915

307. ДРУГУ-ПОЭТУ

М. Л. Леонову

Много ты потратил сил,
С злой судьбой не споря,
Много в жизни выносил
И нужды и горя;
Много слез ты подсмотрел
И о них с тоскою
Задушевных песен спел,
Созданных тобою;
Эти песни до сих пор
На Руси поются
И, слезой туманя взор,
Прямо в душу льются.

<1917>

308. ВЕСНА СВОБОДЫ

В небе солнышко
Высоко стоит,
Горячо печет,
Разгорается.
Люди сельские
На полях родных
За работу все
Принимаются.
Разговор ведут
О весенних днях,
О свободушке
Завоеванной, —

Что в глухой тюрьме
Вековой их враг
На цепи сидит,
Крепко скованный.

24 марта 1917

309

Прошли века неволи злой
Великого народа,
И долгожданная свобода
Из мрака ясною зарей
Взошла над Русскою землей.
Теперь наш пахарь терпеливый,
Как прежде, с бедною семьей
Не будет плакаться над нивой, —
Всегда довольный и счастливый,
Другие песни запоет,
И к свету двинется народ.

22 ноября 1918

310. ЗАПЕВКА

Запою я вам
Песню новую,
Про крестьянскую
Трудовую жизнь,
Жизнь суровую:
Как прошла она,
Миновалася,
Как неволи злой
Цепь железная
В стороне родной
Оборвалася...
Оборвалася —
Да по барину
И купцу больней
Всех ударила.
И стоит народ —

Богатырь Бова
Заколдованный,
На Руси стеной
Бьется с недругом
За свои права
Вековечные,
Не отдаст он их
Ни за золото,
Ни за блеск царей
С их боярами,
Будет царствовать
До скончанья дней —
Сам среди полей
В стороне родной
Добывать трудом
Хлеб насущный свой.

29 января 1920

311. ИЗ ДОРОЖНОГО АЛЬБОМА

Зажглась заря, ночной покров
На землю надвигается,
И надо мною звездочки
По небу загораются.
За день-деньской в работушке
Крестьяне притомилися,
Чтоб отдохнуть до утра дня,
Из поля воротилися. . .
Замолк в деревне говор, шум,
И старые и малые
Спят крепко, в окна светится
И блещет зорька алая;
Чуть-чуть березы белые
Под окнами колышутся. . .
Как хорошо в такую ночь,
Привольно здесь мне дышится.

15 мая 1920

312. НА СМЕРТЬ ЖЕНЫ

Ты умерла, моя подруга,
Ты умерла,
И все свои заботы другу
Передала.
Окончив по дому заботу,
Спешить я буду на работу
В полях родных,
Чтоб там, на ниве отдыхая
И о тебе всегда вздыхая,
Слагать мой стих.

1920

313

Я не хочу застыть душой,
Чтобы под крышей гробовой
Мне спать на кладбище села,
Когда Россия ожила
И, всколыхнув всю гниль болот,
Свободно двинулась вперед;
И стены мраморных дворцов,
И целый мир ей вдруг стал тесен.
Она зовет своих певцов
Для новых песен.
И я, певец родных полей,
Хочу последовать за ней,
Найду еще немало слов,
Немало чувств и вдохновений
Для их душевных выражений.

1923

314. БАЯН

«О чем поешь, баян народный,
Скажи-ка мне?»
— «Пою о родине свободной
И о весне.

Когда народ поднялся в гневе
　　　　На всех господ,
Я знамя красное на древе
　　　　Понес вперед, —

Понес вперед и песнь свободы
　　　　Ему слагал,
Все племена и все народы
　　　　К свободе звал.

Они услышат и сольются
　　　　В одну семью
И чутким сердцем отзовутся
　　　　На песнь мою!»

1923

315. ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА

Долго пел я о народе,
Про крестьянскую нужду,
Призывая всех к свободе
И к свободному труду.

Время тяжкое минуло,
Когда был и я рабом,
Цепи рабства Русь стряхнула
В гневе праведном своем.

Свержен царь последний с трона,
Нет рабов и нет господ,
Новым именем закона
Ныне царствует народ.

Не замай никто народа,
Не вставай щетиной, штык!
Знамя Красное свободы
Крепко держит большевик.

1924

316

Свети мне, солнышко,
Свети
На мною избранном
Пути
И освещай красу
Полей
Свободной родины
Моей!
Сквозь глушь лесов, среди
Долин
Иду вперед я
Не один,
За мной трудящийся
Народ
Толпою радостной
Идет
И не сбивается
С пути...
Свети мне, солнышко,
Свети!

3 июня 1926

317

Когда-то я в неволе злой
На стороне моей родной
Средь бедных хижин и палат
Пел песни, полные печали.

Но эти песни отзвучали,
Я их пою на новый лад,
И песня горя не нужна
Тебе, родная сторона.

1929

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1. ПЕСНЯ

«Воскресный досуг», 1864, 12 июля
После строфы 6

Как взглянула девица
В очи добру молодцу,
Дрожь огнем и холодом
Пробежала по сердцу...

Эх! да знать не в добрый час,
В пору нехорошую,
Поглядела девица...
Оттого и грустно мне,

Оттого и буйная
С плеч головка валится,
На пиру, за чаркою
Молодец печалится!

2

Сб. I
строфа 1

Смотрит с неба месяц,
Как полукольцо;
Жжет мороз сердитый
Уши и лицо.

3

Сб. I
После строфы 18

Над мертвой женою,
Сознанья лишенный,
Сапожник как громом
Стоит оглушенный.

9

«Воскресный досуг», 1864, 15 ноября
13—16

Там, за тыном, в поле,
Над рекой широкой,
Тож сироткой в горе,
Дуб растет высокий.

Сб. I, 3—4

Головой склоняясь
До самого тына?

9—12

Одна, сиротинка,
Я стою, качаюсь;
Как к земле былинка,
К тыну нагибаюсь...

10

Автограф ПД 5—8

Я тебе, буян бессонный,
Песенку спою,
Спи же ты, неугомонный,
Баюшки-баю!

12

Письмо Сурикова к И. Г. Воронину от 30 октября 1873 г. (Сб. IV, с. 9)

Что ты, жизнь, мне дала,
Когда молод я был?
Чем ты, жизнь, расцвела,
Когда жизнь я любил?

Только в сердце сожгла
Ты горячую кровь.
Только мне ты дала
Без ответа любовь.

Что ты, жизнь, мне дала,
Когда я возмужал?
Когда пылкость прошла —
Жизнь рассудком понял!

Только с горем, с бедой
Ко мне день приходил;
Жар души молодой
Бурный холод убил!

18

Разв., 1866, № 18 1—2

Смотрит месяц с неба яркий,
Точно серп крутой;

После строфы 3 (в «Развлечении» — после строфы 2)

По селу идет, шагает,
Песню он поет:
«Что, каков я молодец-то!
Эй! смотри, народ.

У меня ль богатства мало?
Вот мое добро!»

И посыпал за собою
Жемчуг, серебро.

По заборам, по деревьям
Раскидал наряд;
Где идет — в снегу алмазы
По следу горят.

19

Разв., 1869, № 39 1—6	Ночь темна, темна! Путь чрез степь лежит, Вьюга снежная На степи гудит. Снег и тьма — ни зги Не видать вперед;
Между строфами 13 и 14	Пылью белою Разбегается, Ветру буйному Откликается.

20

Сб. II 55—56	Над могилой серебристым Тополем шуметь.

21

Сб. I 15—16	Мужики себе дорогу В город за нуждой?
Заключит. строфа	И звучит в тех песнях горе, Горе да тоска: Это ты тут схоронилась, Доля бедняка!

24

ИГ, 1871, 8 апреля строфа 4	Хлопают в ладоши, Мне «ура!» кричат, Дружно из сугроба За ноги тащат.
строфа 14	И душонка рвется Детская моя, И под сказку бабки Засыпаю я.

26

Разв., 1866, № 22 Вместо строф 1—2

Голова ли ты, головушка,
Голова ты, бесталанная!
Знать, ты в черный день да в час лихой
Зародилася, желанная!

Твои песни, песни звонкие
В хороводах серебром звенят;
Твои кудри, кудри черные
Красных девушек к себе манят.

У тебя ли очи сокола,
Лицо белое, пригожее;
Да дала тебе судьба-змея,
Дала счастье нехорошее.

38

Разв., 1868, № 37, 13—16

Входит в избу мой большак,
Злой и утомленный;
Дети с голода кричат
В хате нетоплёной.

39

Сб. II Между строфами 8 и 9

Запил мертвою чашею ты —
И вино твои силы убило,
А чахотка ему помогла
И в могилу тебя уложила.

47

ИГ, 1868, 19 сентября Вместо строфы 2

Пронеслись — и скрылись,
Замер звук живой;
Лишь камыш в заливе
Шепчется с волной,

Да во мгле вечерней
Где-то за рекой
Плачет колокольчик
В тишине немой.

строфа 5

Много, много горя
На душе моей,
Только от участья
Легче станет ей.

49. ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Разв.,
1867, № 7
строфа 4

Разменять если их,
Денег-то ведь груда!
Ну и значит — кути,
Будет с нас покуда!

строфа 9

Может быть, молодца
Ты и приголубишь;
А не так — прах с тобой,
Слез ты не добудешь.

После строфы 9

Не один от тебя
Я убит нуждою,
Не один я хожу
Без сапог зимою.

77. ГРАМОТЕЙ

«Рассвет»
строфы
11—14

Если выйдет из больницы,
Денется куда?
Только по миру таскаться
Годен он тогда.

И заплакал горемычный
Дедушка Федот;
Мальчуган глядит, дивится,
Слез тех не поймет.

Отчего старик так плачет,
Что он прочитал?
И мудреного вопроса
Чем решить, не знал.

Погоди! Теперь ты знаешь
Грамотку читать,
Подрастешь, людское горе
Станешь понимать.

82

«Детское
чтение»,
1874, № 5
Перед
строфой 1

Поднялась весна-царица
С золотого трона,
И блестит в лучах огнистых
У весны корона.

Поднялася и на землю
Ласково взглянула,
Во дворце своем роскошном
Двери распахнула.

95

«Дело»,
1875, № 8

Я бросил честную работу,
Покой и праздность возлюбил
И создал сам себе субботу
И духом мирно опочил.

Мой светлый дар покрыла плесень;
Он грустно вянул, как цветок;
Не стало слышно громких песен;
Заснула мысль, язык умолк.

Мой острый ум без дел заржавел
И стал бесплоден, недвижим...
И понял я, как обесславил
Себя бездействием таким.

Жизнь вкруг меня трудом кипела;
Куда ни падал праздный взор,
Искали всюду люди дела.
Мне ближний был — живой укор:

С терпеньем, с волею железной
Тяжелый путь он пролагал;
А я, как камень бесполезный,
На пашне жизненной лежал.

Глядел, как зритель безучастный,
Я на людской упорный труд.
Усердно, дружно и согласно
Спешил вперед рабочий люд.

Повсюду видел я движенье;
Тот, кто работал, не скучал;
А мой покой одно презренье
От всех трудящихся встречал.

Болело сердце нестерпимо,
В ужасной скуке ныла грудь,
Немым раскаяньем томима...
И вышел я на прежний путь,

И к мысли я воззвал: «Воскресни!
Возобнови остаток сил!
Напомни мне былые песни!
Я всё растратил, всё забыл.

Пусть жизнь сулит одни лишенья —
Не страшен будет с ними бой.
Хочу трудиться ночь и день я,
Мне опротивел мой покой!

Хочу душой ожить; но если
Уж поздно — жизнь во мне убей!»
И силы прежние воскресли
В груди измученной моей.

Всё то, чем в жизни заразился,
Я от себя тогда отсек —
И для работы вновь родился
Убитый ленью человек.

97

Автограф ГБЛ
Между строфами 14 и 15

Вот сосед Терентий —
Тот не так живет:
Ходит, словно барин,
Сладко ест и пьет.

Щи всегда и каша
С маслом за обедом.
А зовут соседа
Люди мироедом.

Накопил, вишь, много
Денег наш сосед...
Только что ж такое
Значит «мироед»?..

Вот у нас — так плохо:
Ходим в чем попало,
Масляной же каши
В праздник не бывало.

110

«Б-ка дешевая и общедоступная», 1875, № 9
Между строфами 4 и 5

Чувств возвышенных дороже
Нам былые наши муки,
И с шипучкою не схожи
Нашей песни грустной звуки.

То ли дело лирик кровный,
От тяжелых дум свободный,
Кто поэзии любовной
Посвятил свой дар природный.

Как ребенок прихотливый,
Он ничем вполне не занят;
И, в самом себе счастливый,
О других скорбеть не станет.

Чувство ль муза в нем разбудит —
Много он не размышляет,
Сам не знает он, что будет
Петь, но песня созревает.

Он поет легко, как птица,
Как ручей, журчит он сладко,
Но стихов его страница
Для ума порой загадка.

Нам же способ этот птичий
Петь для пения — неведом;
Стих у нас — таков обычай —
В ход идет за мыслью следом.

Словом правды, горьким стоном
Часто спящих мы тревожим,
Но пугать мечом картонным
И гремушкою не можем.

137

«Дело», 1878, № 5 После строфы 5

Будет время, что и сами
Силы вы в борьбе убьете —
И тогда-то вместе с нами
Песню горя запоете.

Письмо к Соловьеву-Несмелову от 10 мая 1878 г. (ГБЛ) После строфы 5

Мы состарились, завяли,
Миновало наше лето...
И страданьям и печали
Наша песенка допета.

Дай вам бог дойти счастливо
До своей высокой цели,
Чтоб мучительно, тоскливо,
Как и мы, вы не запели,

Чтобы с вами не случился
Горький наш исход плачевный,
Чтоб до гроба сохранился
В ваших песнях жар душевный.

163

«Рассвет». Вместо строф 13—15

«Где же деньги, дел куда ты,
Уберег ли в сундуке?»
— «Эх, прости, царь, денег нету,
Их я пропил в кабаке!»

Царь был в духе и промолвил:
«Эх, не надо, брат, бы пить
На церковную копейку. . .»
И велел его простить.

167

Коррект. гранки «Песни» Между строфами 2 и 3

Становые да исправники
День и ночь следят за мной;
Точно зверь, от них скрываюся
Я в лесу, для всех чужой.

170

Корректурные гранки, 17

На глаза его нависли

Вместо строф 6—8

На толпу не смотрит Стенька,
Он идет, как ночь, угрюм,
И не может громкий говор
Пробудить его от дум.

175

*ИГ, 1871,
8 июля*

Ах, люби меня да не сказывай,
Про тоску мою не расспрашивай,
Будь всегда ко мне невнимательна,
Лишь на жизнь гляди обстоятельно;

Откажися знать мое прошлое,
Детство горькое, детство пошлое!
Не разведывай моей думушки,
Не ходи гадать к сватье-кумушке.

Отрекися быть лгуньей-сплетницей,
Падшей братии привередницей —
Не терзай, не мучь их упреками,
Бесполезными и жестокими!

Нелегка их жизнь казематная,
Жизнь печальная, безотрадная!
Не от них самих, а от случая
Растлевается честь могучая!

Возлюби, мой друг, дело честное,
Всем полезное, всем известное,
Будь хозяйкою работящею,
Понимай нужду настоящую!

С делом справишься — рук не складывай,
Делать что тебе — предугадывай,
Помогай нужде, не указывай
И любви другим не навязывай!
Так легко тогда наша жизнь пойдет,
И тоску мою, как крылом, смахнет.

253

Изд. 1907 *Между строфами* *2 и 3*	Восславил им свободный И земледельца труд, По всей Руси народный Восславил правый суд.

256

Изд. 1907 *7—8*	Как учил зимой, бывало, «Отче наш» с тобой читать!
13—16	И Пахом к сохе с молитвой Внука за руку подвел. Внук, крестяся, бороздою За лошадкою пошел...

285

Сб. «Песни рабочих», М., 1906 *17—21*	Дайте же вы нам всегда Всем от святого труда Только питаться И ни перед кем никогда Не унижаться.

289

«Баян» *После 18*	И я внимаю ей, весь трепетом объятый, И думаю о всех невольниках святых, Которых научил терпению Распятый.

303

ПТС *(др. ред.)*	Подите все с дороги прочь, Кому не нужен жизни свет,

Кому нужны зима и ночь
И море всех народных бед,
Кому не нужно, чтоб народ
Свободный двигался вперед...
Из мрака к свету мы идем
Туда, где нас свобода ждет,
А вы проселочным путем
Бредете, чтоб в краю родном
Еще продлить неволи гнет!
Подите, жалкие кроты,
Рабы житейской суеты, —
Кому нужны зима и ночь,
Подите все с дороги прочь!
И не мешайте нам идти
Вперед, чтоб счастие найти!

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание — книга, воссоздающая определенное явление истории русской поэзии прошлого века — творчество «поэтов-самоучек» пореформенной поры. С наибольшей полнотой представлено здесь поэтическое наследие Сурикова, занимающее первый раздел книги. По сравнению с предыдущими собраниями сочинений оно дополнено четырьмя стихотворениями: «Отрывок» («Пусть ругают, мой друг, нас за то...»), «Несчастный», «Когда взгляну порою в глубь я...», «Жалобы бедняков». Остались не включенными в настоящий сборник немногие тексты из числа однообразных вариаций уже известных мотивов и тем суриковской поэзии, а также произведения особенно несовершенные в художественном отношении (строки из них, имеющие важное значение для характеристики поэзии Сурикова, приводятся и анализируются во вступительной статье). Все эти произведения перечислены в особом списке (см. с. 497).

При жизни Сурикова его стихотворения издавались трижды: в 1871, 1875 и 1877 гг. После смерти поэта, в 1884 г., Н. А. Соловьевым-Несмеловым было издано наиболее полное и авторитетное в дореволюционное время собрание стихотворений Сурикова.

Начало научному подходу к публикации произведений Сурикова положил сборник его стихотворений, вышедший в Большой серии «Библиотеки поэта» (вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Дымшица, Л., 1951). Состав сборника был несколько расширен сравнительно с изданием 1884 г. В примечаниях отмечались первые публикации многих стихотворений (эти сведения в настоящем издании уточнены и дополнены), проведено сравнение различных редакций, даны и другие ценные сведения справочного характера.

Однако в текстологическом отношении редактор издания 1951 г. полностью опирался на сборник Соловьева-Несмелова, что нельзя признать достаточно обоснованным.

Правда, сборник 1884 г. имеет значение несколько большее, чем обычные посмертные собрания сочинений того или другого писателя. Соловьев-Несмелов всегда с любовью и вниманием относился к Сурикову и его творчеству. Они были друзьями. Соловьев-Несмелов редактировал еще второй сборник стихотворений поэта (1875 г.). Незадолго до смерти Суриков писал другу о том, что хотел бы именно ему доверить следующее издание стихотворений, обещал передать соответствующие указания по его составу.

Однако до последнего времени среди многочисленных сохра-

нившихся бумаг Соловьева-Несмелова не удавалось разыскать ничего похожего на «литературное завещание» поэта. Говорим «до последнего времени», так как недавно в Музей А. С. Пушкина в Москве поступили новые суриковские материалы, ранее хранившиеся у историка литературы И. Н. Розанова. Это собрание стихотворений Сурикова 1877 г. (экземпляр особой печати), к нему приплетены чистые листы, частично заполненные авторской рукой. Суриков записывал на них свои стихотворения, не вошедшие в это издание и созданные в основном после выхода его в свет. В некоторые стихотворения поэт вносил исправления — сразу же, при переписке или позднее. Очевидно, судя по некоторым поправкам, Суриков вписывал в книгу стихи после печатной их публикации в журналах. Следовательно, по отношению к нескольким стихотворениям (см. последующие примечания) именно текст, данный в экземпляре Музея им. Пушкина, можно считать последним авторским вариантом. У нас нет сведений о том, был ли указанный экземпляр издания 1877 г. в руках Соловьева-Несмелова, но во всяком случае авторская правка из этого экземпляра почти полностью отражена им в издании 1884 г., которое таким образом в ряде случаев дает текст более поздний и более точный, чем журнальные публикации.

Тем не менее и сейчас издание 1884 г. нельзя считать осуществлением последней авторской воли. В нем допущены ошибки (некоторые из них исправил уже А. Дымшиц). Если считать, что Соловьев-Несмелов был знаком с уникальным экземпляром издания 1877 г., о котором только что шла речь, то и в этом случае, воспроизводя последние авторские варианты, он допустил неточности. Можно понять то обстоятельство, что стихотворение «Живу на южном берегу. . .», посвященное И. И. Барышеву, Соловьев-Несмелов приводит по тексту письма к последнему, а не по рукописи, имеющейся в экземпляре Музея А. С. Пушкина. Легко объяснить появление строки «В песнях у поэта» вместо «В песне у поэта» (стихотворение «Не корите, други. . .») — это описка или опечатка. Но вот в стихотворении «Песня-быль» вместо совершенно ясной строки: «И рабы безмолвной мужа» Соловьев-Несмелов печатает: «И рабы безвольной мужа». Откуда взят этот вариант, неизвестно. В своем издании Соловьев-Несмелов ряд стихотворений Сурикова переименовал, в других случаях вовсе снял названия.[1] Наконец надо особо отметить, что в издании 1884 г. дается часто неточный текст писем Сурикова (в таких случаях мы цитируем письма по рукописи, сопровождая цитату соответствующей ссылкой).

---

[1] В этом издании стих. «Мертвое дитя» печатается под загл. «Тихая постелька», «Утро» — под загл. «Утро в деревне», «Сиротинка» — под загл. «Сиротка (По мысли Т. Шевченко)», «Умирающая швейка» — под загл. «Швейка». Без заглавия опубликованы стихотворения: «Работники», «Жница», «Осенью», «Головушка», «После дождя», «Толокно», «И. И. Барышеву» («Когда расстанусь я с землей. . .»), «Три девицы», «Дубинушка», «Рябина», «Прощание», «Разгул», «Доля бедняка», «В могиле», «Малороссийская песня» («Я ли в поле да не травушка была. . .»).

Учитывая эти обстоятельства, вопрос о последних авторских редакциях следует, очевидно, решать в каждом конкретном случае особо и лишь на основе документальных данных. Итак, большинство произведений Сурикова в настоящем издании печатается по прижизненным публикациям (сборникам, журналам, газетам), отражающим заключительный этап работы поэта над стихотворением, а также по автографам экземпляра Музея А. С. Пушкина, если они дают последний вариант текста.

Стихотворения, при жизни поэта не печатавшиеся, естественно, приводятся или по наиболее авторитетным посмертным публикациям или по рукописям (если в публикации была допущена ошибка).

В этом сборнике произведения Сурикова впервые размещены в более или менее строгом хронологическом порядке (источники датировки указаны в примечаниях). По отношению к суриковскому наследию такой принцип соблюсти нелегко, поэтому датировки часто приблизительны. Дело не только в том, что время написания многих стихотворений нам точно не известно, но еще и в том, что имеются собственные авторские датировки одного и того же стихотворения, разница между которыми составляет один-два года. В экземпляре издания 1877 г., хранящемся в Музее А. С. Пушкина, авторской рукой проставлены даты (год) под всеми текстами — как печатными, так и рукописными. Однако и эти указания, также учтенные нами (в примечаниях не оговариваются только совпадения с уже отмеченными датировками или явные ошибки), опять-таки нельзя считать абсолютно надежными.

Помещенное в конце суриковского раздела стихотворение «Летняя ночь» не удалось датировать даже приблизительно из-за полного отсутствия каких-либо данных.

Говоря о структуре настоящего издания, необходимо указать на то, что в нем отсутствуют разделы «Песни» и «Стихотворения», которые появились в последнем прижизненном собрании стихотворений поэта. Подобную композицию нельзя признать заслуживающей увековечения из-за очень большой произвольности ее. Не случайно в издании 1877 г. отдел «Песни» содержит 19 произведений, в издании 1884 г. — 28, в издании 1951 г. — 20. На самом деле, нет никакой возможности установить более или менее определенные критерии для размежевания «песен» и «собственно стихотворений». Близость стихотворения и песни — вообще принципиальная особенность творчества Сурикова (об этом — во вступительной статье). Показательно, что в народно-песенный репертуар вошли самые различные по характеру суриковские произведения.[1]

---

[1] Об этом говорят, в частности, сведения, приводимые А. Дымшицем в примечаниях к сборнику Большой серии «Библиотеки поэта» 1951 г. В различные песенники конца XIX — начала XX вв. вошли следующие стихотворения Сурикова: «Рябина», «В зеленом саду соловушка...», «Доля бедняка», «Разгул», «Толокно», «Сиротой я росла...», «В степи», «Малороссийская песня» («Я ли в поле да не травушка была...»), «Дубинушка», «Если б легкой птицы...», «Не грусти, что листья...», «Часовой», «У могилы ма-

Второй раздел настоящего издания — «Поэты „Рассвета"» — составляют произведения поэтов-суриковцев из этого коллективного сборника. Они дополнены стихотворениями из других печатных и архивных источников только в тех случаях, когда возникала возможность внести более или менее выразительный штрих в образ того или иного поэта или в «коллективный портрет». Из стихотворений, опубликованных в «Рассвете», здесь не воспроизводятся только те, что вовсе неинтересны по существу или отличаются особенно невысоким художественным уровнем.

В третьем разделе помещены избранные стихотворения С. Д. Дрожжина и М. Л. Леонова, двух наиболее видных продолжателей суриковских традиций в литературе конца XIX — начала XX вв.

Тексты Дрожжина в настоящем издании также печатаются по последним прижизненным публикациям. В ряде случаев, оговоренных в примечаниях, учтена авторская правка, относящаяся к последним годам жизни Дрожжина и обнародованная Л. А. Ильиным, редактором основных изданий стихотворений поэта, выпущенных за последние десятилетия, прежде всего — двух изданий в Малой серии «Библиотеки поэта» (1949 и 1963 гг.).

В своих сборниках Дрожжин часто датировал стихотворения (как правило, указывался только год написания). В предыдущих изданиях «Библиотеки поэта» авторские указания в сборниках дополнены и уточнены Л. А. Ильиным по дневникам, письмам поэта, а также на основании других архивных материалов (во время войны архив поэта, хранившийся в доме-музее его имени в селе Завидово, погиб). Однако дальнейшие уточнения возможны и здесь: у самого Дрожжина встречаются случаи ошибочных или сомнительных датировок — см., например, примечание к стихотворению «Новые птицы — новые песни» (№ 294).

Точные даты, поставленные тем или иным автором или установленные позднейшими исследователями, даются под стихотворениями. В угловых скобках указывается дата первой публикации или год, не позднее которого данное произведение могло быть написано.

Структура примечаний ко всем стихотворениям настоящей книги единая. После номера дается ссылка на место первой публикации произведения, затем отмечаются последовательные этапы изменения его текста — вплоть до последней авторской редакции. У составителя нет уверенности в том, что он располагает (несмотря на все предпринятые разыскания) достаточно полными сведениями относительно места первой публикации некоторых произведений поэтов «Рассвета», а также М. Л. Леонова и С. Д. Дрожжина. Здесь возможны пропуски, неполнота фактических данных.

Звездочка в примечаниях означает, что к этому произведению имеются материалы в разделе «Другие редакции и варианты».

тери», «Тихо тощая лошадка...», «За окном скрипит береза...», «Ты, как утро весны...», «Косари», «Умирающая швейка», «Работники», «Зимой», «Цветы», «Трудящемуся брату», «Казнь Стеньки Разина», «Вдова», «Нет мне радости, веселья...», «Птичка и солнечный луч».

Этот раздел отнюдь не претендует на полноту и содержит, как правило, лишь наиболее важные, показательные варианты произведений, наглядно демонстрирующие творческую работу того или другого поэта.

В составлении, подготовке текстов и примечаний к разделу «С. Дрожжин» принимала участие Л. П. Архипова (№№ 232, 234, 236, 239, 241—243, 247, 248, 250, 251, 253, 262—267, 271, 273, 274, 276—288, 291—293, 295, 297, 298, 300—305, 307, 310—313, 316).

Условные сокращения, принятые в примечаниях

«Баян» — С. Дрожжин, Баян. Стихотворения, М., 1909.

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЗП — С. Дрожжин, Заветные песни. Стихотворения, М., 1907.

ИГ — «Иллюстрированная газета».

Изд. 1889 — С. Дрожжин, Стихотворения 1866—1888 г. с записками автора о своей жизни и поэзии, СПб., 1889.

Изд. 1901 — С. Дрожжин, Поэзия труда и горя. Новое собрание стихотворений. С портретом автора и указателем статей к его произведениям, составленным И. Горбуновым-Посадовым, М., 1901.

Изд. 1907 — С. Дрожжин, Стихотворения. 1866—1888. Третье, значительно исправленное и дополненное издание, с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии, М., 1907.

Музей — «Музей русских самоучек», собрание рукописей (коллекция А. И. Яцимирского), хранящееся в ПД.

НРП — С. Дрожжин, Новые русские песни, М., 1909.

НС — С. Дрожжин, Новые стихотворения. С приложением песен «Из старой тетради», М., 1904.

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.

«Песни» — С. Дрожжин, Песни крестьянина, М.—Л., 1929.

ПМ — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва).

ПСП — С. Дрожжин, Песни старого пахаря. С новым портретом автора и статьей о его сочинениях А. А. Коринфского, М., 1913.

ПТС — С. Д. Дрожжин, Песни труда и свободы. Предисловие Н. Шебуева, М., 1923.

«Пути» — С. Дрожжин, Пути-дороги. Избранные стихи, М., 1929.

Разв. — «Развлечение».

«Рассвет» — «Рассвет. Сборник произведений писателей-самоучек», М., 1872.

РНП — «Русские народные песни. Вступительная статья, составление и примечания А. М. Новиковой», М., 1957.

Сб. I — И. Суриков, Стихотворения, М., 1871.

Сб. II — И. Суриков, Стихотворения. Издание Н. А. Соловьева-Несмелова, М., 1875.

Сб. III — И. Суриков, Стихотворения. Третье, полное издание К. Т. Солдатенкова, М., 1877.

Сб. IV — И. Суриков, Стихотворения. 1863—1880. Полное собрание. Издание четвертое (посмертное) К. Т. Солдатенкова <подготовленное Н. А. Соловьевым-Несмеловым>, М., 1884.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (в Ленинграде).
«Юбилейный сборник» — С. Д. Дрожжин, Юбилейный сборник. Избранные стихотворения, изд. Тверского комитета по чествованию С. Д. Дрожжина, Тверь, 1923.

I

И. СУРИКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ

*1. «Воскресный досуг», 1864, 12 июля, с. 20, под загл. «Песня», в составе 9 строф; Сб. I, под тем же загл., с датой: 1863. Печ. по Сб. III, с. 202. Автограф — Музей, с датой: 1862. *Медяница* — в народной поэзии так называют ядовитую змею.

*2. «Воскресный досуг», 1864, 9 августа, с. 90, с посвящением Л. А. Флорову; Сб. I, с датой: 1863. Печ. по Сб. III, с. 123. Автограф — Музей, с датой: 1862. Вошло в Сб. II.

*3. «Воскресный досуг», 1865, 24 января, с. 62, в составе 32 строф; Сб. I, в составе 19 строф, с датой: 1863. Печ. по Сб. II, с. 16. Автограф — Музей, с датой: 1862.

4. «Воскресный досуг», 1865, 7 марта, с. 158, под загл. «Песня». Печ. по Сб. III, с. 191. Автографы: ПД, архив В. Р. Зотова (ранний вариант); Музей, с датой: 1863. Вошло в Сб. I, с датой: 1864, и Сб. II.

5. Разв., 1865, № 29, с. 49. Печ. по Сб. I, с. 23, где дата: 1864. Автограф — Музей, с датой: 1863. Вошло в Сб. III.

6. Разв., 1865, № 34, с. 129. Печ. по Сб. I, с. 25, где дата: 1864. Автограф — Музей, с датой: 1863.

7. «Воскресный досуг», 1864, 5 июля, с. 14, с дополнит. строфой между 15-й и 16-й; Сб. I, с датой: 1864. Печ. по Сб. II, с. 25. Автограф — Музей, с датой: 1862.

8. «Воскресный досуг», 1864, 15 ноября, с. 314; Сб. I, с датой: 1865; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 118. Автограф — Музей, с датой: 1864.

* 9. «Воскресный досуг», 1864, 15 ноября, с. 317; Сб. I, с датой: 1865. Печ. по Сб. III, с. 187. Автограф — Музей, с датой: 1864.

Вошло в Сб. II. Народный текст («Что стонишь, качаясь. . .») — РНП, с. 414. Давно вошедшая в народный песенный обиход, эта песня пережила время особой популярности в годы Великой Отечественной войны, что, в частности, нашло свое отражение в книгах о войне (см., например, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, гл. 17).

*10. Разв., 1867, № 49, с. 375. Автограф — Музей, под загл. «Колыбельная песня», с датой: 1864. Перепев известного стихотворения Лермонтова, но стихотворение вызвано к жизни, бесспорно, другим перепевом того же стихотворения — «Колыбельной песней» Некрасова (ср. общий ход мысли Некрасова и Сурикова, особенно вторые и последние строфы). Датируется по указанному автографу, так как, очевидно, именно в 1864 г. состоялось тесное знакомство Сурикова с поэзией Некрасова. В ПД хранится отнесенный к тому же году автограф стихотворения «Былина», в котором ямщик рассказывает седоку о том, как в крепостное время барин опозорил крестьянскую девушку Дуняшу. «Былина» имеет эпиграф из стихотворения Некрасова «В дороге» (четыре начальные строки).

11. Разв., 1867, № 6, с. 88. Автограф — Музей, с датой: 1864.

*12. «Воскресный досуг», 1865, 10 января, с. 30. Несколько лет спустя Суриков приводит краткий вариант этого стихотворения в письме к И. Г. Воронину от 30 октября 1873 г. (Сб. IV, с. 9).

13. «Воскресный досуг», 1865, 28 ноября, с. 343.

14. Разв., 1865, № 28, с. 47; Сб. I, с датой: 1865; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 171. Автограф — Музей, с датой: 1864.

15. Разв., 1865, № 38, с. 193, под загл. «Вечер»; Сб. I, без загл., с датой: 1865. Печ. по Сб. II, с. 24. Автограф — Музей, с датой: 1864. Вошло в Сб. III. Положено на музыку П. И. Чайковским под загл. «Вечер».

16. Сб. I, с. 31, с датой: 1865; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 149. Автограф — Музей, с датой: 1864. Положено на музыку П. И. Чайковским в 1881 г. (дуэт под загл. «Рассвет», текст Сурикова значительно переработан).

17. Разв., 1866, № 49, с. 370. Автограф (с разночтениями) — Музей, с датой: 1865.

*18. Разв., 1866, № 18, с. 273, в составе 17 строф, с посвящением А. М. К—ву; Сб. II, без посвящения. Печ. по Сб. III, с. 115. Дата — по экземпляру ПМ.

*19. Разв., 1869, № 39, с. 214; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 126. Дата — по экземпляру ПМ. В основе стихотворения — текст старинной ямщицкой песни «Уж ты степь моя, степь моздокская. . .» (см. РНП, с. 92), решительно переработанный и дополненный

Суриковым. Войдя в народно-песенный репертуар, произведение Сурикова, в свою очередь, само подверглось значительной переработке. Народный текст — РНП, с. 412.

***20.** Разв., 1866, № 8, с. 113, с дополнит. строфой в конце и посвящением В. А. Б., подпись: Крестьянин; Сб. I, с датой: 1866; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 139. Автограф — Музей, с датой: 1865. Стихотворение имеет автобиографическую основу.

***21.** Разв., 1866, № 33, с. 113; Сб. I, с датой: 1866; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 174. Автограф — Музей, с датой: 1865. Это стихотворение высоко ценил Л. Толстой. «Однажды он увидел у кого-то из прислуги народный песенник, открыл его и, напавши на суриковскую «Долю бедняка», которую уже распевали по деревням, пришел от нее в восторг» (С. Т. Семенов, Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. — «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1, М., 1960, с. 416). *Овин* — строение для сушки (огнем, дымом) снопов перед молотьбой. *Тын* — сплошной забор из вбитых в землю жердей, бревен и т. п.

22. Разв., 1866, № 40, с. 226, без загл.; Сб. I, под загл. «Ночь», с датой: 1866. Печ. по Сб. II, с. 43. Автограф — Музей, с датой: 1865. Вошло в Сб. III.

23. Разв., 1866, № 45, с. 306. Печ. по Сб. I, с. 46, где дата: 1866. Автограф — Музей, с датой: 1865 (текст без строф 4 и 11).

***24.** ИГ, 1871, 8 апреля, с. 199; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 45. Автограф — Музей, с датой: 1865. Вошло в Сб. I, с датой: 1866. Поэт и композитор М. А. Кузмин в 1903 г. положил это стихотворение на музыку под загл. «Детские годы» (ГПБ).

25. ИГ, 1870, 5 марта, с. 151. Печ. по Сб. I, с. 59, где дата: 1866, с исправлением опечатки по Сб. II. Автограф — Музей, с датой: 1865. Вошло в Сб. III. Положено на музыку для хора Н. А. Соколовым.

***26.** Разв., 1866, № 22, с. 338, без загл., в составе 11 строф (на месте двух первых другие три); Сб. I, с датой: 1867. Печ. по Сб. III, с. 193. Автограф — Музей, с датой: 1866. Вошло в Сб. II.

27. Сб. I, с. 39, с датой: 1866. Печ. по Сб. II, с. 36. Вошло в Сб. III.

28. Сб. II, с. 45. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III.

29. Разв., 1867, № 41, с. 244; Сб. I, с датой: 1867; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 133. Автограф — Музей, с датой: 1866. Вольный перевод поэмы Т. Шевченко «Тополя» (см.: Ф. Я. Прийма, «Шевченко и русская литература XIX века», М.—Л., 1961, с. 379).

30. ИГ, 1870, 26 марта, с. 203, под загл. «Утро», в составе 6 строф. Печ. по Сб. I, с. 63, где дата: 1867. Автограф — Музей, с датой: 1866. См. прим. № 54.

31. Разв., 1867, № 40, с. 226, с подзаголовком: «Подражание Т. Шевченко» и посвящением А. Е. Р<азорено>ву; Сб. I, с посвящением и датой: 1867; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 21. Автограф — Музей, с датой: 1866. Подражание первой части стихотворения Шевченко «Думи мої, думи мої...».

32. Разв., 1867, № 47, с. 344; Сб. I, с датой: 1867; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 125. Автограф — Музей, с датой: 1866. Переложение стихотворения Шевченко «По улиці вітер віє...».

33. Разв., 1867, № 35, с. 146.

34. Разв., 1867, № 36, с. 174. Автограф строф 1—6 — Музей, с датой: 1863.

35. «Рассвет», с. 159, подпись: И. Новоселов. Автограф — Музей с датой: 1867.

36. ИГ, 1870, 26 марта, с. 203; под загл. «Песня сироты»; Сб. I, под загл. «Песня», с датой: 1867; Сб. II, под тем же загл. Печ. по Сб. III, с. 178. Автограф — Музей, с датой: 1867. Народный текст (один из вариантов, записанный в 1920-х годах в Тульской области) — РНП, с. 413. Это стихотворение знал и часто повторял Маяковский. В. Шкловский рассказывает: «Была у Маяковского песня:

У коровы есть гнездо,
У верблюда — дети,
У меня же никого,
Никого на свете.

Верблюд жил на камине» и т. д. (В. Шкловский, О Маяковском. — «Жили-были», М., 1964, с. 350). Трудно теперь сказать, чья именно память исказила или кто именно сознательно преобразил суриковские строчки.

37. «Литературный Ярославль», кн. 8, Ярославль, 1956, с. 223, с ошибкой. Печ. по автографу Музея.

*38. Разв., 1868, № 37, с. 186, с подзаголовком «Песенка»; Сб. I, с датой: 1868. Печ. по Сб. II, с. 67. Автограф — Музей, с датой: 1867. Вошло в Сб. III.

*39. ИГ, 1871, 15 апреля, с. 215; в составе 10 строф; Сб II. Печ. по Сб. III, с. 137. Вошло в Сб. I, с датой: 1868. Автограф — Музей, с датой: 1867.

40. Сб. I, с. 81, с датой: 1868. Печ. по Сб. II, с. 70. Автограф — Музей, с датой: 1867. Вошло в Сб. III.

41. ИГ, 1871, 11 февраля, с. 9; Сб. I, с посвящением жене и датой: 1868. Печ. по Сб. II, с. 71. Автограф — Музей, с датой: 1867. Вошло в Сб. III.

42. ИГ, 1870, 26 февраля, с. 135, с начальной строкой «За окном бушует ветер»; Сб. I, с тем же началом и датой: 1868. Печ. по Сб. II, с. 73. Автограф — Музей, с датой: 1867. Вошло в Сб. III.

43. Сб. I, с. 87, с датой: 1868. Автограф — Музей, с датой: 1867. Вошло в Сб. III.

44. Сб. I, с. 98, с датой: 1869. Автограф — ЦГАЛИ, с датой и посвящением С. В. Б—ой. Имеются рукописные варианты стихотворения, в которых вместо калины — береза: «В чистом поле береза Белая стояла. . .» (Музей, ЦГАЛИ и др.). В стихотворении использован мотив стих. Шевченко «Чого ти ходиш на могилу?. .».

45. ИГ, 1868, 25 июля, с. 56. Печ. по Сб. I, с. 93, где дата: 1868. Автограф — Музей, с той же датой. Вошло в Сб. II и Сб. III.

46. ИГ, 1868, 25 июля, с. 56. Печ. по Сб. I, с. 94, где дата: 1868. Автограф — Музей, с датой: 1868. Вошло в Сб. II и Сб. III. Положено на музыку для хора Ц. А. Кюи и для голоса М. А. Кузминым (ГПБ).

*47. ИГ, 1868, 19 сентября, с. 184, в составе 6 строф. Печ. по Сб. II, с. 75. Автограф — Музей, с датой: 1868. Вошло в Сб. I и Сб. III. Положено на музыку М. А. Кузминым.

48. Разв., 1869, № 1, с. 5.

*49. Разв., 1867, № 7, с. 101, под загл. «Песня бедняка», без строфы 1 (стихотворение начиналось прямо песней бедняка), но с дополнит. последней строфой; Сб. I, под загл. «Разгул», с датой: 1869; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 176. Автограф — Музей, с датой: 1869.

50. ИГ, 1870, 12 февраля, с. 100. Печ. по Сб. III, с. 16. Автограф — Музей, с датой: 1868. Вошло в Сб. I, с датой: 1869, и Сб. II.

51. ИГ, 1870, 23 апреля, с. 247; Сб. I, с посвящением А. Е. Р<азорено>ву и датой: 1869; Сб. II, без посвящения. Печ. по Сб. III, с. 56. Автограф — Музей, с датой: 1868.

52. ИГ, 1870, 26 марта, с. 198. Печ. по Сб. I, с. 95, где дата: 1869. Автограф — Музей, с датой: 1868. Вошло в Сб. II и Сб. III. Положено на музыку М. А. Кузминым (романс «Лесная дорога» — ГПБ).

53. ИГ, 1870, 19 февраля, с. 116. Печ. по Сб. II, с. 82. Автограф — Музей, с датой: 1868. Вошло в Сб. I, с датой: 1869, и Сб. III.

54. ИГ, 1870, 26 марта, с. 203, где строфы 1—2 являются двумя заключительными строфами стихотворения «Утро» (см. в наст.

издании стих. «Дети», № 30). Печ. по Сб. I, с. 100, где дата: 1869. Автограф — Музей, с датой: 1868. Вошло в Сб. III. Положено на музыку для хора А. Т. Гречаниновым.

55. Разв., 1869, № 39, с. 216. под загл. «Песня (Из Т. Шевченко)». Печ. по Сб. III, с. 180. Автограф — Музей, с датой: 1868. Вошло в Сб. I, с датой: 1869, и Сб. II. Переложение стихотворения Шевченко «Навгороді коло броду...». Положено на музыку П. И. Чайковским (дуэт) и Э. Ф. Направником (хор для мужских голосов).

56. ИГ, 1871, 25 февраля, с. 119. Печ. по Сб. II, с. 93. Автограф — Музей, с датой: 1869. Вошло в Сб. I, с той же датой, и Сб. III.

57. «Рассвет», с. 29, подпись: И. Новоселов. Автограф — Музей, с датой: 1869.

58. «Модный магазин», 1869, № 24, с. 385. Печ. по Сб. III, с. 146. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. II. Вольный перевод стихотворения Шевченко «І досі сниться: під горою...».

59—60. 1. ИГ, 1871, 4 февраля, с. 79, под загл. «На покосе»; Сб. II, без загл. Автограф — Музей, с датой: 1870. Вошло в Сб. I, с той же датой. 2. «Грамотей», 1871, № 2, с. 64, под загл. «Покос». Автограф — Музей, с датой: 1869. Вошло в Сб. I, с той же датой, и Сб. II. Оба стихотворения печ. по Сб. III, с. 61, где они впервые объединены в цикл. В экземпляре ПМ дата — 1870.

61. Сб. I, с. 111, с датой: 1870 и посвящением А. А. К—ву. Печ. по Сб. II, с. 97. Автограф — Музей, с той же датой.

62. ИГ, 1871, 25 февраля, с. 123, под загл. «Малороссийская мелодия». Печ. по Сб. II, с. 99. Автограф — Музей, с датой: 1870. Вошло в Сб. I, с той же датой. Положено на музыку П. И. Чайковским.

63. Сб. I, с. 101, с датой: 1871. Печ. по Сб. III, с. 183. Автограф — Музей, с датой: 1870. Вошло в Сб. II. Из всех суриковских вариаций на темы украинских народных песен это стихотворение всего ближе к первоисточнику (см. «Ой, у полі жито...» в сб. «Українські пісні, видані М. Максимовичем», Київ, 1962, с. 356).

64. ИГ, 1871, 18 февраля, с. 103.

65. ИГ, 1871, 7 октября, с. 622.

66. ИГ, 1871, 17 июня, с. 362. Печ. по Сб. III, с. 182. Вошло в Сб. II. Переложение стихотворения Шевченко «На улиці невесело...».

67. Сб. I, с. 120, с датой: 1871 (ценз. разр. на издание сборника — от 20 февраля 1871 г.). Печ. по Сб. II, с. 103. Автограф — Музей, с датой: 1871. Вошло в Сб. III.

68. Сб. I, с. 122, под загл. «Песня», с датой: 1871. Печ. по Сб. III, с. 195. Автограф — Музей, с датой: 1871. Вошло в Сб. II. *Повойник* — старинный русский крестьянский головной убор, обычно замужних женщин, в виде платка, повязанного вокруг головы.

69. «Дешевая библиотека для легкого чтения», 1871, № 2, с. 54, под загл. «В степи»; Сб. I, с посвящением Н. П. Е<лизар>ову и датой: 1871. Печ. по Сб. II, с. 117. Автографы разных вариантов — Музей, с датой: 1871. Вошло в Сб. III. Елизаров Н. П. — московский торговец, товарищ Сурикова.

70. «Рассвет», с. 128. Печ. по Сб. II, с. 115. Автограф — ПД (архив В. Р. Зотова), с датой: 1871. Вошло в Сб. III.

71. Сб. I, с. 127, с датой: 1871. Вольный перевод стихотворения Шевченко «На великдень, на соломі...».

72. «Рассвет», с. 184. Печ. по Сб. II, с. 84. Дата — по экземпляру ПМ. Автограф — на обороте письма В. Р. Зотова к Сурикову от 12 мая, б. г. (ГБЛ). Вошло в Сб. III. Переложение стихотворения Шевченко «Не вернувся із походу...».

73. «Грамотей», 1871, № 4, с. 38. Печ. по Сб. II, с. 119. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III.

74. «Рассвет», с. 104. Слово *«бедность»* в данном случае имеет собирательный смысл — то есть «беднота».

75. «Рассвет», с. 130, подпись: И. Новоселов.

76. «Рассвет», с. 197, подпись: И. Новоселов.

77. «Рассвет», с. 144, под загл. «Грамотей» (др. ред.); «Детское чтение», 1874, № 12, с. 454, под загл. «Крестьянин в беде». Печ. по Сб. II, с. 123. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III. В 1885 г. цензурными властями было предложено исключить это стихотворение из рукописи «Книги для чтения в народных школах» (ЦГИАЛ, фонд Петербургского цензурного комитета).

78. «Рассвет», с. 162. Печ. по Сб. II, с. 126. Дата — по экземпляру ПМ.

79. Сб. IV, с. 18. Посылая стихотворение в письме к И. Г. Воронину от 1872 г. вместе с «Колыбельной песнью» («В селенье избушка нова и красива...»), Суриков писал: «Ради бога прошу, не показывай эти стихотворения никому, они удержаны при делах цензурного комитета на основании 169 ст. устава о обязанностях цензуры, при строжайшем предписании министра народного просвещения» (ГБЛ). См. об этом стихотворении вступ. статью, с. 16. Возможно, что стихотворения были написаны к десятилетию отмены крепостного права.

80. «Иллюстрированная неделя», 1873, 15 июля, с. 426; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 23. Автограф — в письме Сурикова к И. Г. Воронину от 8 июня 1873 г. (ГБЛ). Посылая свое новое стихотворение, поэт сопровождает его печальными размышлениями: «Но что ты станешь делать, когда тебя душит среда, окружающее, и возникает вопрос: из-за чего ты борешься? Чего ты добьешься? Ты хочешь воздуха, ты хочешь света — кто тебе его даст?.. Не жди, напрасная надежда и бесполезная борьба!..» И далее: «Неохота мириться со средой, — это, я думаю, ты сам знаешь и сам на себе испытал; мириться с тем, кто тебя каждый день и душит, и давит, и всячески старается втоптать в грязь... Грустно, ей-богу, грустно!.. Писать? но что писать? Душа у меня по природе мягкая, я способен только плакать в стихах, но никак не упрекать людей. Бог с ними, они „не ведят бо, что творят“» (т. е. «не знают, что делают»). В экземпляре ПМ датировано 1872 г.

81. «Дело», 1874, № 1, с. 176. Печ. по Сб. III, с. 64. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. II.

* 82. «Детское чтение», 1874, № 5, с. 323, в составе 12 строф. Печ. по Сб. III, с. 86. Вошло в Сб. II. Как недавно написанное упоминается в письме Сурикова к И. Г. Воронину от 27 марта 1874 г. (Сб. IV, с. 12). *Брединник* — собирательное название: ивняк, ветёльник, тальник.

83. «Иллюстрированная неделя», 1874, 15 декабря, с. 784, под загл. «У гроба (Памяти С. А. Григорьева)». Печ. по Сб. II, с. 176. О Григорьеве см. с. 320.

84. Сб. II, с. 173. Вошло в Сб. III. Датируется по упоминанию в письме Сурикова к И. Г. Воронину от 1874 г. (Сб. IV, с. 14).

85. «Дело», 1874, № 5, с. 351. Печ. по Сб. II, с. 170. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III.

86. Сб. II, с. 189. Печ. по Сб. III, с. 41. Дата — по экземпляру ПМ. Строфа 5 была не раз повторена Суриковым отдельно от стих. «По дороге»; в частности, несколько измененный текст этой строфы он надписал на книге своих стихотворений, подаренной И. Г. Воронину (А. И. Яцимирский, И. З. Суриков в семье своих литературных преемников. — «Русская старина», 1905, № 4, с. 79). В некоторых посмертных сборниках строфа 5 печаталась в качестве самостоятельного стихотворения.

87. Сб. II, с. 197. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III.

88. «Дело», 1874, № 10, с. 133, с посвящением Н. А. Соловьеву-Несмелову. Печ. по Сб. II, с. 181. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III. Стихотворный пересказ одного эпизода из сказки Х.-К. Андерсена «Тернистый путь славы», известной Сурикову в русском переводе (сказки Андерсена широко издавались в России с середины 1860-х годов).

89. «Дело», 1874, № 12, с. 35. Печ. по Сб. II, с. 178. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III. Стихотворный пересказ русского перевода сказки Х.-К. Андерсена «С крепостного вала».

90. Сб. II, с. 165.

91. Сб. II, с. 193. В январе 1875 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет не разрешил стихотворение к изданию отдельной листовкой для народного чтения, ссылаясь на заключенное в нем «сопоставление богатого и бедного классов» (ЦГИАЛ, фонд Петербургского цензурного комитета). Стихотворение было представлено в цензуру А. М. Ермаковым (возможно, родственник жены поэта, выполнявший в данном случае поручение самого Сурикова).

92. Сб. II, с. 95. Датируется по экземпляру ПМ (год) с учетом даты цензурного разрешения Сб. II (29 января 1875 г.). Вошло в Сб. III.

93. Сб. II, с. 200. Датируется по экземпляру ПМ (год) с учетом даты цензурного разрешения Сб. II (29 января 1875 г.). Вошло в Сб. III.

94. «Дело», 1875, № 4, с. 125, под загл. «Элегия». Печ. по Сб. III, с. 33. Дата — по экземпляру ПМ (год). *Ничтожным быть* — здесь: умереть, превратиться в ничто.

***95.** «Дело», 1875, № 8, с. 111 (др. ред.). Печ. по Сб. III, с. 9. Датируется на основании письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 14 августа 1875 г.: «Нынешний день окончил новое стихотворение „Покой и труд“» («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стлб. 163).

96. «Дело», 1875, № 12, с. 142. Печ. по Сб. III, с. 28. Датируется по письму Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 30 сентября 1875 г. (Сб. IV, с. 21).

***97.** Сб. III, с. 27. Автограф — ГБЛ (др. ред.). Датируется по упоминанию в письме Сурикова к А. Н. Якоби от 28 сентября 1875 г.: «посылаю новое стихотворение „У пруда“» (Сб. IV, с. 41). *Лучше б под холстинку!* — т. е. умереть, лечь в могилу.

98. «Детский сад. 1876. Отдел для детского чтения младшего возраста», с. 3. Печ. по Сб. III, с. 82. Датируется на основании письма Сурикова к А. Н. Якоби от 10 октября (?) 1875 г., в котором поэт посылает стихотворение «На реке» — «с помарками, черновое» (Сб. IV, с. 42). В другом письме к ней же от 1875 г. Суриков сообщал: «Написал стихотворение «На реке». Это нечто похожее на мое стихотворение «В ночном». В стихотворении «У пруда» я провел перед ребенком темную сторону крестьянской жизни, но эта жизнь имеет и свои светлые поэтические картины. В моем стихотворении «На реке» я провожу светлую сторону (разумеется, для ребенка) крестьянской жизни; для этого я взял впечатлительного мальчика, с поэтическими наклонностями к фан-

тазии» (Сб. IV, с. 41). В письмах поэта от ноября 1875 г. излагаются оценки стихотворения, мнения о нем и т. п.

99. «Детский сад. 1876. Отдел для детского чтения старшего возраста», с. 236. Печ. по Сб. III, с. 93. Автограф (с разночтениями, напр., ст. 7: «Господская роща — накроет лесник» и т. д.) — в письме Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от ноября 1875 г. (ГБЛ).

100. «Дело», 1875, № 7, с. 104. Печ. по Сб. III, с. 38. Дата — по экземпляру ПМ (год). Автограф другого варианта («В телеге грязною, изрытою дорогой. . .») — ГБЛ.

101. «Дело», 1875, № 7, с. 181, под загл. «Моя песня», с посвящением И. Г. Воронину. Печ. по Сб. III, с. 17.. Дата — по экземпляру ПМ. Иван Григорьевич Воронин (ок. 1840—1883) — саратовский «писатель-самоучка», родом из крестьян. Начало знакомства его с Суриковым относится, вероятно, ко времени выхода из печати сб. «Рассвет».

102. «Всемирная иллюстрация», 1875, 10 мая, с. 375. В письме к С. Я. Дерунову от 14 августа 1875 г. Суриков сообщает о том, что после издания Сб. II им написаны следующие стихотворения: «Два образа», «В лесу», «Одиночество», «На мосту» и др. («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стлб. 163). О *Козыреве* см. с. 344.

103. «Дело», 1875, № 7, с. 288. О датировке см. примеч. № 102. Стихотворение, очевидно, отражает конкретное жизненное обстоятельство: душевное участие и помощь, оказанные в свое время А. Н. *Плещеевым* начинающему поэту (см. биограф. справку о Сурикове, с. 58). Плещеев всегда со вниманием и сочувствием относился к творчеству Сурикова. Он является, например, автором одобрительной рецензии на Сб. III, опубликованной в «Биржевых ведомостях» (1877, 5 октября) и подписанной буквой «П». Авторство Плещеева устанавливается на основании письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 6 октября 1877 г. (ГБЛ).

104. «Дело», 1875, № 9, с. 221. Печ. по Сб. III, с. 73. О датировке см. примеч. № 102. Стихотворение вызвано воспоминаниями о скитаниях бездомного и нищего Сурикова в 1865 г., когда на Каменном мосту его посетила мысль о самоубийстве (см. письмо Сурикова к К. Т. Солдатенкову от 3 сентября 1878 г. — Сб. IV, с. 50).

105. «Всемирная иллюстрация», 1875, 18 октября, с. 302. Печ. по Сб. III, с. 36. О датировке см. примеч. № 102.

106. «Ремесленная газета», 1875, 27 сентября, с. 401. Печ. по Сб. III, с. 144. Дата — по экземпляру ПМ.

107. «Отечественные записки», 1875, № 12, с. 434. Печ. по Сб. III, с. 69. Дата — по экземпляру ПМ. Об этом стихотворении см. вступ. статью, с. 25.

108. «Дело», 1875, № 9, с. 181. Автограф двух последних строк — ПМ, с датой. Посвящено жене поэта Марии Николаевне (см. биограф. справку о Сурикове, с. 58).

*109—110. Печ. по Сб. III, с. 13, где впервые объединены в цикл. 1. «Дело», 1874, № 11, с. 203, под загл. «Песни». Вошло в Сб. II. В 1875 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет не разрешил к напечатанию отдельной листовкой для народа стихотворение «Песня» («Мы родились для страданий...»), так как оно «не лишено тенденциозности» (ЦГИАЛ, фонд Петербургского цензурного комитета). *2. «Библиотека дешевая и общедоступная», 1875, № 9, с. 11, в составе 12 строф (др. ред.). Автограф журнального варианта стихотворения — в письме Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 30 сентября 1875 г. (ГБЛ). О причинах его написания поэт рассказывал в письме к А. Н. Якоби от 17 ноября 1875 г.: «В сентябрьской книге (на днях только вышедшей) «Общедоступной библиотеки» напечатано мое стихотворение «Наши песни»... Подобные стихотворения я писать не очень люблю, но меня озлобила одна фельетонная заметка «Голоса» о скорбных поэтах «Дела» — я в ответ на эту заметку и написал это стихотворение» (ГБЛ). Суриков имеет в виду фельетон «Очерки литературы» («Голос», 1875, 31 июля), подписанный X Y Z (псевдоним В. В. Чуйко). В журнальном тексте стихотворения заключался, в частности, явный намек на поэзию Фета: строки: «Сам не знает он, что будет петь, но песня созревает» — перекликаются с концовкой стихотворения Фета «Я пришел к тебе с приветом...».

111. «Дело», 1876, № 1, с. 47. Вошло в Сб. III. Суриков ссылается на это стихотворение, отмечая его автобиографичность, в письме к А. Н. Якоби от 17 ноября 1875 г. (Сб. IV, с. 42).

112. «Дело», 1876, № 7, с. 113, под загл. «В лесу». Печ. по Сб. III, с. 52. Дата — по экземпляру ПМ.

113. «Дело», 1876, № 4, с. 182. Печ. по Сб. III, с. 70. Датируется на основании письма Сурикова от 6 декабря 1875 г. (Сб. IV, с. 43), где поэт объяснял А. Н. Якоби, задумавшей издание нового литературного сборника: «Вы как-то писали мне: «Не напишете ли вы еще какое-нибудь стихотворение? Этот сборник предназначается для юношей. Скажите им о том горе и страданиях, которые испытывают умственные труженики». Вот ваши слова. Посылаю Вам стихотворение «Труженик», — это стихотворение могло бы, мне кажется, быть удобным для Вашего сборника «Мысль и труд», потому что в основу его положена мною та же самая идея — «Мысль и труд»... Но сборник сдан вами уже в цензуру, поэтому если вы найдете это стихотворение удобным, то можете его оставить для будущего вашего сборника». Однако задуманная А. Н. Якоби книга не получила цензурного разрешения, а стихотворение Сурикова было передано ею, по его просьбе, для журнала «Дело».

114. «Будильник», 1876, № 12, с. 3, подпись: И. Келлер.

115. «Будильник», 1876, № 15, с. 3, подпись: И. Келлер.

116. «Будильник», 1876, № 17, с. 5. Подпись: И. Келлер.

117. «Будильник», 1876, № 34, с. 3. Автограф — ПМ.

118. «Будильник», 1876, № 19, с. 5, с начальной строкой: «Темь и мрак. . . закрыты ставни. . .», подпись: И. Келлер. Печ. по Сб. III, с. 54. Дата — по экземпляру ПМ.

119. «Дело», 1876, № 6, с. 88, с подзаголовком «Песня». Печ. по Сб. III, с. 198. Дата — по экземпляру ПМ.

120. «Дело», 1876, № 6, с. 133, под загл. «Песня о цветах». Печ. по Сб. III, с. 111. Дата — по экземпляру ПМ.

121. «Дело», 1876, № 9, с. 66, под загл. «Осенняя элегия». Печ. по Сб. III, с. 39. Дата — по экземпляру ПМ.

122. «Дело», 1876, № 11, с. 143, под загл. «Песня (Из народных мотивов)». Печ. по Сб. III, с. 200. Дата — по экземпляру ПМ.

123. «Дело», 1877, № 1, с. 140, под загл. «В деревне», с посвящением Г. Г. Урусову. Печ. по Сб. III, с. 35. Дата — по экземпляру ПМ. Урусов Г. Г. — московский торговец-булочник, товарищ Сурикова с начала 1870-х годов, «писатель-самоучка», выступавший в печати со статьями об искусстве.

124. «Будильник», 1877, № 16, с. 6. Печ. по Сб. III, с. 186. Дата — по экземпляру ПМ.

125. «Будильник», 1877, № 17, с. 5. Печ. по Сб. III, с. 129. Дата — по экземпляру ПМ.

126. «Будильник», 1877, № 20, с. 3. Печ. по Сб. III, с. 37. Дата — по экземпляру ПМ.

127. «Будильник», 1877, № 5, с. 3, подпись: «С. И. В—ъ». Н. А. Соловьев-Несмелов, включив это стихотворение в Сб. IV, раскрыл псевдоним Сурикова.

128. «Будильник», 1877, № 18, с. 5. Печ. по Сб. III, с. 18. Дата — по экземпляру ПМ.

129. «Свет», 1877, № 9, с. 193. Автограф — ПМ, с датой: 1877.

130. «Свет», 1877, № 10, с. 217. Судя по письму Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 3 сентября 1877 г., написано ранее этого месяца (ГБЛ). Автограф — ПМ, с датой: 1877.

131. Сб. IV, с. 131. Автограф — ПМ, с датой: 1877.

132. «Будильник», 1878, № 13, с. 184, с посвящением Д. А. Славянскому. Печ. по автографу ПМ (с датой). Другой автограф — ЦГАЛИ. Славянский Дмитрий Александрович (род. 1836) — исполнитель русских народных песен, особенно популярный в 1860—1880-е годы.

133. «Будильник», 1878, № 22, с. 307. Автографы — ЦГАЛИ и ПМ, с датой: 1877. Обработка некоторых украинских песенных мотивов (ср., например, с песней «Ой, у полі при дорозі. . .» в сб. «Українські народні лиричні пісні», Київ, 1960, с. 202).

134. «Будильник», 1878, № 29, с. 407. Автограф — ПМ, с датой: 1877.

135. «Литературный Ярославль», кн. 8, Ярославль, 1956, с. 223, под загл. «Нищая братья». Источник публикации — список стихотворения, хранящийся в цензурном деле в ЦГИАЛ. При жизни автора стихотворение трижды запрещалось цензурой. В августе 1877 г. было «не дозволено» для журнала «Дело» стихотворение «Жалобы бедняков (Из Роберта Соути)», поскольку в нем рисуется бедственное положение народа, содержится противопоставление бедных и богатых, наконец, бедность понимается «как причина нравственного падения». В ноябре того же года редакция «Дела» снова представила в цензуру стихотворение Сурикова, на этот раз уже переименованное в «Нищую братью». Цензура снова его «не дозволила» (ЦГИАЛ, фонд Петербургского цензурного комитета). 12 октября 1878 г. Суриков сообщал Н. А. Соловьеву-Несмелову: «Ясинский мне писал, что октябрьскую книгу <журнала «Слово»> сожгли за статью Жуковского и за мое стихотворение «Жалобы бедняков», за социальные их мысли» (ГБЛ). В письмах поэта указывалось, что перевод его сделан с «прозаического» (например, в письме к С. А. Юрьеву от 18 декабря 1879 г. — ЦГАЛИ); возможно, что образцом для него послужил в данном случае перевод того же стихотворения Р. Соути «The Complaints of the Poor», сделанный А. Н. Плещеевым и под тем же загл. «Жалобы бедняков» опубликованный в 1871 г. в журнале «Беседа».

136. «Свет», 1878, № 5, с. 155. Автограф — ЦГАЛИ.

*137. «Дело», 1878, № 5, с. 180. Печ. по автографу ПМ. Первоначальное окончание стихотворения не нравилось автору своей «безотрадностью». Суриков хотел заменить его, но не успел; книжка журнала была уже отпечатана. Впрочем, поэт не был уверен и в тех заключительных строфах, которые он предлагал в письме к Н. А. Соловьеву-Несмелову взамен первоначального окончания стихотворения. «Лучше, мне сдается, совсем последнее четверостишие смахнуть в сторону», — писал он (Сб. IV, с. 31). В соответствии с авторской волей, отраженной также в автографе ПМ, стихотворение, начиная со Сб. IV, так и печатается — без последнего четверостишия. Другие автографы — ЦГАЛИ, ГБЛ (в письме Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 10 мая 1878 г.).

138. «Дело», 1878, № 9, с. 167, под загл. «В степи». Печ. по автографу ПМ. Другой автограф — ГБЛ. Датируется на основании письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 5 июня 1878 г. (Сб. IV, с. 33).

139. «Вестник Европы», 1878, № 12, с. 723. Датируется на основании письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 11 июня 1878 г. (Сб. IV, с. 33).

140. «Дело», 1878, № 8, с. 114, с еще одной строфой между 3 и 4. Печ. по автографу ПМ, с пометой «д<еревня> Хомяковка, 1878». Другой автограф — на втором листе письма И. И. Ясинского к Сурикову, без даты (ГБЛ). Датируется на основании письма Сурикова к М. А. Козыреву от 27 июня 1878 г. (копия — ЦГАЛИ). Посылая стихотворение И. И. Барышеву 10 июля 1878 г., поэт между прочим писал: «Начало этого стихотворения я, пожалуй, переделаю, т. е. несколько вступительных строф к этому стихотворению припишу, и оно будет тогда называться «Умирающий поэт», а конец его вот:

Ты прости же, моя песня!
    Петь нет больше мочи...
Засыпай, больное сердце!
    Закрывайтесь, очи! ..

Тогда это стихотворение будет объективное» (ГБЛ). *Барышев* Иван Ильич (1854—1911) — близкий друг Сурикова в последние годы его жизни, управляющий конторой издательства К. Т. Солдатенкова в 70-е годы. С конца 70-х годов Барышев выступает в печати как беллетрист, автор юмористических произведений разных жанров, сотрудник «Будильника» и «Стрекозы» (псевдоним: «Мясницкий»).

141. «Будильник», 1878, № 28, с. 393. Печ. по автографу ПМ, где помета: «1878. Хомяковка». Датируется на основании письма Сурикова к И. И. Барышеву от 7 июля 1878 г. (Сб. IV, с. 64).

142. «Нева», 1880, 4 мая, с. 1, под загл. «Другу» (посмертная публикация). Печ. с раскрытием адресата по автографам. Автографы — ПМ, с датой: 1878; ЦГАЛИ — на обороте фотографии Сурикова, с посвящением: «Ване Ильичу Барышеву» и точной датой. *Барышев* — см. примеч. № 140.

143. «Будильник», 1879, № 2, с. 21. Печ. по автографу ПМ, где помета: «Хомяковка, 1878».

144. «Будильник», 1878, № 45, с. 637. Печ. по автографу ПМ, где помета: «1878, д<еревня> Хомяковка».

145. «Будильник», 1878, № 25, с. 350, под загл. «В дороге». Печ. по автографу ПМ, с пометой: «1878. С<ело> Кунах-Байск».

146. «Будильник», 1878, № 41, с. 573. Автограф — ПМ, с датой: 1878. Обработка украинской песни «Шли коровы из дубровы...»

(«Українські пісні, видані М. Максимовичем», Київ, 1962, с. 107). Суриков по сути дела использовал только отдельные выражения да повторил ситуацию прощания.

147. Сб. IV, с. 107. Автограф — ПМ, с датой: 1878.

148. Сб. IV, с. 109. Автограф — ПМ, с датой: 1878.

149. «Воспитание и обучение», 1879, № 7—8, «Отдел для детского чтения. Для детей младшего возраста», с. 97, под загл. «Ласточка (Степная картинка)». Автограф — ПМ, без загл., с пометой: «д<еревня> Хомяковка, 1878».

150. «Будильник», 1879, № 5, с. 63. Обработка нескольких украинских песенных мотивов.

151. «Будильник», 1879, № 26, с. 372. Печ. по автографу ПМ, где дата: 1879. Датируется на основании письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 21 июня 1879 г. (Сб. IV, с. 38).

152. «Дело», 1879, № 7, с. 162, с посвящением А. Н. Якоби. Печ. по автографу ПМ, где дата: 1879. Датируется на основании письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 21 июня 1879 г. (Сб. IV, с. 38). Якоби (в последующих замужествах — Тюфяева и Пешкова, литературный псевдоним — Толиверова) Александра Николаевна (1842—1918) — заметная фигура в русской жизни последней трети прошлого века. В 1867 г. она была сестрой милосердия у гарибальдийцев, писала в Россию корреспонденции из гарибальдийского лагеря. Позднее выступала как писатель, а также издатель и редактор. Постоянно с большим вниманием относилась к Сурикову и его поэтической работе (знакомство их началось, очевидно, в 1869—1870 гг.).

153. «Дело», 1879, № 8, с. 243. Печ. по автографу ПМ, где дата: 1879. Датируется на основании письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 21 июня 1879 г. (Сб. IV, с. 38).

154. Сб. IV, с. 73, в тексте письма Сурикова к И. И. Барышеву от 5 ноября 1879 г. Печ. по автографу ПМ (с пометой: «1879. Южный берег Крыма»). Автограф письма — ГБЛ. О *Барышеве* — см. прим. № 140.

155. «Вестник Европы», 1879, № 9, с. 267. Печ. по автографу ПМ, где дата: 1879. В письме к И. И. Барышеву от 5 июня 1879 г. Суриков рассказывал о том, что он начал писать стихотворение «Маруся», «да на одиннадцатом куплете и сорвался, сорвался по нездоровью». Далее поэт излагал содержание начатого произведения. Из пересказа ясно, что речь идет о стихотворении, впоследствии названном «В Украйне». Суриков хотел поначалу включить в него песнь кобзаря «про Марусю, про ее несчастную судьбу-недолю» (ГБЛ). Таким образом, замысел поэта так и не получил полного осуществления.

156. «Воспитание и обучение», 1880, «Отдел для детского чтения» к № 2, с. 35. Печ. по автографу ПМ, где дата: 1879. Автограф — ЦГАЛИ, с той же датой. В письме Сурикова к С. Я. Дерунову от 9 февраля 1880 г. указано, что «Дед Клим» написан по возвращении из Крыма, но не сразу, то есть, очевидно, не раньше поздней осени 1879 г. («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стлб. 165). *Застреха* — нижний край кровли, навес.

157. Сб. IV, с. 169. Автограф — ПМ, с датой: 1879. *«Они не ведят, что творят!»* По евангельской легенде, эти слова произнес осужденный на распятие Христос; ведят — знают.

158. «Русская старина», 1905, № 4, с. 81, в статье А. И Яцимирского «И. З. Суриков в семье своих литературных преемников». Автор статьи считает, что стихотворение написано в последний год жизни Сурикова. Там же приводится недатированное письмо поэта к И. Д. Родионову, в котором содержится текст стихотворения и объяснены причины его создания: «Меня обвиняют в том, будто я пишу бедными рифмами и заезженными размерами... Когда я в тысячный раз услыхал как-то мнение о моих стихотворных недостатках, то сейчас же присел к столу и набросал следующее стихотворение, которое должно служить для тебя, мой милый друг, заветом на всю жизнь. Прочти его получше и всмотрись, какие разнообразные здесь размеры. Итак, Ваня, слушай!» Автограф письма — ГБЛ.

159. «Будильник», 1880, № 18, с. 475, вслед за некрологом Сурикова. Первая редакция этого стихотворения была создана автором еще в конце 1878 г. (см. автограф ее в письме к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 25 декабря 1878 г. — ГБЛ), в ней отсутствуют строфы 3, 7 и 9, есть и другие различия. Окончательная редакция датирована на основании письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 9 февраля 1880 г. («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стлб. 165). Неизвестный нам текст стихотворения «В тихом сумраке лампада...» не был разрешен цензурой к напечатанию в журнале «Дело» в январе 1879 г. В цензурном заключении отмечалось: «Принимая в соображение общее направление журнала «Дело», цензор видит в этих заключенных за тюремной стеной политических преступников» (ЦГИАЛ, фонд Петербургского цензурного комитета).

160. «Воспитание и обучение», 1880, «Отдел для детского чтения» к № 6—7, с. 129, вслед за некрологом Сурикова, в котором, между прочим, говорится: «В этом номере мы даем последнее стихотворение его, присланное нам поэтом». Печ. по автографу ПМ, где дата: 1880. Датируется на основании письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 9 февраля 1880 г. («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стлб. 165).

161. «Будильник», 1881, № 32, с. 499, подпись: Крестьянин-самоучка И. С. Авторство Сурикова раскрыл И. Ф. Масанов в «Словаре псевдонимов» (т. 1, М., 1956, с. 414).

162. Сб. I, с. 10, с датой: 1863; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 254. Автограф — Музей, с датой: 1862.

***163.** «Рассвет», с. 210, в оглавлении к сб. имеется подзаголовок «Былина»; Сб. II. Печ. по Сб. III, с. 251. Дата — по экземпляру ПМ.

164. «Садко в Новегороде» — «Рассвет», с. 1, под загл. «Две песни о Садке (богатом госте новгородском)»; в оглавлении к сб. имеется подзаголовок: «Былина». «Садко у морского царя» — «Вестник Европы», 1873, № 8, с. 510, в конце — помета: «Москва». Печ. по Сб. III, с. 207, где две «былины» впервые объединены. Даты — по экземпляру ПМ. Обе части стихотворения вошли в Сб. II. Переложение известного русского былинного сюжета о Садко.

165. Сб. II, с. 148, с подзаголовком: «Быль старых лет». Печ. по Сб. III, с. 282. Дата — по экземпляру ПМ. Переложение былины «Про гостя Терентища» из «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» — см. «Народно-поэтическая сатира», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1960, с. 90.

166. «Вестник Европы», 1875, № 3, с. 150, под загл. «По берегу моря (Легенда)». Печ. по Сб. II, с. 261. Дата — по экземпляру ПМ. Вошло в Сб. III. *Канут Великий* в начале XI в. был королем Дании, Англии и Норвегии (после его смерти это большое государство распалось), он энергично насаждал в Дании христианство.

***167.** «Будильник», 1877, № 37, с. 5. Печ. по Сб. III, с. 271. Дата — по письму Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 30 сентября 1875 г., где «В остроге» названо в числе «новых стихотворений, только что испеченных» (Сб. IV, с. 21). Было запрещено цензурой к напечатанию в журнале «Дело»: впервые — в октябре 1875 г., вторично — в январе 1877 г., когда редакция «Дела» попыталась провести в печать одну «Песню беглого» (так названа была «Песня»); однако и песня не прошла цензурные препоны, ее отклонили, так как в ней «бедностью оправдывается воровство и грабеж». Третий раз стихотворение «В остроге» было представлено редакцией «Дела» в цензуру в июне 1877 г. и снова запрещено (ЦГИАЛ, фонд Петербургского цензурного комитета). В цензурном деле сохранились корректурные гранки «Песни беглого», содержащей десять строф в несколько ином порядке, чем в дальнейших публикациях, с одной дополнительной строфой, не вошедшей в печ. текст.

168. «Вестник Европы», 1875, № 11, с. 35, с подзаголовком: «Былина». Печ. по сб. III, с. 221. В августе 1875 г. Суриков уже писал «Богатырскую жену» — см. его письмо к С. Я. Дерунову от 14 августа 1875 г. («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стлб. 163).

Переложение известного русского былинного сюжета о Василисе Микуличне.

169. «Газета А. Гатцука», 1877, 4 сентября, с. 686; 11 сентября, с. 706; 18 сентября, с. 726; 1 октября, с. 770; 8 октября, с. 791; с подзаголовком: «Историческая поэма, читанная в публичном заседании Общества любителей российской словесности 5 декабря 1876 г.». Печ. по Сб. III, с. 289. Дата окончания работы — по экземпляру ПМ. Автограф первых 12 строф — ГБЛ. Суриков писал поэму в основном с сентября по начало декабря 1875 г. Работая над ней, он читал летописи, различные произведения древнерусской литературы (см. в Сб. IV письма к Н. А. Соловьеву-Несмелову от ноября 1875 г., к А. Н. Якоби от 19 сентября и 4 декабря 1875 г.). *Василько* Ростиславич (ум. 1124) — князь Теребовльский, правнук Ярослава Мудрого; история его ослепления изложена Суриковым в соответствии с летописными сказаниями. *Володарь* (ум. 1124 г.) — князь Перемышльский, брат Василька. *Отрок* — здесь: один из рядовых воинов, член «молодшей дружины», в отличие от «старшей дружины», в которую входили «бояре», «мужи». *Посад* — поселение торговцев, ремесленников около или вокруг городских стен. *Феодосьев монастырь* — в Киеве. *На съезде в Любече,* состоявшемся в 1097 г., была предпринята попытка примирить враждующих удельных князей. *Святополк* (ум. 1113) — князь Киевский, один из внуков Ярослава Мудрого, участник съезда в Любече. *Мономах* — Владимир Всеволодович (1053—1125), князь, также один из внуков Ярослава Мудрого. *Правнук Ярослава,* то есть Ярослава Мудрого, князя Киевского (978—1054). *Давыд* — Давыд Игоревич (1059—1112), сын Игоря Ярославича, князя Владимир-Волынского; по приказу Давыда в 1097 г. был ослеплен Василько. *Князь-изгой.* Изгой — в древней Руси — человек, оказавшийся по той или иной причине вне существующих общественных группировок. *Забрало* — здесь: верхняя часть крепостной стены. *Кормилич* — воспитатель князя. *Паполома* — покрывало, здесь речь идет о смерти, гибели. *Как древле царь Давид.* Имеется в виду библейский персонаж. *Крестное целованье* — присяга, клятва, сопровождаемая целованием креста. *Детские* — отроки, «молодшая дружина». *Смерды* — здесь: крестьяне. *Торчин* — упоминаемый в летописи слуга князя Давыда. *Яловец* — лоскут, вставлявшийся в трубку на верхушке шлема. *Олег* Святославич (ум. 1115) — князь Черниговский, брат Давыда и Ярослава Святославичей, участник съезда в Любече; вместе с другими князьями требовал ответа за ослепление Василька. *Всеволожская вдова* — вдова Всеволода Ярославича, сына Ярослава Мудрого, отца Владимира Мономаха. *Красный звон* — звон во все колокола, кроме большого. *Кмети* — витязи, воины.

***170.** Сб. III, с. 247. В ЦГИАЛ хранится листок корректурных гранок журнала «Дело», содержащий разночтения. В январе 1877 г. стихотворение не было разрешено к напечатанию в журнале «Дело», поскольку произведение, «с таким сочувствием относящееся к известному мятежнику и государственному преступнику, неудобно совершенно к позволению». Особое внимание цензора

обратили на себя 11-я и 12-я строфы стихотворения по нынешнему счету (ЦГИАЛ, фонд Петербургского цензурного комитета). Цензурная история стихотворения о Разине на этом не закончилась. Так, например, в августе 1901 г. было начато специальное дело по поводу «недозволенной брошюры Сурикова „Стенька Разин (Песня). Изд. В. Максимова“» (там же). С конца 70-х годов, то есть со времени его первой публикации, стихотворение приобрело большую популярность. В некрологе о Сурикове в газете «Новое время» (1880, 27 апреля) особо отмечалось: «В числе его поэтических произведений, относящихся к последнему периоду, встречаются вещи поистине прекрасные, как, например, баллада «Стенька Разин», в которой есть стихи, достойные первоклассного дарования». Стихотворение вошло в народный песенный репертуар. Песня «Словно море в час прибоя...» состоит обычно из 13 строф: исключены строфы 9—19, последняя строфа повторяет текст первой (см. РНП, с. 418).

171. «Воспитание и обучение», 1877, «Отдел для детского чтения младшего возраста», т. 2, с. 79. Печ. по Сб. III, с. 95. Датируется на основании письма Сурикова к А. Н. Якоби от 27 апреля 1877 г., где говорится о том, что «Клад» написан «на этих днях» (Сб. IV, с. 46).

II

ПОЭТЫ «РАССВЕТА»

А. БАКУЛИН

172—173. «Рассвет», с. 107, 157.

174. Печ. по автографу ПД, архив А. Я. Бакулина. В угловых скобках дано предположительное чтение неясно написанного слова.

С. ГРИГОРЬЕВ

***175.** ИГ, 1871, 8 июля (др. ред.), с. 407. Печ. по сб. «Стихотворения», М., 1872 (ценз. разр. от 6 ноября 1871 г.), с. 39.

176. «Стихотворения», М., 1872, с. 13.

177. «Стихотворения», М., 1872, с. 18. *Владимирка* — народное название этапного пути арестованных, пересылаемых через Москву в Сибирь и другие местности (существует с XVI в.).

178—182. «Рассвет», с. 28, 199, 218, 227, 248.

С. ДЕРУНОВ

183. Печ. по автографу ПД (архив В. Р. Зотова). В архивах (ПД, Центральный гос. архив г. Москвы) встречаются также автографы под загл. «Рассказ кумушки». Дата — по экземпляру сбор-

ника стихотворений Дерунова, представленного в Московскую цензуру и не дозволенного к печати (Центральный гос. архив г. Москвы). *Окошко откугалось* — открылось отверстие, заткнутое тряпьем.

184—188. «Рассвет», с. 6, 81, 140, 160, 182.

Д. ЖАРОВ

189. «Стихотворения крестьянина Д. Жарова», М., 1869, с. 21 (ценз. разр. от 2 декабря 1868 г.). Второе стихотворение из цикла «Кое-что».

190. «Воскресный досуг», 1870, 22 ноября, с. 336.

191—193. «Рассвет», с. 31, 142, 215.

М. КОЗЫРЕВ

194—196. «Рассвет», с. 8, 84, 247.

197. «Рассвет», с. 161. Переложение стихотворения Шевченко «Не тополю високую. . .».

Е. НАЗАРОВ

198. «Рассвет», с. 181, в составе двух первых строф, без загл. Печ. по кн. «Собрание стихотворений Е. И. Назарова», М., 1888, с. 61 (ценз. разр. от 10 октября 1887 г.).

199. «Собрание стихотворений Е. И. Назарова», М., 1888, с. 24.

А. РАЗОРЕНОВ

200. «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 14, под загл. «Песня» и с примеч.: «Несмотря на то, что это стихотворение написано автором еще в пятидесятых годах, оно не было напечатано ни в одном периодическом издании». Впервые об авторстве Разоренова в печати было заявлено в 1867 г. в статье «Поэт-лавочник» в газете «Народный голос» (2 июня, с. 460). О том, как и зачем была написана эта «песня», вошедшая в широкий песенный обиход, существуют различные рассказы. Так, А. Коринфский в статье, посвященной памяти Разоренова, писал: «Песня «Не брани меня, родная. . .», сочиненная им во времена своего актерства в Казани, была поднесена и посвящена им супруге казанского губернатора г-же Баратынской вместе с нотами, написанными одним товарищем Разоренова по сцене. . .» («Саратовский листок», 1891, 30 января). Другой рассказ, но также отнесенный ко времени «актерства в Казани», см.: И. А. Белоусов, Литературная Москва, М., 1926, с. 14—15.

201. «Рассвет», с. 105.

202. «Родные звуки», вып. 1, М., 1889, с. 21.

203. «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 17. Возможно, что это стихотворение является обращением к Сурикову; во всяком случае, оно явно перекликается с его стихотворением «От деревьев тени...» (см. в настоящем издании, № 47).

Н. РОДИОНОВ

204. «Рассвет», с. 64.

205. «Рассвет», с. 85. Об этом стихотворении см. вступ. статью, с. 42.

206—210. «Рассвет», с. 123, 213, 228, 244, 246.

211. ИГ, 1873, 15 марта, с. 167. См. вступ. статью, с. 42.

212. «Будильник», 1876, № 33, с. 3. Вошло в народно-песенный репертуар.

213. «Рассвет», с. 141. Вольный перевод стихотворения Шевченко «Як маю я журитися...».

214. «Рассвет», с. 194. Вольный перевод стихотворения Шевченко «Ой умер старий батько...».

И. ТАРУСИН

215. Печ. по автографу ГПБ (собрание П. Л. Вакселя).

216. «Рассвет», с. 225.

III

М. ЛЕОНОВ, С. ДРОЖЖИН

М. ЛЕОНОВ

217. «Первые звуки. Стихотворения Максима Леонова», М., 1889, с. 65, с подзаголовком: «Из деревенской жизни»; «Стихотворения», М., 1898, с пометой в конце: «Д. Полухино, Калужской губ.». Печ. по сб. «Стихотворения и рассказы. Издание третье, дополненное», М., 1905, с. 21.

218. «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 32, под загл. «Песня»; «Стихотворения», М., 1898, с посвящением Д. А. Ушканову. Печ. по сб. «Стихотворения и рассказы», М., 1905, с. 157.

219. «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 49. Вошло в сб. «Стихотворения», М., 1898, и «Стихотворения и рассказы», М., 1905.

220. «Стихотворения», М., 1898, с. 93. Вошло в сб. «Стихотворения и рассказы», М., 1905.

221. «Стихотворения», М., 1898, с. 74.

222. «Стихотворения», М., 1898, с. 24. Печ. по сб. «Стихотворения и рассказы», М., 1905, с. 70.

223—224. «Под красным знаменем. Сборник свободных песен», вып. 1, М., 1906, с. 9, 13.

С. ДРОЖЖИН

225. Изд. 1901, с. 99.

226. Изд. 1889, с. 89. Печ. по изд. 1907, с. 119.

227. Изд. 1901, с. 100. Написано по мотивам стихотворения английского поэта Томаса Гуда (1799—1845) «The lay of the labourer», известного Дрожжину в русском переводе.

228. «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 44; изд. 1901. Печ. по изд. 1907, с. 121.

229. Изд. 1889, с. 93; изд. 1907. Печ. по сб.: С. Д. Дрожжин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1949, с. 14.

230. Изд. 1889, с. 95. Печ. по изд. 1907, с. 139. *Целовальник* — кабатчик.

231. Изд. 1901, с. 104. Стало популярной народной песней.

232. Изд. 1907, с. 174.

233. Изд. 1901, с. 114. Печ. по изд. 1907, с. 206. По содержанию и языку «Сельская идиллия» всего ближе к стихотворению А. В. Кольцова «Пора любви».

234. Изд. 1907, с. 186.

235. Изд. 1901, с. 116. Печ. по «Путям», с. 91.

236. Изд. 1907, с. 189. В статье «Юбилей поэта-крестьянина» («Полтавский день», 1913, 15 декабря) В. Г. Короленко, давая положительную оценку поэтического творчества Дрожжина, цитирует первые восемь строк «Песни из далекого края», отмечая, что «в этих простых словах. . . слышно живое чувство настоящей любви к этой бедной деревне, то чувство, которое поэт подтвердил всею своей жизнью» (авторство Короленко установлено Е. З. Балабановичем).

237—238. «Слово», 1878, № 4, с. 94. Печ. по изд. 1889, с. 119. В 1874—1875 гг. Дрожжин работал на табачной фабрике в Ташкенте, впечатления этой поры отразились в стихотворении,

239. «Некрасовский сборник», т. 3, М.—Л., 1960, с. 318.

240. Изд. 1889, с. 125. Печ. по сб.: Л. Н. Трефолев, И. З. Суриков, С. Д. Дрожжин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), М.—Л., 1963, с. 400. *Верещагин* Николай Васильевич вел в середине 1870-х годов школу молочного хозяйства в селе близ Низовки; Дрожжин учился у него.

241. Изд. 1907, с. 216.

242. Изд. 1889, с. 134.

243. Изд. 1889, с. 138. Печ. по сб.: Л. Н. Трефолев, И. З. Суриков, С. Д. Дрожжин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), М.—Л., 1963, с. 406.

244. НС, с. 118.

245. НС, с. 121.

246. «Свет», 1878, № 5, с. 155; «Родные звуки», вып. 2, М., 1891; изд. 1889, с посвящением «А. Н. Т<оливеров>ой»; изд. 1907, с посвящением А. Н. Пешковой. Печ. по «Песням», с. 51. О Толиверовой-Пешковой см. примеч. № 152.

247. Изд. 1901, с. 120. *Дрожжина* Мария Алексеевна, урожденная Чуркина (1855—1920), — жена С. Д. Дрожжина, крестьянка по происхождению.

248. Изд. 1889, с. 159. Печ. по сб. «Памяти Дрожжина. К двадцатилетию со дня смерти поэта», Калинин, 1951, с. 92.

249. Изд. 1889, с. 163, без посвящения. Печ. по изд. 1907, с. 262. *Бердяев* С. А. — поэт-суриковец.

250. Изд. 1889, с. 165. Печ. по изд. 1907, с. 271.

251. Изд. 1889, с. 167. Заочное знакомство Дрожжина и Сурикова состоялось через друга обоих поэтов Н. А. Соловьева-Несмелова. Начавшаяся вскоре переписка Дрожжина и Сурикова оборвалась смертью последнего. Под загл. «24 апреля 1880» в изд. 1889 помещено также другое, посвященное памяти Сурикова, стихотворение, «Весной ты умер, бедный друг. . .».

252. Изд. 1901, с. 128. Печ. по изд. 1907, с. 280. Начало поэмы стало популярной песней (см. народный вариант «Быстро тучи проносилися. . .», записанный в 1946 г. в Тульской области, в РНП, с. 431); оно положено на музыку под загл. «У колодца» композитором А. Чернявским.

*253. Изд. 1907, с. 292, четыре строфы. Печ. по сб.: С. Д. Дрожжин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1949, с. 68. Н. А Некрасов принадлежал к числу любимейших поэтов Дрожжина. О том, как он был потрясен смертью Некрасова, свидетельствуют его

«Записки о жизни и поэзии» (запись от 29 декабря 1877 г.), в которых Дрожжин рассказал о своем посещении квартиры умершего Некрасова и прощании с ним (см. изд. 1907, с. 62—63). За короткий промежуток времени (последние дни декабря 1877 — январь 1878 гг.) Дрожжин написал пять стихотворений, посвященных памяти Некрасова, которые он объединил общим загл. «На смерть Н. А. Некрасова». После 1878 г. он написал еще несколько стихотворений, посвященных памяти Некрасова, в том числе и данное стихотворение.

254. Изд. 1889, с. 190. Печ. по изд. 1907, с. 312.

255. Изд. 1889, с. 223. Печ. по изд. 1907, с. 356.

***256.** Изд. 1889, с. 278; изд. 1907. Печ. по сб.: С. Д. Дрожжин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1949, с. 90. *Кошница* — вид корзины, иногда — плетеная корзина с расширяющимся верхом.

257—259. Первое и второе — НС, с. 131. Третье — изд. 1889, с. 280. Печ. по изд. 1907, с. 427, где впервые три стихотворения объединены в цикл и переработаны (особенно 3-е).

260. Изд. 1889, с. 282. Написано по мотивам стихотворения Шевченко «Думи мої, думи мої. . .». Дрожжину принадлежат также переводы произведений украинского поэта (см., например, в книге «Песни Тараса Шевченко», 1911, с. 14, 15, 21).

261. Изд. 1901, с. 146. Печ. по изд. 1907, с. 423. *Гарин* (наст. фамилия Виндинг) Дмитрий Викторович (1853—1921) — беллетрист, журналист, актер.

262. Изд. 1889, с. 316. Печ. по сб. «Памяти Дрожжина. К двадцатилетию со дня смерти поэта», Калинин, 1951, с. 93.

263. Изд. 1889, с. 303. Печ. по изд. 1907, с. 476.

264. Изд. 1889, с. 322.

265. Изд. 1889, с. 333. Печ. по изд. 1907, с. 504.

266. НРП, с. 97.

267. Изд. 1889, с. 339.

268. «Журнал для всех», 1903, № 9, с. 1079, без стихов 7—9. Печ. по «Баяну», с. 39.

269. «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 15.

270. Изд. 1901, с. 17.

271. Изд. 1901, с. 43. Печ. по «Юбилейному сборнику», с. 90.

272. Изд. 1901, с. 49. Печ. по «Песням», с. 74.

273. НС, с. 148.

274. «Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения», 1900, № 3, с. 541, под загл. «Русская песня». Печ. по изд. 1901, с. 79.

275. Изд. 1901, с. 83, с посвящением М. А. Толстой. Печ. по «Баяну», с. 105. Толстая М. А. — помещица, проживавшая в имении недалеко от Низовки.

276. «Литературные вечера „Нового мира“», 1899, № 5, с. 305.

277. «Баян», с. 70.

278. НС, с. 42.

279. «Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения», 1904, № 1, с. 130.

280. НС, с. 67.

281. ЗП, с. 9, под загл. «Родине». Печ. по «Юбилейному сборнику», с. 95.

282. ЗП, с. 77.

283. ЗП, с. 41.

284. ЗП, с. 68; С. Д. Дрожжин, Баян. Стихотворения, изд. 2-е, Тверь, 1920. Печ. по «Юбилейному сборнику», с. 31.

***285.** «Журнал для всех», 1906, № 6, с. 323; сб. «Песни рабочих», М., 1906, с. 9, с другим окончанием. Печ. по сб. «Песни рабочих», 2-е испр. и доп. изд., М., 1920, с. 14.

286. ЗП, с. 74. Обращено к М. А. Дрожжиной (см. о ней примеч. № 247).

287. ПСП, с. 27.

288. ПСП, с. 29.

***289.** «Баян», с. 145. Печ. по сб.: С. Дрожжин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1949, с. 175. *Коринфский* Аполлон Аполлонович (1868—1937) — поэт, постоянно проявлявший интерес к «писателям-самоучкам», долголетний близкий знакомый Дрожжина (с конца 1880-х гг.), автор статьи о нем, напечатанной в ПСП.

290. ПСП, с. 40.

291—292. ПСП, с. 43.

293. ПСП, с. 50. Написано под впечатлением семейной драмы младшей дочери Дрожжина Зинаиды Спиридоновны, муж которой, К. Н. Титов, заболел туберкулезом и вскоре умер.

294. «Новое слово», 1907, № 5-6, с. 104; ПСП, под загл. «Птицы», с датой: 1878 г. Печ. по первой публикации, так как изменение загл., очевидно, продиктовано цензурными условиями: в стихотворении явно ощущается иносказательный смысл («новые птицы» — борцы за свободу), характерный для произведений эпохи первой русской революции. Надо полагать, дата «1878» фиктивная: скорее всего, стихотворение было написано незадолго до его журнальной публикации.

295. ПСП, с. 76. *Позняков* Николай Иванович (1856—1910) — писатель, критик, педагог, секретарь постоянной академической комиссии по оказанию помощи нуждающимся литераторам. Позняков написал о поэте ряд статей и брошюру «Поэт-пахарь (С. Д. Дрожжин)», М., 1903.

296. ПСП, с. 77.

297. ПСП, с. 84.

298. ПСП, с. 85.

299. ПСП, с. 86. *«Тройка».* Отрывок из стихотворения Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине» (1825), ставший народной песней под загл. «Тройка».

300. ПСП, с. 90.

301. ПСП, с. 93.

302. ПСП, с. 100.

***303.** ПТС, с. 37. Печ. по авторскому экземпляру ПТС, где «Из мрака к свету» дано в др. редакции (ПД). Правка Дрожжина в этом сборнике должна была быть учтена при переиздании ПТС, которое не состоялось.

304. «Песни», с. 19. Написано по случаю литературного вечера, посвященного сорокалетию творческой деятельности Дрожжина. На этом вечере (в декабре 1913 г.) ему был поднесен письменный прибор, в который входили: мраморная чернильница, украшенная бронзовой скульптурой орла с распростертыми крыльями, подсвечник и подставка для ручек.

305. «Песни», с. 92.

306. Печ. по автографу ПД. Строки, печатаемые в наст. издании в качестве второй части стихотворения, написаны на особом листе, подклеенном спереди к озаглавленной части. *Рабы, влачащие оковы, Свободных песен не поют.* Измененные строки из стихотворения Ф. Н. Глинки «Плач плененных иудеев».

307. ПТС, с. 48. *Леонов* Максим Леонтьевич — см. с. 373. Дрожжин и его друг Леонов были членами «Московского товарищеского кружка писателей из народа», переименованного в 1903 г. в «Суриковский литературно-музыкальный кружок». Леонову принадлежит статья о Дрожжине («Народное благо», 1898, № 47).

308. «Песни», с. 122. Датируется по автографу в альбоме Н. А. Крашенинникова (ЦГАЛИ). *Вековой их враг* — русский царь, арестованный и заключенный под стражу; вообще царская власть.

309. С. Д. Дрожжин, Баян. Стихотворения, изд. 2-е, Тверь, 1920, с. 61.

310. ПТС, с. 8.

311. ПТС, с. 28, без загл. Печ. по сб.: С. Д. Дрожжин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1949, с. 217.

312. ПТС, с. 30. Жена поэта, М. А. Дрожжина, умерла 23 марта 1920 г.

313. «Пути», с. 99.

314—315. «Песни», с. 112, 113. Вошли в «Пути» (с разночтениями).

316. «Пути», с. 101.

317. С. Д. Дрожжин, Избранное, Калинин, 1940, с. 116, где опубликовано по рукописи, хранившейся в Доме-музее Дрожжина.

СТИХОТВОРЕНИЯ И. СУРИКОВА, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ[1]

1. Бедняк («По улице ночью глухою...») — «Воскресный досуг», 1864, 11 октября, с. 238.
2. В лесу («Славно в лесу на пахучей траве...»), 1864—ПД.
3. Былина, 1864 — ПД.
4. Швея («Ночь. Сверкают звезды...») — «Воскресный досуг», 1865, № 102, с. 28.
5. «В воздухе смолкает...», 1866 — см. вступ. статью к наст. изданию.
6. На кладбище («Святая — ранняя, кой-где...»), 1867 — ПД.
7. Гроза в лесу («Ехали мы лесом...»), 1868 — «Литературный Ярославль», кн. 8, 1956, с. 223.
8. Молитва («Молю тебя, создатель мой...»), 1868 — ПД.
9. Пир (*Перевод — подражание Анакреону),* 1868 — И. З. Суриков, Собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1951, с. 276.
10. Чумацкие дети (*С малороссийского перевода Ломуса из Мицкевича),* 1871 — там же, с. 281.
11. Заключенный (Из сказки Андерсена), 1872 — там же, с. 277.
12. Ласточка («Идет девица-сиротка...») *Из Т. Ленартовича,* 1872 — там же, с. 285.
13. Колыбельная песня («В селенье избушка нова и красива...»), 1872 — Сб. IV, с. 18.
14. «Пусть потратил я силы бесплодно...», середина 1870-х гг. — «Русская старина», 1905, т. 122, с. 99.
15. Памяти А. В. Кольцова и И. С. Никитина — «Ремесленная газета», 1875, № 9, 3 мая.

---

[1] В списке перечислены все стихотворения, бесспорно принадлежащие Сурикову, за исключением совсем малозначительных фрагментов и экспромтов. Стихотворения поименованы в хронологическом порядке; те же, дата написания которых неизвестна, указаны после датированных в алфавитном порядке. В каждом случае дается ссылка на публикацию произведения, а если оно не опубликовано — на архив, где хранится рукопись.

16. «Безжалостная! Ты...», 1877 — И. З. Суриков, Собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1951, с. 150.

17. «Мне жалко не тебя, обидно и жестоко...», 1877(?) — Сб. IV, с. 29, с ошибками (автограф — ЦГАЛИ).

18. «Как засну навеки...», 1878 — там же, с. 35.

19. «Я был восторженный безумец...», 1878 — там же, с. 55.

20. Святослав и Цимисхий, 1878 — И. З. Суриков, Собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1951, с. 264.

21. «Всё люди, люди!.. тьма людей...», 1878 — Сб. IV, с. 62.

22. «Как соловушка из клетки...», 1878 — там же, с. 65.

23. «За то, что я песни любил...» — ЦГАЛИ, в тексте письма к М. А. Козыреву от 1879 г.

24. Литовская песня («Что ты так невесел...») *Из Э. Одынца*, 1880 — И. З. Суриков, Собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1951, с. 286.

25. Бедняку («Ты живешь беспомощно и бедно...») — «Литературный Ярославль», кн. 8, 1956, с. 222.

26. «Вот вечер уж близко и солнце садится...» — ПД.

27. Грозный царь (отрывок) — ПД.

28. «Есть люди...» — «Исторический вестник», 1903, № 9, с. 891.

29. «За окошком вьюга...» — «Русская старина», 1905, т. 122, с. 88.

30. Ненующему поэту («Не громка твоя, друг, лира...») — «Огонек», 1941, № 10, с. 15, в статье Ив. Н. Розанова «Поэт Суриков».

31. «Тоской моя грудь изболела...» — «Литературный Ярославль», кн. 8, 1956, с. 222.

32. «Трудись и веруй в дарованье...» — «Русская старина», 1905, т. 122, с. 106.

33. «Целый день от утра и до ночи...» — ПД.

34. «Я с ранних лет был раб нужды...» — ПД.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. СУРИКОВА

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* И. З. Суриков. Гравированный портрет. 1870-е годы. Литературный музей Института русской литературы АН СССР.

2. *Стр. 65.* Фрагмент автографа стихотворения И. З. Сурикова «Из бедной жизни» (ранняя редакция). Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР.

3. *Стр. 109.* Автограф начала стихотворения И. З. Сурикова «На дворе бушует ветер...» (ранняя редакция). Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР.

4. *Между стр. 288 и 289.* И. З. Суриков. Фото 1870-х годов. Литературный музей Института русской литературы АН СССР.

5. *На обороте.* С. Я. Дерунов. Фото 1880-х годов. Государственный литературный музей.

6. *Между стр. 384 и 385.* С. Д. Дрожжин и М. Л. Леонов. Фото 1910-х годов. Собрание Е. Е. Шарова (г. Калинин).

7. *На обороте.* С. Д. Дрожжин. Фото 1880-х годов. Государственный литературный музей.

8. *Стр. 441.* Автограф фрагмента стихотворения С. Д. Дрожжина «Поэт и читатель». Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

БЫЛИНЫ, СКАЗАНИЯ, ПОЭМЫ

II

ПОЭТЫ «РАССВЕТА»

А. БАКУЛИН

С. ГРИГОРЬЕВ

С. ДЕРУНОВ

Д. ЖАРОВ

М. КОЗЫРЕВ

Е. НАЗАРОВ

А. РАЗОРЕНОВ

И. РОДИОНОВ

И. ТАРУСИН

III

М. ЛЕОНОВ, С. ДРОЖЖИН

М. ЛЕОНОВ

С. ДРОЖЖИН

СУРИКОВ И ПОЭТЫ-СУРИКОВЦЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1966,
516 стр. Тем. план вып. 1966, № 420
Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *О. К. Королева* и
Е. А. Омельяненко

Сдано в набор 9/VI 1966 г. Подписано в печать 13/VIII 1966 г. М 51025. Бумага 84×
×108 1/32, № 2. Печ. л. 16 1/8 (27,4). Уч.-изд. л. 24,42. Тираж 25 000. Зак. № 942. Цена 87 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3